

НОВАЯ ПОЛЬША

№7-8₍₈₈₎

2007

Дворец культуры и науки: сомнительный подарок

СОЛИДАРНОСТЬ С «СОЛИДАРНОСТЬЮ»

БОРЬБА С «УТЕЧКОЙ МОЗГОВ»

Чеслав Милош ДОЛИНА ИССЫ

Стихотворения Яна Лехоня

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

О взаимодействии польской и немецкой молодежи

АНДЖЕЙ ВРУБЛЕВСКИЙ — ХУДОЖНИК-БУНТАРЬ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 7-8(88)

2007

июль-август

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Архиепископ Юзеф Жицинский МОСТЫ ВМЕСТО ОКОПОВ	3
Барбара Скарга ЧЕЛОВЕК НЕБЫВАЛЫЙ	7
Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	9
Елена Твердислова ПСЯ КРЕВ	16
Агнешка Рыбак ПООСТОРОЖНЕЙ, ЭТО ЖЕ НЕ ТУЧИ	18
ГОРОД В ПАМЯТИ <i>Беседа с Ярославом Зелинским</i>	22
Ян Стренковский СОЛИДАРНОСТЬ С «СОЛИДАРНОСТЬЮ»	28
Януш А. Майхерек БОЛЬШЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ наши люди	33
Иоанна Сольская ВЫСКОЧИЛ ЧЕРЕЗ ОКНО	35
Александра Фандреевская ВСЯ ПОЛЬША ОХОТИТСЯ НА РАБОТНИКОВ	39
Агнешка Енджейчак БОРЬБА С «УТЕЧКОЙ МОЗГОВ»	42
Чеслав Милош ДОЛИНА ИССЫ	44
Збигнев Жакевич «ДОЛИНА ИССЫ» ЧЕСЛАВА МИЛОША — БОГОСЛОВСКИЙ ТРАКТАТ	53
Ян Лехонь СТИХОТВОРЕНИЯ	55
Нина Тайлор-Терлецкая ДРАМА ЖИЗНИ И ДРАМА СМЕРТИ ЯНА ЛЕХОНЯ	62
Здислав Черманский О ЛЕШЕКЕ	64
Фердинанд Гётель ЛЕХОНЬ	65

LECHON

Мацей Малицкий НАРОДНАЯ САГА	68
БЕЗ ФАНФАР, ЗАТО ЭФФЕКТИВНО <i>Беседа с Адамом Зауэром</i>	71
НАМ НЕОБХОДИМО НЕМНОГО ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ <i>Беседа с Эмилией Хмелёвой</i>	76
Катажина Высоцкая ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ	78
«ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ МОЛОДЕЖИ» — ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ <i>Беседа с Петром Вомелей</i>	83
ОТ ПОКАЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ <i>Беседа с Людвигом Мельхорном</i>	85
Пшемислав Гловацкий АНДЖЕЙ ВРУБЛЕВСКИЙ — ХУДОЖНИК «МЕЖДУ»	89
Анджей Вайда ОБ АНДЖЕЕ ВРУБЛЕВСКОМ	93
Лешек Вонтрубский ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ КАРАИМЫ	97
Эльжбета Савицкая ВИЛЬНЮС ПО ВЕНЦЛОВЕ	99
Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	100
Иоанна Арашкевич ФОЛЬКЛОР В ПОЛЬСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКЕ	103
МУЗЕЙ, ПОЛНЫЙ ЗВУКОВ <i>Беседа с Антониєм Каней</i>	107
Анна М. Щепан-Войнарская КАЗИК ПОЕТ О ПОЛЬШЕ	110
Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	115
АКТЕР ОБЯЗАН НОСИТЬ В СЕБЕ ЧУДОВИЩЕ И АНГЕЛА <i>Беседа с Анной Полоны</i>	118

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, Е.Гендель, Н.Горбаневская, Т.Дзядко, Н.Кузнецов, М.Курганская, Е.Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 4, 8, 27, 110), Archiwum (стр. 19), E. Lempp (стр. 118), Archiwum Marty Wróblewskiej (стр. 90), Muzeum Narodowe (стр. 93-96, кроме «Картины на тему ужасов войны (Рыбы без головы)» и «Стремления к совершенству» - Архив)

Редакционный совет

Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Наталя Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталя Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Паулина Зеленая

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: powpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru

Журнал издается под патронажем
Национальной Библиотеки
по поручению Министра Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

**Архиепископ
Юзеф Жицинский**

МОСТЫ ВМЕСТО ОКОПОВ

*Выступление на праздновании 18-летия «Газеты Выборчей»
в связи с присвоением архиепископу Жицинскому почетного звания «Человек года»*

Я бы хотел горячо поблагодарить всех, кто разнообразными способами помог епископу стать вровень с празднующими сегодня свое восемнадцатилетие. Всегда приятно почувствовать дуновение молодости, когда тебе уже вот-вот стукнет шестьдесят, а с вашим главным редактором мы можем чувствовать себя сегодня как шестидесятилетними, так и восемнадцатилетними.

Впрочем, уважаемая пани профессор Барбара Скарга, которая только что процитировала несколько текстов, написанных мною во время военного положения, начиная со статей «Полилог» и «Полилог вместо национального диалога», и кончая моей оценкой помпезных ораторов*, напомнила нам, что существуют определенные непреходящие ценности. Они не подвержены влиянию времени, и в этом отношении перспектива восемнадцатилетних теряет свои преимущества, зато смыкается в некую общую систему с епископской перспективой — ибо считается, что епископ должен высказывать только вечные истины с перспективы бесконечности.

Сводя обе эти перспективы воедино, позволю себе заметить с точки зрения философа, что я могу принять некую максимально возможную систему, в которой эволюция нашей Вселенной продолжается, согласно положениям релятивистской космологии, почти 14 млрд. лет, но (что в этой системе самое неожиданное) состояние перехода от каких-то первобытных, скажем, троглодитов к *homo sapiens*, ассоциирующимся с так называемой «митохондриальной Евой», согласно результатам генетических исследований, датируется всего лишь несколькими десятками тысяч лет.

Так вот, меня эта пропорция перспектив просто потрясает. 14 миллиардов лет эволюции космоса и 80-90 тысяч лет эволюции человека как биологического вида. Что это значит? Это значит, что во Вселенной в течение более чем 99% ее истории не было человеческого наблюдателя. Подавляющее большинство нашей предыстории — это пустой космос, без существ, горделиво именующих себя *homo sapiens*. Скептики говорят: без человека всё началось, без человека и закончится.

Однако это уже выражение пессимизма, обосновать который, к счастью, больше не удастся. То, как все это закончится и какое будущее ожидает наш вид и нашу культуру, зависит в конечном итоге от нас самих и от тех ценностей, которые мы примем как основополагающие. Ценности эти должны быть включены в тот ход истории, где еще недавно главную роль играла «Солидарность», свобода, человеческое достоинство и права. Мы ощущаем особую ответственность за эти ценности и черпаем особое вдохновение для их защиты в послании всего понтификата Иоанна Павла II.

Стоит, однако, подчеркнуть, что уже в энциклике «*Centesimus Annus*» Иоанн Павел II предостерегал от влияния тех идеологий, в которых принадлежность к той или иной группе изглаживает из сознания всеобщее человеческое достоинство. Мышление может стать настолько идеологизированным, что приверженец идеологии вообще забудет о человеческом достоинстве, о том, что мы принадлежим к общности вида *homo sapiens*, ибо для него идеология окажется, увы, важнее. И это не только теоретическая возможность, но реальность, которую мы познали на примере Руанды.

*«Полилог», по определению Ю.Жицинского, это такая беседа, когда «каждый может говорить о том, в чем он разбирается или не разбирается, и когда резонерствующие демагоги могут плести все, что им взбретет в голову». При этом, добавляет автор, вокруг нас полно ораторов, которые «войдут в историю только потому, что им удастся сочетать выдающуюся глупость с выдающейся же помпезностью». — *Ред*

Однажды я разговаривал с одним епископом из Руанды и спросил его, где, по его мнению, кроются глубинные корни конфликта между племенами хуту и тутси. В ответ я услышал: трудно говорить о каких-то глубинных корнях конфликта. Представители двух наших племен вступали в смешанные браки, у них были общие ценности, их объединяло множество культурных факторов. Объединяло, пока ими не начали верховодить политики. Тогда во главе государства стали люди с маниакальным стремлением к власти как таковой, которые во имя своих личных навязчивых идей умели манипулировать ненавистью и разделять, чтобы властвовать. Трагедия более миллиона убитых — следствие патологического подхода к политике, когда было забыто человеческое достоинство, чтобы выдвинуть на первый план и развивать чуждую христианству племенную этику.

К счастью, не всегда действия, требующие сочетания политики с этикой, приводят к столь трагическим последствиям. В свете нашей польской истории мы можем с удовлетворением и надеж-

дой смотреть хотя бы на перемены в области диалога народов, на дружеское сотрудничество между многочисленными центрами в Германии и Польше, и, думая об этом, мы глубже понимаем значение памятного послания польских епископов немецким, гласившего: «Прощаем и просим прощения». Послание это навлекло на авторов грома и молнии — не только в «прогомулковских» кругах, называвших епископов предателями народа.

Последствием этих отгремевших громов и молний сегодня, в исторической перспективе, оказываются дружеские связи с нашими соседями, которых прежде пропаганда представляла исключительно как реваншистов и последышей нацизма.

Точно так же подобные перемены видны в отношениях с нашими украинскими друзьями. Поскольку Люблинская епархия граничит с Украиной, я вижу, как в самых различных сферах формируется новый склад ума нового поколения. Мы с надеждой смотрим на эти формы сотрудничества, уже ставшие фактом. И, безусловно, в этом диалоге культур, в этом наведении мостов христианское представление о человеческом достоинстве играет чрезвычайно важную роль.

А значит, мы можем также надеяться, что и в контактах с нашими российскими соседями культурные и духовные ценности окажутся сильнее, чем политические влияния. Подумаем только, насколько беднее было бы наше духовное наследие, если бы в нашей польской действительности мы не слышали о поэзии Анны Ахматовой или Иосифа Бродского, о размышлениях Андрея Сахарова, мудрости Натальи Горбаневской, о свидетельстве верности, выстраданном Надеждой Мандельштам.

Эти люди так глубоко вошли в нашу культуру, что трудно представить себе их отсутствие в принятой нами жизненной философии. И пан профессор Ежи Помяновский сейчас улыбается, потому что его деятельность оказывается по сути своей поисками этих форм диалога, которые — будем надеяться — в будущем так объединят польский и русский народы, как сегодня об этом могут мечтать только люди, опередившие свою эпоху.

В контексте этих перемен мне представляется, что самой трудной задачей остается теперь польско-польский диалог. Диалог, в котором царили бы не партийные интересы, но близкое христианству ощущение достоинства человеческой личности и забота о столь важном для расколотого общества единстве.

Угрозы этому единству появляются тогда, когда люди забывают, сколь ценна вновь обретенная свобода, или когда истину о человеческом достоинстве превращают в настолько размытую и абстракт-

ную, что она становится оторванной от жизни и начинает подчиняться принципу «цель оправдывает средства». А тогда уже можно без труда разоблачать врагов народа или повторять вслед за Маяковским: «Единица — вздор, единица — ноль», — забывая о фундаментальной аксиологии, которая должна нас объединять, чтобы мы не повторяли в каждом поколении болезненных ошибок истории.

Поэтому стоит задуматься о том, почему через полтора десятка лет после Октябрьской революции наступил период, который историки называли «красным террором»*. Большинство или по крайней мере многих из вождей революции объявили тогда изменниками, судили на специальных процессах. Интеллигентам напомнили слова Ленина, написанные им в 1922 г.: «Мы очистим Россию от инакомыслящих интеллигентов». Процесс заботы о чистоте России имел известные последствия. Из умственно отсталого ребенка, каким был Павлик Морозов, сделали символ гражданских добродетелей. Монополию на величие закрепили за теми, кто не ставил под угрозу величие Сталина. И тогда даже в психиатрических клиниках открывали новые виды заболеваний, чтобы устранить из общественной жизни тех, кого иначе устранить не удавалось. Это, однако, становилось возможным, когда у них обнаруживали, например, «вялотекущую», или «бессимптомную» шизофрению.

К сожалению, и в нашей действительности некоторые круги, представляющие историю «Солидарности» как историю предательства ее идеалов, нередко уже оперируют понятиями, аналогичными «бессимптомному» коллаборационизму. Это такая скрытая форма коллаборационизма, что о ней не было известно никому, кроме графомана-гэбэшника, писавшего очередные рапорты. И тогда вместо ожидаемого свидетельства правды и свободы мы получаем историю Речи Посполитой на потребу ГБ.

В этой связи весьма характерно, что в послевоенной Польше о Польше довоенной говорилось почти всегда только плохое. Везде видели санацию, буржуазию и уродливые явления. Подобная «историческая» или, вернее, псевдо-историософская традиция заставляет нас задуматься над тем, как избежать повторения тех же ошибок и не возвращаться к тому времени, когда из героев II Мировой войны делали «заплеванных карликов реакции», чтобы сегодня мы сумели проявить уважение к героям.

Например, об инженерере Эугениуше Квятковском, чьи заслуги в деле польских экономических реформ невозможно переоценить, в послевоенное время говорили с инфантильным идеологическим ожесточением, а когда он скончался, уже в эпоху Герека, в 1974 г., на публикации о достижениях строителя порта в Гдыне был наложен запрет. И тогда архиепископ Краковский кардинал Кароль Войтыла предоставил Вавельский кафедральный собор, чтобы к гробу Квятковского смогли прийти люди, стремившиеся отдать дань уважения довоенному Бальцеровичу.

Это было свидетельство причастности Церкви к тем ценностям, которые должны быть горизонтом радения о защите человеческого достоинства, и к поведению, которое не может зависеть от колебаний политических мод. К сожалению, глядя на окружающий нас пейзаж, отягощенный большой идеологией, можно лишь с горечью констатировать, что в некоторых кругах становится принципом изображать национальных героев и главных деятелей «Солидарности» сотрудниками ГБ. При чтении текстов, клеветнически обвиняющих нашего крупнейшего поэта Збигнева Херберта в контактах с госбезопасностью, а Яна Новака-Езёранского, знаменитого «варшавского курьера» и многолетнего директора польской редакции «Свободной Европы», — в сотрудничестве с гестапо, на ум приходит очевидная аналогия с аргументами Сталина, который даже врачей обвинил в заговоре, направленном на подрыв завоеваний революции.

Мы не имеем права развивать историософию, основанную на патологической подозрительности. На родине Иоанна Павла II национальной философией не может стать нигилизм, в рамках которого во имя личных комплексов и предубеждений очерняются всяческие авторитеты. Те, кого формировали порывы ветра с Балтийского побережья (в августе 1980 г.), не могут допустить, чтобы их духовным отцом стал антигерой Оруэлл, ретуширующий историческую правду в книге «1984».

Чтобы приукрасить высмеянный Оруэллом подход к истории, часто применяются различные религиозные завитушки. Например, цитаты из Евангелия, среди которых чаще других в последнее время приводят текст из Евангелия от Иоанна, 8.32: «Истина делает вас свободными». Однако ссылающиеся

* На самом деле «красный террор» был объявлен в 1918 г., после покушений на Урицкого и Ленина. Период, о котором говорит автор, получил название «большой чистки». — *Ред.*

на Евангелие нередко забывают о том, что в этой цитате речь идет об истине Иисуса Христа, воплощенной правде, а не об «истине» идеологов, примеры которой можно было найти на страницах другой «Правды» — органа ЦК ВКП(б) и КПСС. Так что у правды немало имен, и давайте, цитируя св. апостола и евангелиста Иоанна, уточнять, о какой правде мы говорим.

О том, что окончательную форму польским переменам придавали не герои романа Оруэлла и не революционные радикалы, мы услышали в 1979 г., во время первого паломничества Иоанна Павла II на родину, когда он обращался к своим слушателям со следующими словами: «Для вас Христос не перестает быть открытой книгой учения о человеке, его достоинстве и правах. И в то же время книгой, учащей достоинству и правам человека». Верующие, слушавшие своего пастыря, чувствовали себя тогда соавторами этой живой книги, призванными к сотрудничеству с Богом в деле преобразования облика своей страны. Это преобразование оказалось успешным. Нельзя умалять его значение, потому что это означает искажение «оруэлловской» цензурой той задачи, которую поставил перед нами Папа Иоанн Павел II во время своего первого паломничества на родину.

Он еще раз напомнил об этой задаче уходя, когда в день папских похорон снова проявилась книга, а сильные порывы ветра — ветра истории — переворачивали ее страницы. Мы же, наблюдая эту знаменательную символику, ощущали нашу общую ответственность за ход новейшей истории. Сегодня эта общая ответственность требует проявления неконформизма, смелости и последовательности в свидетельствовании солидарности с несправедливо обвиненными. Она требует наведения новых мостов там, где сегодня сооружается система обширных окопов. Так будем же верить в то, что мы сумеем преодолеть абсурдные конфликты и что те ценности, которые объединяют нас как во время сегодняшней церемонии, так и при многих других встречах, проявят себя как подлинные ценности, несмотря на всевозможные различия. Я хотел бы пожелать этого как нам самим, так и тем, кому сегодня восемнадцать.

Я бы хотел еще раз вспомнить уже упоминавшегося священника и философа Юзефа Тишнера, с которым мы совместно занимали пост декана в Папской богословской академии в те годы военного положения, которых коснулась профессор Барбара Скарга. Я помню, как однажды ко мне пришел некий человек и принес проект «вечного двигателя», позволяющего преобразовывать потенциальную энергию религиозных символов в энергию кинетическую.

Я слушал его с глубоким интересом и размышлял: что же мне с ним делать? Потом задал вопрос: «А как вы лично думаете, где это изобретение можно было бы применить?» — «Ну, например, в военном деле». — «Так штаб на другой стороне улицы, вы к ним и идите». Нет, он армии во время военного положения не доверяет, он только Церкви доверяет.

Тут я уже окончательно растерялся, а он повторил, что проблема использования скрытой кинетической энергии религиозных символов — это научное достижение масштаба Нобелевской премии. И вдруг меня осенило, что у нас тогда философию религиозной символики преподавал Тишнер. И я подумал про себя: подброшу-ка я его Юзеку, пусть у него голова болит.

Приняв такое решение, я сел, чтобы записать ему номер телефона и адрес, но в последний момент для профилактики, решил спросить его: «А кто вам дал мой адрес?» — «Как кто? Отец Тишнер».

gazeta
WYBRZESKA

Архиепископ Юзеф Жицинский — род. в 1948, духовный сан принял в 1972. Доктор богословия и философии, в 1988-1990 был деканом философского факультета Папской богословской академии в Кракове. Принимал участие в организации конференций, посвященных отношениям между наукой и верой, проходивших в Кастель-Гандольфо под покровительством Иоанна Павла II. В 1997 назначен архиепископом, митрополитом Люблинским. Автор более 50 книг и более 300 статей. Член Европейской академии науки и искусства в Вене и Комитета эволюционной и теоретической биологии Польской АН, Член Папского совета по культуре и Конгрегации по вопросам католического воспитания.

Барбара Скарга

ЧЕЛОВЕК НЕБЫВАЛЫЙ

*Похвальное слово архиепископу Юзефу Жицинскому
на церемонии присуждения ему звания «Человека года»*

Хвалить мужа, преуспевшего в трудах и в ученой философии, — дело приятное, но нелегкое. Хотя уже давно отмечено, что весь мир становится светлее и начинает нам улыбаться, когда произносятся слова признательности, а когда давит неприязнь — становится мрачнее. Мои слова, разделяемые, я уверена, всеми собравшимися — и не только ими, — забот не развеют, радости чересчур не прибавят. Ибо мир таков, каков есть, в нем больше темноты, чем света. Тем не менее я хотела бы, чтобы на мгновение достойный муж забыл об огорчениях, чтобы просветлела его озабоченная душа. Должен же он знать, что есть и такие люди, которые слова его слушают жадно, жаждут от него уроков и радуются его присутствию. Они-то и видят в нем не только университетскую мантию, символизирующую *logos*, и не только пастырскую рясу, символизирующую *fides*, но и просто человека, человека небывалого, ибо, как учит печальный опыт, такого редко удастся встретить.

И вот моя похвальная речь последует примеру таких людей, но без громких слов и поклонов, которые лишь выводили бы лауреата из терпения и оскорбляли бы его врожденную скромность. Ибо тот, для кого идеал добра выше всяких красивых слов, похвал не любит и славы не ищет, поскольку весь проникнут заботой о заблудших, и стремится дать им свидетельство красоты и добра в час тьмы. Ибо он знает и не раз говорил и писал об этом — тут приведу его слова, — что хотя «сгущающаяся тьма в конце концов меняется с течением времени, потребность красоты и смысла остается вневременной».

Следовательно, наш лауреат — почитатель смысла и общественной разумности, без которых красота и добро расцвести не могут, а поэтому человеческие низости, человеческая глупость и мелочность так болезненно его затрагивают. О них он говорит неустанно — об этих изъянах, которые общество несмотря на все поучения продолжает лелеять, — объясняет, растолковывает, стремясь вступить в диалог даже с теми, кто истин выслушивать не хочет и отворачивается от них.

Они предпочитают оставаться при своем, как выразился лауреат, «полилоге», то есть при таком разговоре, в котором, согласно его объяснениям, «каждый может говорить о том, в чем разбирается или не разбирается и в котором демагогические резонеры могут плести все, что им на ум взбредет». А таких «полилогических» резонеров у нас множество, и они так уверены в себе, что затыкают уши, чтобы не слышать предостережений, провозглашая вдобавок, что только они способны — благодаря единственно верной выбранной и занимаемой ими позиции, — с необычайной быстротой воплотить в жизнь добро и справедливость. Вот каким абберациям они подвержены.

Достойный лауреат не раз с печалью констатировал, что вокруг нас по-прежнему полно ораторов, которые — тут я снова привожу его слова — «надолго войдут в историю по той причине, что исключительную глупость умеют соединять с исключительной помпезностью».

Ты давно стремился понять, о достойный лауреат, причины такого положения вещей. Ты спрашивал, почему те, «кто еще недавно выступал с открытым забралом против тоталитарной системы, вдруг начинают теряться в бездне новых отношений, не находя себе места в чуждом мире насилия и печали». Ты лучше других понимаешь страхи *этих* людей и их внезапные повороты в ту или другую сторону либо их желание замкнуться в равнодушии по отношению к событиям. Ты пытаешься рассеять их страхи и сражаешься с их равнодушием, ибо сам никогда ни от чего не закрывался, никогда ни на что не смотрел равнодушно. Ты слушал разные голоса, звучавшие с разных сторон, взвешивая их соображения.

Какая же нужна мудрость, чтобы эти соображения извлечь и оценить, какая нужна проницательность, чтобы человеческие ошибки и слабости распознать, назвать и показать их последствия. Какая нужна воля, чтобы спасать растерявшихся на этих крутых дорогах, где больше ценят Каина, чем Авеля,

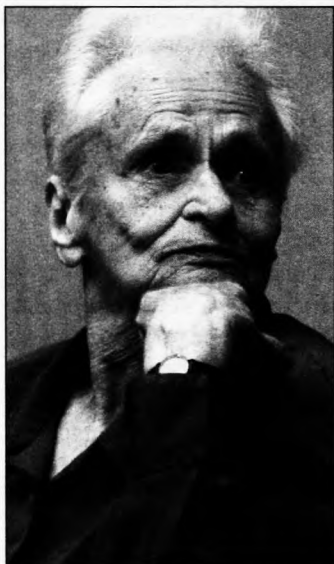

где «сотники от мышления», как ты сам выразился, доказывают, что свобода основана на послушании инструкциям власти. Ты, лауреат, знаешь об этом, ты в разные моменты своей жизни и труда убедился, как низко способен пасть человек.

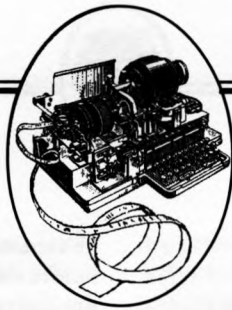
Однако ты выбрал путь, на котором уже невозможно остаться равнодушным ни к одной капле зла, ни к одному заблуждению и ни к какому страданию. Тяготы этого пути ты выбрал сам и знаешь лучше других, сколько боли он причиняет, как трудно стоять лицом к лицу с человеческой подлостью. Но ты не клеймишь ее, а безумие, когда одни клеймят других по поводу либо без повода, — отвергаешь. Ты выбрал путь понимания и прощения, а это тот путь, на котором ты всегда найдешь союзников, хоть их и не так много.

Часто говорят, что вера и разум согласиться друг с другом не могут, что они всегда находятся в конфликте. Это неправда — достаточно, чтобы и тот и другая обратились к человеку, и вот уже между ними устанавливается глубокая связь, а их пути начинают сходитьсь. Ты, лауреат, такую связь стремишься укрепить и с этой целью предпринимал не одно начинание. Ибо ты исповедуешь ту высшую истину, в которой твои ряса и мантия, *fides* и *logos* объединены в *etos*.

gazeta

Барбара Скарга — философ и историк философии, профессор Института философии и социологии Польской Академии наук. Во время II Мировой войны — связная Армии Крайовой. Арестована органами НКВД в 1944, приговорена к 11 годам лагерей. В Польшу вернулась в 1955. Среди ее опубликованных трудов — «Рождение польского позитивизма. 1831-1864» (1964), «Прошлое и истолкования» (1987), «След и присутствие» (2002), «Метафизический квинтет» (2005), а также воспоминания «После освобождения. 1944-1956» (1985). В 1995 награждена орденом Белого Орла. Ее публикации в «Новой Польше» — см. 2000, №6; 2002, №3.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

■ «По данным Главного статистического управления (ГСУ), в первом квартале экономического роста составил 7,4%. Инвестиции выросли почти на 30% — больше, чем в разогретой до предела китайской экономике (...) где за тот же период они выросли на 25,3%». (*«Жечпосполита»*, 1 июня)

■ Томас Лаурсен, главный экономист варшавского отделения Всемирного банка: «У Польши прекрасная экономическая ситуация. Экономика растет благодаря росту внутреннего спроса, а также экспорту и всё большему объему инвестиций. Тем самым создается солидная база на будущее». (*«Дзенник»*, 1 июня)

■ «По оценкам Конференции польских предпринимателей, в Польше есть вакансии приблизительно для 200 тыс. специалистов. Работников ищет каждая третья строительная фирма и каждое десятое производственное предприятие. При этом число безработных достигает 2,2 млн. человек. В течение года средняя зарплата повысилась на 10%, а представители некоторых профессий зарабатывают даже на 20-50% больше, чем несколько месяцев назад (...) Год назад средняя зарплата строительного рабочего достигала 2000 злотых на руки. Теперь за такие деньги работают лишь самые неквалифицированные. Плотники, арматурщики, штукатуры зарабатывают около четырех тысяч. Но их все равно тяжело найти. Поэтому некоторые фирмы были вынуждены приостановить работы (...) Оклады специалистов с хорошим образованием уже начинают приближаться к западноевропейским. А доходы польских менеджеров часто бывают такими же, как у их западных коллег». (*«Жечпосполита»*, 22 мая)

■ «По данным министерства труда и социальной политики, в конце мая уровень безработицы составил 13-13,1%, что на 0,7% меньше, чем в апреле». (*«Дзенник»*, 5 июня)

■ «По данным ГСУ, в прошлом году среднее польское домашнее хозяйство располагало суммой 835 злотых в месяц. Это на 8,5% больше, чем в 2005 году (...) Несмотря на это, в 2006 г. около 18% домашних хозяйств жили за чертой бедности». (*«Жечпосполита»*, 6-7 июня)

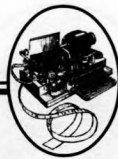
■ «Хотя наша задолженность банкам составляет 200 млрд. долларов, в основном кредиты поляков не превышают суммы 10 тыс. злотых. В таких пределах взяли кредит почти 28% семей. По данным Главного торгового училища и Конфедерации финансовых учреждений, лишь 4,1% домашних хозяйств должны банкам более 50 тыс. злотых — в таких случаях кредит, как правило, берется на покупку квартиры. Зато почти у половины поляков нет долгов перед финансовыми учреждениями». (*«Политика»*, 2 июня)

■ «Зарплаты всё растут и растут и, похоже, не собираются останавливаться. Уже больше года оклады в Польше растут быстрее, чем ВВП. ГСУ подсчитало, что с марта 2006 по март 2007 г. зарплаты подскочили более чем на 9% (...) Размер социального минимума для одного человека составляет 761,3 зл., а для семьи из четырех человек — 2355,1 зл. (588,80 на человека). В понятие социального минимума входят также дешевая машина, компьютер и мобильный телефон. Однако многие поляки этого минимума не достигают. Для большинства средняя зарплата (в настоящее время 2783 зл.) остается пределом мечтаний. Почти 70% занятого населения (в т.ч. 73% женщин) зарабатывают меньше. Евросоюз дал нам свободу выбора — в частности, выбора работодателя. Решение отправиться за границу уже не так драматично, как в прошлом. Есть смысл зарабатывать там, а тратить здесь. Экономисты предупреждают, что рост зарплат может привести к высокой инфляции, но, с другой стороны, признают, что работающие поляки стоят больше, чем им платят». (*«Политика»*, 26 мая)

■ «Более 250 польских больниц участвуют в бессрочной забастовке». Врачи требуют повышения зарплаты. (*«Тыгодник повсехный»*, 17 июня)

■ «Приблизительно в 60% польских школ и детских садов прошла двухчасовая предупредительная забастовка: работники образования требуют повышения зарплаты и права на досрочную пенсию». (*«Тыгодник повсехный»*, 10 июня)

■ «После первого за почти три года повышения основных процентных ставок (по решению Совета монетарной политики) проценты по вкладам повысили также банки». (*«Политика»*, 26 мая)

■ «После первых четырех месяцев этого года доходы государственного бюджета были на 5 млрд. злотых больше, чем запланировало правительство, а расходы росли медленнее, чем предполагалось. Благодаря этому дефицит составил всего 2 млрд. злотых. Это лучший результат за многие годы (...) Прежде всего это следствие значительно более высокого дохода в виде налогов от физических лиц (PIT) и от фирм (CIT) (...) 2006 год был первым годом без налоговых льгот». (*«Жечпосполита»*, 16 мая)

■ «По оценкам Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также некоторых польских экономистов (...) каждый из нас должен заплатить 58 тыс. злотых. По их мнению, общая сумма долгов Польши составляет уже 2,2-3 млрд. злотых. Роман Хольцман из Всемирного банка подсчитывает все обязательства, которые взяло на себя государство по отношению к гражданам. Экономисты называют такой долг скрытым или общим государственным долгом. «Сейчас в Польше он оценивается в 220% ВВП», — говорит Михал Рутковский из Всемирного банка, один из авторов польской пенсионной реформы. — Если бы не она, этот долг был бы в два раза больше. В 1998 г. все обязательства государства составляли около 460% ВВП». (Александра Фандреевская, *«Жечпосполита»*, 1 июня)

■ ««Я узнала, что меня уволили из-за несогласия с преобразованием [отвечающего за пенсии] Управления социального страхования (УСС) в бюджетную единицу», — признала [начальник УСС] Александра Викторов. Изменение статуса управления позволило бы министерству финансов вписать в госбюджет 3 млрд. злотых, которые УСС ежегодно получает на социальное обеспечение (...) Александра Викторов была назначена директором УСС в 2001 г. по рекомендации «Унии свободы». Она пережила правительства Ежи Бузека, Лешека Миллера, Марека Бельки и Казимежа Марцинкевича. Кроме того, она отвечала за социальное страхование в кабинетах Яна Ольшевского и Ханны Сухоцкой». (*«Жечпосполита»*, 2-3 июня)

■ «По мнению Лешека Бальцеровича, больше всего польскую экономику тормозят государственные расходы. По отношению к ВВП они в два раза выше, чем в самых быстроразвивающихся странах (...) Бальцерович называет чрезмерный рост государственных расходов проеданием плодов экономического роста (...) В прошлом году доходы от приватизации должны были составить 5,5 млрд. злотых. В конечном итоге было получе-

но только 0,5 млрд. Чтобы покрыть дефицит, пришлось одалживать на 5 млрд. злотых больше, чем предполагалось». (*«Дзенник»*, 1 июня)

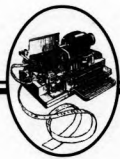
■ «Померзло у нас, а подорожает во всем ЕС. 70% плодов и ягод (клубники, малины, смородины, вишни), попадающих на европейские столы, выращивается в Польше. Так же обстоит дело и с яблоками (...) В прошлом году на экспорте свежих и консервированных фруктов мы заработали 900 млн. евро. В этом году мы продадим за границу меньше, зато дороже». (*«Политика»*, 19 мая)

■ «С согласия инспекторов по охране природы воеводы дали разрешение на сбор в общей сложности 2,5 тыс. тонн виноградных улиток (...) Ежегодно Польша экспортирует во Францию около 1000 т мяса виноградных улиток и до 2000 т живых улиток. Таким образом, этот год будет не самым удачным». (*«Жечпосполита»*, 23 мая)

■ Ядвига Станишкис, профессор социологии, бывшая политзаключенная и деятель демократической оппозиции в ПНР: «Из-за резкого, часто истерического протеста правых против инициатив, связанных с охраной окружающей среды, экологи становятся группой, отвергнутой большинством (...) Для меня уважение к природе — элемент патриотизма (...) Польские правые (...) подвержены очень сильному у нас влиянию крестьянских и мелкобуржуазных культурных образцов. Согласно этим образцам, природа — это либо земля, которую надо покорять и осваивать (по крестьянской традиции), либо чуждая и враждебная территория (по мелкобуржуазной традиции). Поэтому следует либо эксплуатировать природу, либо бояться ее. Для такого образа мыслей экология — непозволительная роскошь, поскольку она означает неиспользованные возможности, неосвоенные земли, которые могли бы стать источником прибыли». (*«Дзенник»*, 21 мая)

■ «Польская промышленность с лихвой восполнила потери, связанные с эмбарго на мясо. Вместо ветчины в Россию поставляются лекарства. Наибольшей популярностью пользуются медикаменты, продающиеся без рецепта. Только в прошлом году объем экспорта лекарств увеличился почти на 29%, достигая без малого 677 млн. долларов. Из всех экспортируемых Польшей лекарств 20% поставляются в Россию». (*«Жечпосполита»*, 25 мая)

■ «Сначала президент Владимир Путин подсказал, что следовало бы обратить особое внимание на фургоны, везущие из Польши в Россию свиней. Потом российские пограничники не разрешили ввезти в Россию польские яблоки, капусту и цве-

ты (...) 38 тонн яблок и 113 тонн капусты из Польши, а также партия выращенных в нашей стране цветов (...) были задержаны на литовско-российской границе». («Дзенник», 31 мая)

■ **Встреча в верхах в Самаре:** ««В ЕС необычайно важна солидарность. Проблема польского мяса — это европейская проблема», — сказала канцлер Ангела Меркель на пресс-конференции по окончании саммита. «Нет никаких причин для введения эмбарго на польское мясо. Проблемы были, но их удалось решить. Если бы они продолжались, то сам ЕС приостановил бы торговлю этим мясом на своей территории», — вторил ей председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу». («Жечпосполита», 19-20 мая)

■ «В апреле польский министр иностранных дел Анна Фотыга получила приглашение посетить с визитом Москву, но не воспользовалась им (...) По словам пресс-секретаря МИД Роберта Шанявского, причина отказа проста: «Мы ждем, чтобы Россия начала относиться к нам, как к другим странам ЕС, и перестала необоснованно блокировать торговлю с Польшей» (...) Зампредседателя [оппозиционной] «Гражданской платформы» (ГП) сказал, что (...) «логично ограничить число визитов вежливости, когда в польско-российских отношениях существуют реальные трудности». При этом он напомнил о визите Анны Фотыги в Москву в июне 2006 года. Официальной целью было участие в конференции, но встреча с министром Лавровым тогда так и не состоялась». («Жечпосполита», 17 мая)

■ **Проф. Адам Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел:** «Россия — это большое, но нормальное государство. Мы ожидаем от нее того же, что и от других государств». («Дзенник», 21 мая)

■ «Вчера после двухлетнего перерыва Польские государственные железные дороги возобновили движение поезда сообщением Варшава—Москва. Расстояние между двумя городами поезд преодолевает за 20 часов. Поезд «Полонез» отправляется ежедневно в 16.10 с Центрального вокзала. Место в спальном вагоне стоит от 350 до 600 злотых. Цены даны в евро, поэтому возможны небольшие колебания. «Полонез» предлагает места в современных польских и российских спальнях вагонов, а также в обычных вагонах первого и второго класса». («Дзенник», 29 мая)

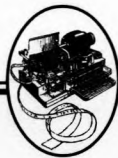
■ «Что делать с памятниками советским солдатам в Польше? (...) Для 38% опрошенных они символизируют освобождение, для 33% — поражение (...) Преобладает мнение, что памятники

должны остаться на своих местах (57%). Так считает даже 31% тех, кто видит в таких памятниках символ поражения. 47% из них предпочитают перенести памятники на ближайшие кладбища советских солдат. 49% опрошенных утверждают, что за могилами советских солдат ухаживают надлежащим образом. 23% придерживаются противоположного мнения». Таковы результаты опроса ЦИМО. («Газета wyborcza», 25 мая)

■ «Ликвидируя эти символы, давайте поставим (лучше всего в Варшаве, в центре) памятник Александру Герцену, благородному русскому, большому другу Польши, поборнику нашего права на независимость в самые темные времена разделов. Вот это был бы жест по-настоящему свободных людей». (Эльжбета Исакевич, «Ньюсуик-Польша», 13 мая)

■ **Могила военнослужащих и членов их семей с бывших баз Северной группы войск Советской Армии, размещенных в Польше после войны, будут перенесены из 26 мест захоронения на три новых кладбища. В общей сложности это почти полторы тысячи могил (...)** Большинство могил находится в плачевном состоянии. Многие годы за ними никто не ухаживал (...) Вдобавок советских граждан часто хоронили в случайных местах: возле оград базы или как в Свентошове — на полигоне. К переезду готовят еще около 800 могил, которые должны быть перенесены на кладбище в Легнице (...) Удалось перенести уже более 700 могил — теперь они находятся на кладбищах в Борно-Сулимове и Хойно. В настоящее время там ведутся работы по благоустройству: рабочие устанавливают новые надгробия из светлого гранита, прокладывают дорожки и сажают декоративные кусты». («Жечпосполита», 24 мая)

■ **Анджей Пшевозник, секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества:** «На сегодняшний день в Польше находятся 634 места захоронения советских солдат. Это маленькие участки кладбищ, группы могил, но часто и огромные кладбища, где похоронены тысячи солдат и граждан СССР, погибших в ходе военных действий. Все они находятся под опекой польских властей, ухожены и охраняются законом. Многие из них в последние годы реставрируются. С нашими могилами дело обстоит хуже. Число мест, связанных с мученичеством и смертью поляков на территории нынешней Российской Федерации, достигает трех тысяч (...) Это, в частности, места массовых убийств, лагерные кладбища. Их необходимо описать, а затем перенести или увековечить иным образом. Лишь в последние годы появились такие объекты, как в

Катыни, Медном, а также в Левашове под Петербургом, в Ёгле [поселок в Новгородской обл., мемориал воинам Армии Крайовой, погибшим в лагерях Боровичского района] и в Воркуте». (*«Ты-годник повзвешный»*, 20 мая)

■ «На прошлой неделе Московский городской апелляционный суд отклонил жалобу общества «Мемориал» на решение районного суда, который двумя месяцами раньше отказался рассмотреть иск «Мемориала» о реабилитации катынских жертв. Общество, занимающееся документацией коммунистических преступлений, требует, чтобы в отношении убитых в Катыни были применены положения принятого в 1991 г. закона о реабилитации жертв политических репрессий. Это событие, широко обсуждавшееся в польских СМИ, прошло незамеченным в российских. Упоминания об этом были лишь в нескольких российских газетах, а российские телеканалы и вовсе не сказали об этом ни слова (...) Руководитель польской секции «Мемориала» Александр Гурьянов сказал, что его общество будет подавать апелляции и в дальнейшем, а если все они будут отклонены российскими судами, обратится в Европейский суд в Страсбурге (...) Честь и хвала «Мемориалу» за то, что в неприязненной среде он осмеливается бороться за справедливость в деле убитых иностранцев». (*Андрей Луковский, «Ты-годник повзвешный»*, 3 июня)

■ «Польша заняла седьмое место в списке врагов России, составленном [по опросам общественного мнения] московским «Левада-Центром». Если год назад Польшу считали враждебной страной только 7% россиян, то в последнем опросе нас упомянули целых 20% респондентов (...) Автор опроса Александр Голов объясняет: «По телевидению много говорилось о планах ликвидации в Польше советских памятников, о спорах об экспозиции в Аушвице и о значительно менее важном для россиян споре о мясе. Результат налицо». (*«Газета выборча»*, 1 июня)

■ Томек Протас, студент Зеленогурского университета: «Мое сердце осталось на Байкале (...) Этот вид вознаграждает все тяготы 55-дневного велосипедного похода (все путешествие продолжалось 82 дня) (...) На всем моем пути через Россию я встречался с бескорыстной доброжелательностью людей. Километров за пятьсот до Иркутска я заехал в магазин купить чего-нибудь сладкого. Владелец магазина спросил, чего я хочу, не надо ли мне колбасы, хлеба. У меня уже все было, поэтому я попросил сладкую булочку, а он запаквал мне десять — даром (...) Я весь день думал,

почему этот человек помог мне. А вечером встретил другого человека, который с радостью пустил меня переночевать. Эти встречи стали сутью моего похода (...) Поначалу я немного боялся, так как не знал языка (...) По дороге я ночевал у чужих людей (...) Я спрашивал, нельзя ли мне переночевать на сеновале, в гараже или в сарае, а хозяева зачастую приглашали меня в дом. Они принимали меня еще охотнее, когда узнавали, что я студент из Польши. Многие даже помнили Зелену-Гуру по Фестивалям советской песни. Мне топили баню (...) Помыться в бане мне предлагали почти ежедневно — каждый хотел доставить мне удовольствие». (*«Газета выборча»*, 9-10 июня)

■ «Посол Украины вручил Адаму Михнику орден Ярослава Мудрого — высшую награду на берегах Днепра. Приказ о награждении подписал президент Виктор Ющенко. «Неизвестно, появилась бы на карте мира независимая Украина, если бы не процессы, начатые «Солидарностью». Огромную роль в этом сыграл Адам Михник. Спасибо вам за то, что сегодня у нас есть свободная Восточная Европа и ее часть — Украина», — сказал посол Александр Мотык». (*«Газета выборча»*, 5 июня)

■ На краковском саммите президентов Польши, Грузии, Азербайджана, Украины и Литвы враждовавшие до недавнего времени «Саакашвили и Алиев не только встретились на общих заседаниях, но и побеседовали с глазу на глаз; на Кавказ они возвращались в одном самолете, а в Тбилиси приняли участие в торжественном открытии памятника Гейдару Алиеву, отцу нынешнего президента Азербайджана (...) В речи, произнесенной по этому случаю, Саакашвили подчеркнул, что «Гейдар Алиев сыграл решающую роль в том, чтобы азербайджанские газ и нефть транспортировались через территорию Грузии (...) Президент Алиев публично назвал Саакашвили «мой дорогой друг Михаил». Добрососедские отношения между нашими кавказскими партнерами — одно из условий успеха долгосрочных планов развития промышленной инфраструктуры в этом регионе. В этом смысле краковский саммит оказался хорошей идеей». (*Андрей Луковский, «Ты-годник повзвешный»*, 27 мая)

■ Из интервью с министром иностранных дел Украины Арсением Яценюком: «Этот вопрос [размещение в Польше элементов американской ПРО] непосредственно нас не касается. Но у нас тоже есть подобные российские сооружения в Ужгороде и Крыму, поэтому мы имеем право высказаться. На самом деле речь идет о двусторонних

отношениях между США и Польшей и между США и Чехией. Я не вижу тут никакой угрозы для Украины. Имеющиеся у нас результаты экспертизы свидетельствуют об оборонном характере проекта». («Жечпосполита», 23 мая)

■ «На состоявшейся вчера в Гданьске встрече с Лехом Качинским Джордж Буш подтвердил, что, несмотря на сенсационное предложение Владимира Путина, планы строительства в Польше элементов ПРО остаются в силе (...) В Гданьске Качинский сказал только, что «по этому вопросу стороны выразили полное единодушие. Необходимо защищать мир от безответственных государств. Я не имею в виду Россию», — добавил польский президент». («Газета wyborча», 9-10 июня)

■ «В Хеле два президента окончательно наметили расположение шахт противоракет. Они должны быть построены в Редзикове близ Слупска». («Жечпосполита», 9-10 июня)

■ «Члены семей военнослужащих, погибших или пропавших без вести во время несения службы за пределами Польши, будут получать пенсию, равную 100% ее базовой части (...) Измененная ст. 45 закона об обеспечении военных инвалидов и их семей (касающаяся непрофессиональных солдат) тоже устанавливает 100-процентную семейную пенсию (...) Военнослужащим (...) травмированным или заболевшим во время несения службы за пределами Польши, медицинские услуги предоставляются вне очереди (...) Кроме того, теперь есть возможность финансировать их лечение из госбюджета (...) Военнослужащим, получившим такие права, будут бесплатно предоставляться лекарства и медицинские изделия (например ортопедические)». («Жечпосполита», 28 мая)

■ ««В Польше живет 25 участников гражданской войны в Испании. Ни один законопроект не направлен на их дискриминацию», — отвечал вчера замминистра иностранных дел Януш Станчик на вопрос депутата «Самообороны» о планах лишить бывших бойцов бригады им. Домбровского ветеранских привилегий. В 1936-1939 гг. в рядах интернациональных бригад против режима Франко сражались 5 тыс. поляков». («Газета wyborча», 24 мая)

■ «Познанский книготорговец Влодзимеж П. должен заплатить штраф в размере 5 тыс. злотых за нелегальную продажу книги Адольфа Гитлера «Майн кампф». По мнению познанского суда, он нарушил авторские права, принадлежащие немецкой земле Бавария». («Дзенник», 8 июня)

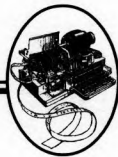
■ «Вчера маршал Сената Богдан Бурсевич поинтересовался у находящегося с визитом в Польше председателя китайского парламента У Банго, какова судьба похищенного 12 лет назад шестилетнего в то время Гендун Чокьи Ньямы. Китайские власти похитили его, когда Далай-лама, духовный лидер тибетцев, узнал в нем новое воплощение Панчен-ламы, одного из высших духовных иерархов тибетского буддизма (...) Когда маршал Бурсевич спросил о судьбе Панчен-ламы, это вызвало немалое смятение в рядах китайской делегации. «Меня лишь заверили, что он живет в хороших условиях», — сказал маршал». («Газета wyborча», 25 мая)

■ «Суд в Катовице вынес приговор 15 членам специального взвода милиции за участие в расправе над шахтерами шахт «Вуек» и «Июльский манифест» 16 декабря 1981 года. «Их операция была коммунистическим преступлением», — сказала судья Моника Сливинская. В третьем процессе по этому делу командир взвода был приговорен к 11 годам лишения свободы, а остальные милиционеры — к срокам от 2,5 до 3 лет лишения свободы». («Тыгодник повсехный», 10 июня)

■ Из интервью с Марекком Эдельманом: «Иоанна Щенская: «Отвергая ходатайство о продлении предварительного заключения доктора Мирослава Г., судья обратил внимание на возмутительное кодовое название, которое дало делу Центральное антикоррупционное бюро. Сегодня уже известно, что это было кодовое название «Менгеле»». Марек Эдельман: «(...) Тот факт, что государственное учреждение приравнивало доктора Г. к нацистскому преступнику, который лично наблюдал за медицинскими опытами на узниках концлагеря Аушвиц и стал символом врача-убийцы, — это проявление варварства в мышлении людей, которые должны быть стражами закона (...) Это опасный симптом (...) в публичной жизни, где царят ментальность тайных служб и ненависть. Внимание! Опасность уже на пороге». («Дзенник», 31 мая)

■ «В июле 2006 г. в Эльблонге по обвинению в коррупции был задержан психиатр Роман М. (...) В связи с этим полиция сообщила, что годом раньше на восемь задержанных в Варминско-Мазурском воеводстве врачей приходилось семь психиатров. Кто будет следующим?» («Рышард Соцка», «Политика», 2 июня)

■ «Информируя бывших президента и премьера Александра Квасневского и Лешека Миллера о том, что их разговоры не прослушиваются спецслужбами, премьер-министр Ярослав Качинский,

вероятно, превысил свои полномочия. Согласно закону об Агентстве внутренней безопасности (АВБ), засекреченные сведения можно предоставить исключительно по требованию прокурора или суда (...) Адвокат Войцех Брохвич (...) направил начальнику АВБ Богдану Свенчковскому письмо следующего содержания: «Прошу объяснить, по какой причине и на каком законном основании Ваше учреждение прослушивает мои телефонные разговоры на работе и по месту жительства» (...) Ответ подписал заместитель Свенчковского Гжегож Отечек, написавший, в частности, что он вынужден «отказать в предоставлении какой бы то ни было информации, поскольку следует констатировать, что в данном случае отсутствуют причины, предусмотренные законодательными нормами» (...) Тот факт, что Квасневский и Миллер получили информацию от самого председателя совета министров, а адвокату Брохвичу было в ней отказано, свидетельствует о несоблюдении принципа конституционного равенства». (*«Политика»*, 26 мая)

■ Доктор Славомир Муравец, психиатр, медицинский директор варшавского Центра психического здоровья, преподаватель кафедры психиатрии варшавской Медицинской академии: «Общественные настроения передаются. Сейчас у нас преобладает настроение: разоблачить врага! Подслушать, проверить, исключить. И люди подозревают, что их подслушивают, проверяют друг друга». (*«Ньюсуик-Польша»*, 3 июня)

■ «Президент работает ночами (...) «Случалось, что я уходил от него в три часа ночи», — говорит один из президентских сотрудников. А если так, то все люди президента остаются во дворце допоздна (...) «Вечером президент любит посидеть подольше (...) любит заказать бокал красного вина», — говорит наш собеседник из канцелярии президента (...) «Бывает, что встречи затягиваются до двух ночи (...) Президент очень полюбил Юрату [резиденцию в курортной местности на Хельской косе], где можно идти два километра по пляжу, зная, что никто не выйдет из-за дюны (...) Поэтому он приезжает туда все чаще (...) и именно там все чаще принимаются самые важные решения», — добавляет наш собеседник». (*«Дзенник»*, 29 мая)

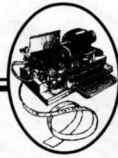
■ ««Хотелось бы, чтобы польская система включала в себя принцип равновесия властей, который в нашей стране не действует. Есть две власти — законодательная и исполнительная, — которые кое-как друг друга уравнивают. И есть третья власть — совершенно автономная (...)», — сказал президент Лех Качинский, принявший

участие во вчерашнем заседании Генеральной ассамблеи судей Верховного суда (...) Ответом на это стало предложение председателя Всепольского совета правосудия Станислава Домбровского. Согласно конституции, совет стоит на страже независимости судов и судей. «Надо освободить суды от надзора исполнительной власти [министра юстиции] и поручить этот надзор первому председателю Верховного суда», — предложил Домбровский». (*«Газета wyborcza»*, 18 мая)

■ О чем говорили польские епископы в проповедях на праздник Тела Господня? Председатель Епископской конференции Польши архиепископ Юзеф Михалик: «Правящая партия не сдала моральный экзамен, ибо не поддержала конституционную защиту жизни с момента зачатия». Кардинал Станислав Дзивийш, митрополит Краковский: «Власть, не замечая нужд вверенных ей людей, не получит благословения Божия». Архиепископ Казимеж Ныч, митрополит Варшавский, сожалел, что поляки отдаляются друг от друга, и призвал к единству. Он подверг критике язык политических дискуссий, заметив, что ему очень далеко до евангельского языка, объединяющего людей. Быдгощский епископ Ян Тырава: «Действия польского правительства и политиков оторваны от действительности и грозят анархией (...) Необходимо начать глубокую государственную реформу». Ломжинский епископ Станислав Стефанек подверг резкой критике забастовки врачей, учителей и медсестер, назвав их террористическим методом. (*«Дзенник»*, 8 июня)

■ Из интервью с доминиканцем о. Мацеєм Зембой, богословом, философом и публицистом: «Я вижу, как загнивает демократия. В этом виноваты все понемногу, и сознание этого особенно мучительно (...) В политическом дискурсе преобладает желание дезавуировать и уничтожить противника. Это во-первых. Во-вторых, происходит нечто очень опасное — демократию пытаются свести к процедурам, причем иногда подогнанным под ситуацию. Используются юридические крючки вопреки здравому смыслу, ради самой борьбы (...) Один из результатов этого — внутренняя эмиграция значительной части народа. Это видно по крайне низкой явке на все выборы (...) В то же время сегодня мы живем в свободной, демократической стране. Все разговоры об угрозе демократическому строю абсурдны и смешны». (*«Жечпосполита»*, 6-7 июня)

■ Из беседы с премьер-министром Ярославом Качинским: «Я помню, как в 1991 году ко мне подошел бывший министр финансов (ныне покойный) и вдруг начал меня расспрашивать, в каком отделении его бан-

ка у меня счет. Я честно сказал, что ни в каком, а он в ответ: «Ничего, мы вам откроем!» Конечно же, я отказался. Но эта ситуация помогла мне осознать, как легко сделать человека аферистом. С тех пор я ни разу не открыл счет ни в одном банке. Я не хочу допустить ситуацию, когда кто-нибудь без моего ведома переведет на мой счет деньги, а на следующий день я прочитаю об этом в газете». (*«Впрост»*, 20 мая)

■ «После падения коммунизма, в период Третьей Речи Посполитой, казалось, что политические анекдоты отжили свое (...) Однако после последних выборов и прихода к власти нынешней коалиции политический юмор неожиданно возродился (...) Проф. Януш Чапинский: «Польша разделена на тех, кто безоговорочно поддерживает братьев Качинских, и тех, кто опасается их власти. Поэтому напряжение растет, а политическая сатира его снимает». Петр Мосак, психолог: «Обильный урожай политической сатиры — свидетельство наших раздоров, а также признак бессилия. Уж если мы никак не можем изменить ситуацию, то хотя бы посмеемся» (...) Частные телеканалы наконец-то поняли то, что давно известно в демократических странах: разочарование общества может стать золотой жилой. На смехе можно заработать, причем немало». (*«Ньюсуик-Польша»*, 10 июня)

■ На вопрос института «Millard Brown SMG/KRC» «С чем у вас ассоциируется власть?», поляки ответили так: с коррупцией (61,1%), с политикой (60,3%), с деньгами (60%), с привилегиями (51,8%). Меньше всего власть ассоциируется с заботой о гражданах (29%), с заботой о государстве (28,6%), со справедливостью (27,6%) и со страхом (21,1%). (*«Ньюсуик-Польша»*, 3 июня)

■ Согласно опросу ЦИМО, на выборах в Сейм «Гражданская платформа» набрала бы 29% голосов (что дало бы ей 194 места в Сейме), «Право и справедливость» — 24% (161 место), «Левые и демократы» — 12% (62 места), «Самооборона» — 8% (41 место). В Сейм не прошли бы «Лига польских семей» и крестьянская партия ПСЛ, которые набрали бы по 3% голосов, а также «Правые Речи Посполитой» (0%). (*«Дзенник»*, 11 июня)

■ «Вчера депутаты оппозиции от «Союза демократических левых сил» и «Гражданской платформы» пришли в Сейм с двумя немецкими догами, таксой и двумя китайскими хохлатыми (...) На этот собачий парад их вдохновил маршал [Сейма] Людвик Дорн, который на прошлой неделе пришел в парламент со шнауцером». (*«Жечпосполита»*, 16 мая)

■ «Свое мнение высказал старейшина польского парламентаризма проф. Веслав Хшановский, который считает, что достоинство Сейма было оскорблено (...) Правила запрещают приводить животных на место работы (...) Вдобавок не были приняты необходимые меры предосторожности (...) «В общественных местах собаки должны быть в наморднике и на поводке», — сказал пресс-секретарь Главной комендатуры полиции (...) Пресс-секретарь Государственной санитарной инспекции считает, что депутаты нарушили предписания и даже могут заплатить штраф». (*«Дзенник»*, 16 мая)

■ «По городу Стшелеце-Опольске (...) неслась пожарная машина с включенной сиреной и полностью экипированной командой (...) Мама-утка и несколько утят вошли в магазин, торгующий ламинированным паркетом, и спрятались под одним из стендов. Владелец магазина позвонил в пожарную охрану (...) «Кого же мне было вызывать, как не пожарных, если их представитель публично хвалился, что ему доводилось вытаскивать из канализационного люка выдру, а его товарищи освобождали барсука. Кроме того, они ловили страуса, быка и помогали застрявшему коню»...». (*«Дзенник»*, 28 мая)

■ «Словаки собираются отстрелять 400 медведей, живущих в их горах. Польские лесничие опасаются за жизнь сотни наших мишек с польско-словацкого пограничья в Татрах и Бескидах». (*«Газета wyborcza»*, 11 июня)

■ «Появляется все больше доказательств того, что животные любят, страдают, поступают назло, проказничают, играют, смеются и плачут, сочувствуют. Кроме того, у многих млекопитающих есть богатый звуками и символами язык (...) Проблема прав животных перестала быть чисто теоретической (...) 12% кур и 14% свиней умирают от стресса, ран и болезней, прежде чем достигают размеров, при которых их можно пустить на убой (...) К 2012 г. Евро-союз планирует ликвидировать тесные клетки для кур (...) В текущем году Европарламент принял закон, запрещающий торговлю на территории ЕС кожей и мехом кошек и собак (...) Человечество уже не уйдет от вопроса, можно ли нам по-прежнему относиться к животным как к вещам. В конце концов мы ведь тоже животные». (*Хенни Лоттер, Магдалена Френдер, «Ньюсуик-Польша»*, 27 мая)

■ «В Татрах пропал двухлетний медведь (...) Поиски продолжаются». (*«Дзенник»*, 23 мая)

Елена Твердислова

ПСЯ КРЕВ

Мы с соседкой любили подбирать названия к несуществующим фильмам, угадывая сюжет, а то и финал. Забыв в телефонной будке недочитанную «Фиесту», сокрушаясь, стала рассказывать содержание, и она, не зная Хемингуэя, предвидела конец, а увидав его портрет, висевший у меня, заметила: «Добром не кончит, слишком уж знакомы слабости человеческие, по себе, наверное». И вроде бы ни к селу, ни к городу: «Как это далеко от нашего Пушкина, имя у всех на устах, но какой был? Называют народным поэтом, а относятся, как к придворному».

Но меня больше занимали тогда чулки, которые Татьяна — *имя создала моя мать из «тетя Наташа»* — штопала.

— Перед войной порезала на мелкие кусочки все чулки и носки — чтобы пышными сделать *думочки*... (Маленькая подушечка на одно ухо, без нее отец не ехал в больницу.) Целыми днями этим занималась...

— А теперь наоборот? — вертится на языке, но у Татани свои выводы:

— Революция случилась по недомыслию, отказались от Бога — получайте! — Наши с Татьяной разговоры неизменно скатывались к Богу. «Нет Бога, нет и предательства — так это же удобно!» Что бы сказала она сегодня при виде повсюду икон и крестов на шеях? И предательства сколько угодно!

— А в революцию верили? — Мое поколение стремилось понять, кто больше всех был в ней повинен: кто участвовал? пассивно наблюдал? или уехал, спасаясь? И все же порядочность у меня ассоциировалась с людьми, жившими до революции.

— Вся моя революционность, я уже работала в историческом музее, — ходить в модном русском сарафане, с косой через плечо и красить губы, пока начальница к себе не вызвала: «Революция еще не победила».

— А курить запрещалось?

— Курить — это потом, от голода... — «Ты бы видела, — мама, — как она красиво нога на ногу и, откинув голову, закурит», — вот и сама потянулась...

Поздний вечер. Сын спит, муж в вечной своей командировке, могу варить, не торопясь, обед на завтра, готовить даже нравится: стежки над ухом вжик-вжик: «Вы штопкой себя укокошите!» — имею в виду глаза, Татьяна не реагирует, у нее, наверное, цель: перештопать столько, сколько порезала.

Невысокая, худощавая старуха с узким лицом и пристальным взглядом из-за очков, что делало ее надменной. Не вышла замуж, и никаких любовных историй. Моя мать, совсем маленькой, заглянув к ней, одевавшейся, в комнату, кричит оттуда: «Папа, у Татани такие большие сиси!» — «Ну и что?» — «Пойди, посмотри!»

Ей детей рожать, а она чужими занималась: мать мою нянчила, племянника своего, я ее интересовала, уже повзрослев. «Вы ее не сбивайте, у нее свой взгляд», — Татьяна матери. А та ей: «Лучше есть ее заставляйте, смотреть страшно — уродина!»

Татаню побаивались все, даже мои родители. Она была неотъемлемым атрибутом дома, как черный ход, где у нас стоял старый шкаф с газетами и тряпками, тазы, коробки, а на ступеньках — кастрюли с едой, в которые регулярно залезал кот с первого этажа — за сосисками, и по субботам его хозяева, извиняясь, приносили нам что-нибудь вкусненькое. «Всех уплотняли, и мы (сестра и два брата) подумали: зачем нам посторонние, вот и перебрались к вашим — дедушке-с-бабушкой, поделив пополам квартиру». Стали отдельными четыре смежные комнаты: столовая, гостиная, спальня и детская. В большой и высокой кухне, самой светлой, а потому нарядной, мы предпочитали собираться за чаем с пирогами. Первая тарелка борща полагалась всем жильцам, к ней гречневая каша в прикуску; картофельное пюре — неизменно с крутым яйцом, нехитрая еда имела свой вкус, вместо него теперь приправы.

Мне нравилась принципиальность Татани, по разным причинам не ладила то с одним родственником, то с другим, при этом — деликатность в отношении всего, что не ее: мы при ней сцепились с мужем по поводу сына, что было часто, но она с непроницаемым видом продолжала жарить картошку и ни слова не сказала, другое дело — с каким настроением ее ела. Какой-то особый статус: старалась передать мне знания, уже давно никому не нужные, из прозаиков выделяла Куприна, его *простые* рассказы, театру предпочитала кино, и не без ее незримо-го участия я пошла работать на телевидение — искусство будущего, как она его называла, перемежая замечания обычными практическими советами: не стирай, если готовишь баранину, все белье провоняет; селедку бери

деревянной палочкой, приготовленные котлеты жарь сразу, не мельчи салаты — что ешь, надо видеть. И приговаривала, ставя на ночь опару для пирогов: «Учись, пока я жива». Но как заставить себя в воскресенье встать в шесть утра?

...стоит закрыть глаза, и в тишине и темноте ко мне начинают приходить, будто в гости, стихи, сказки, романы, сюжеты с разными людьми, попадала то в сад, то в замок, то в подземелье, и везде интересно, но — моргнешь, все исчезнет. Как признаться родителям, если по любому поводу мама: «Не давайте ей в руки посуду — разобьет! Она же спит на ходу!» Чего доброго лечить вздумают. Только с Татаней не было того, что мешает, ощущения времени, оно — зверь, отнимает самое драгоценное, ничего не давая взамен. И хотелось плакать, навзрыд, от жалости к тому, чего у меня нет, и не знаю, что это такое, словно собственную судьбу неизвестно куда заперли, или меня — от нее... Где мое золотое руно?

И вдруг узнаю: Татаня съезжается с племянником, его семья ютилась в крошечной квартирке, *да мне-то какое до этого дело?* — обменялась тайком от меня с каким-то забудыгой! Не простилась, не извинилась — сбежала, пока я на работе была! «Она предала меня!» — рыдала я. «Кровь родная — не водица», — моих обид мама не разделяла.

— А ее принципы? В чем они? С собственным отцом десять лет не разговаривать?!

— Не десять, а только шесть, и ты знаешь, почему. — Но утешить меня было нечем, и, чтобы отвлечь, родители стали вспоминать, как долго я была убеждена, что коммивояжер, отец Татани, — то же, что и двоеженец, по-своему толкуя замечания матери: «И в другом городе хочется иметь домашний халат и тапочки», — что скрывало четверых детей на стороне — к шести законным.

— Может, и муж мой за этим в командировки шастает? — кричала я зло, перехватив взгляд родителей. — Все жестоки со мной! — И напролом: «Никаких подарков не приму!» — в ответ на присланный Татаней, в виде примирения, старинный китайский чайник, которым я любовалась. Прежняя жизнь кончилась, не хочу оставаться в ней ни минуты, и я тут же заявила о разводе: «Мы давно чужие! Неужели этого не видно? Надоело!» К моему удивлению, муж легко согласился, но папа старался загнать моих разъяренных пчел в улей: «У тебя сын, мальчику нужен отец!» — «Он видит отца от командировки к командировке — в гости будет ходить!» — «Вас скоро ломают, — только и нашелся заметить папа от растерянности, — хоть с жилплощадью проблем не будет». Все оказалось не так просто.

После выселения я обходила наш район стороной — не видеть рухнувшей жизни. У человека есть родина большая, где родился, и малая — его детство. Но ведь еще и дом должен быть, чтобы было где это сохранять, — пусть мизерная, но тоже родина. А дом стоял обглоданный, как остов рыбы, и разворованный, зияя пустыми окнами, точно выколотыми глазами, без света и газа, с проломленными полами, не за что теням зацепиться... Последнее потрясение в жизни: на долгие годы все стало безразлично. Но было и первое: посреди кухни огромная оштукатуренная плита, которую ломают, чтобы заменить газовой, крысы, от испуга полоумные, бегают по квартире, отец ловит их буквально голыми руками, куда-то заталкивая, а мы с сестрой, забравшись на кухонный стол, вопим от ужаса и — жалости к ним. Их, огромных, гладких, сытых, лишили крова...

«Пся крев» — любимое выражение Татани, если что-то разозлит. Откуда оно к ней залетело? Может, от знакомого поляка? Когда мы с сестрой родились в оккупации, отправили его в командировку — к нам... с чемоданом детских шмоток! Война, у нас лишь пеленки — мешки из-под сахара, выпаривай, вываривай, чтобы сделать мягкими... Но запомнилась она мне совсем другой — растерянной, сидящей ночью в одной рубашке на постели. Боялась мародеров, — во время капитального ремонта часть стены снесена, вместо черного хода нам ставят ванны: «Заснешь, а тебя ограбят и убьют!» Мне это казалось смешным: «Вы будто старуха-процентщица в ожидании Раскольникова!» — «Не оставляй меня одну»...

Она умерла, почти слепая, в доме престарелых — не ужилась с невесткой, что можно было предвидеть: наперекор родственникам Татаня всегда брала ее сторону: «Мне Аля нравится», — упорно твердила. И обманулась.

А меня она вспоминала? Ведь по-особому называла — и только она: «Пся крев».

Агнешка Рыбак

ПООСТОРОЖНЕЙ, ЭТО ЖЕ НЕ ТУЧИ

Когда в середине 90-х инженер Георгий Аркадьевич Караваев узнал, что варшавский Дворец культуры и науки ветшает, он решил самолично проверить его состояние. Осмотрел этаж за этажом, а потом стал на колени перед тогдашним директором дворца и сказал: «Спасибо, товарищ, что вы так за ним следите».

«Ну что ж, вполне можно», — произнес 2 июля 1951 г. Юзеф Сигалин, главный архитектор Варшавы. Он как раз водил по городу министра иностранных дел СССР Вячеслава Михайловича Молотова, когда тот спросил: «А как вы посмотрели бы в Варшаве на такое же высотное здание, как у нас?» В этой беседе не было места для сиюминутной импровизации. Накануне прогулки с Молотовым архитектора проинструктировали, что гость «неожиданно» предложит возвести в Варшаве Дворец культуры и науки. Ему следовало отреагировать положительно и не вдаваться в детали. Своим ничем не значащим согласием Сигалин положил начало длящейся уже более полувека всенародной дискуссии о зигзагах архитектуры и политики. Ни одно сооружение в нашей истории не вызывало столь горячих эмоций. От любви до ненависти. От признания до презрения.

Когда после эпохи разделов Польша вновь обрела независимость, жители Варшавы стихийно отреагировали на это тем, что разобрали воздвигнутый на Саской (Саксонской) площади после восстания 1863 г. огромный Александровский собор, символ царского господства. Точно таким же образом — подправляя новейшую историю — поступила недавно Германия, разрушив построенный в 70-е годы на Александерплац простенький модернистский коробок — Дворец Республики. Баталия за будущее этого здания, которое рассматривалось как символ ГДР, продолжалась десять лет. И завершилась она полным поражением тех, кто убеждал, будто этот дворец обладает архитектурной ценностью и нельзя назвать хорошей мыслью возведение на его месте бутафорского новодела — дворца прусских королей. Вдобавок еще и как-то намекающего на историю прусского империализма, о котором Германия предпочла бы позабыть. А вот варшавский Дворец культуры и науки с недавнего времени уже принадлежит к числу архитектурных памятников — как краковский Вавель, варшавский Вильянов или замок в Мальборке. Снос ему уже не грозит.

Историческая необходимость

Трудно сегодня догадаться, сколько было в ничего не значащей реплике Сигалина: «Ну что ж, вполне можно», — смиренной покорности, а сколько одобрения в адрес навязанного замысла. Когда дело дошло до выбора польского уполномоченного по делам строительства дворца, Сигалин ответил категорическим отказом на предложение Берута принять это назначение. Однако когда понадобилось окончательно установить высоту здания — самолет буксировал за собою воздушный шар, а архитекторы снизу наблюдали, в достаточной ли степени тот погружается в облака, — то вроде бы именно Сигалин кричал: «Выше, выше!» Это означало, что дворцу было суждено приобрести грандиозные размеры и уходить шпилем в самое небо, особенно на фоне вездесущих развалин столицы. И он эти размеры приобрел. «Поосторожней, это же не тучи — Дворец культуры высится могучий», — пели в 90-е годы «Электрогитары».

Сигалин, архитектор и градостроитель, родившийся в Варшаве в 1909 г., несомненно, наложил свой отпечаток на родной город. Он намечал основы первого генерального плана послевоенной Варшавы, участвовал в создании трассы «Ву-Зет» с Силезско-Домбровским мостом, Лазенковской трассы, Мариенштата, а также ряда площадей — Парадов, Конституции и Замковой. Сигалин был фактическим организатором Бюро восстановления столицы. И знал, что согласие на дар Советского Союза — это историческая необходимость.

Соцреализм, который так и бьет из каждой декоративной детали Дворца культуры, был неприемлем для его коллег — архитекторов, воспитанных в модернистском каноне. «Весь XX век — это последовательная устремленность к максимальной функциональности и упрощению. Соцреализм со своей помпезностью и временам вульгарной орнаментикой был и остается для приверженцев модернизма неким рвотным снадобьем, тупиком в истории архитектуры, чем-то таким, что вообще не должно было случиться», — говорит Гжегож Пентек, ведущий редактор ежемесячника «Архитектура-муратор» («Архитектура-строитель»).

Символ порабощения

В том году, когда было принято решение о строительстве дворца, власти ПНР в молниеносном темпе перепавали облик восстанавливаемой Варшавы. На бывшей Банковой площади уже торчал готовый к открытию памятник Феликсу Дзержинскому, из-под строительных лесов на Иерусалимских аллеях проглядывали современные конструкции Центрального универмага. Торжественного разрезания ждали все новые и новые ленточки. Однако Дворец культуры и науки имени Сталина был самым важным. В истории дипломатии случаются ценные подарки. Статуя Свободы, или «Свобода, озаряющая мир», — монумент, стоящий у входа в нью-йоркский порт, — была подарком от Франции в сотую годовщину принятия Декларации независимости. Эта статуя стала символом свободной Америки и занесена в список ЮНЕСКО как памятник всемирного культурного наследия.

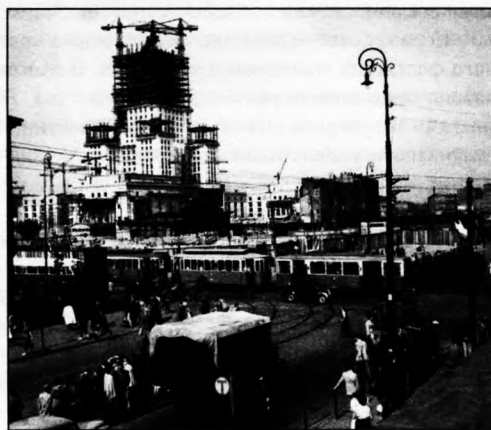
Дворец, подаренный Польше Сталиным, должен был стать символом порабощения. Для варшавян и приезжих, которые поднимали город из руин, он был провокацией. Таким вот образом в самом центре Варшавы архитектура переплелась с политикой.

Официально подарок Советского Союза вызвал эйфорию. «Неужто просто так, бесплатно? ...Неужто в качестве доказательства и выражения дружбы? ...Ради того, чтобы помочь братскому народу? Дипломатические хроники не знали таких ценностей», — радовался журналист Кароль Маллужинский. Огромную заинтересованность строительством дворца выражали даже дети. Переплетенные в коленок альбомы газетных вырезок тех лет полны фотографий подъемных кранов и репортажей со строительной площадки. Обитатели общежития «Молодой лес» в Торуни так писали рабочим-комсомольцам: «Дорогие товарищи! С огромным интересом следим за вашим трудом и достижениями на строительстве могучего здания — дара советского народа польскому народу. Беря пример с ваших достижений, мы и сами стараемся еще более производительнее трудиться в области школьной деятельности с целью скорейшего построения социализма в нашей стране». Поэты взялись за перья. «Быстро растет, как из камня цветок, он на клумбе нашего города», — писал юный талант Роман Писарский. Маститый Ян Бжехва выражал такую надежду: «Стремиться будет вверх он, к небесам, / Поближе к птицам, тучам, облакам, / И бросит вызов всякой буре / Наш дружбы дар, Дворец культуры». Но в тот период не появилось ни одной популярной, легко запоминающейся песенки о возводимом колоссе — такой, чтобы она была у всех на слуху. Поэтому его строили в такт мелодии о Мариенштате или же песенки о красном автобусе, мчащемся по улицам города.

Для проектирования своего подарка Сталин отрядил Льва Руднева, малорослого мужчину с характерной, стилизованной под Ленина бородой и с галстуком-бабочкой, который вечно сидел криво. Руднев был выпускником пользовавшейся хорошей репутацией петербургской Академии художеств и человеком, изрядно попидавшим на своем веку. Он много путешествовал по Италии, прежде чем перешел на службу к новой власти и запроектировал памятник Борцам революции на Марсовом поле. Среди его произведений — монументальное неоренессансное здание Дома правительства в Баку и такое широко известное сооружение, как Московский университет им. Ломоносова на Ленинских горах, форма которого должна была стать образцом для варшавской новостройки.

Во время возведения Дворца погибло 16 человек, в том числе двое детей, которым свалились на голову строительные леса. За их могилами на православном кладбище в варшавском районе Воля ухаживают работники дворца. Советские строители питали к зданию родительские чувства, а к его сотрудникам — братские. Они регулярно приезжали на очередные круглые дни рождения дворца. Ритуал носил установившийся характер: собрание в Зале конгрессов, на сцене ансамбль песни и пляски «Мазовше», его художественный руководитель Мира Змийнская-Сыгетинская — в левой ложе (она смотрела каждое выступление своего коллектива), потом торжественный обед в ресторане «Конгрессовом», где в центре ключом бил фонтан. Сразу же после официальной части товарищи — с бутылками «Московской» и «Столичной», шейки которых торчали из карманов брюк и пиджаков, — пробирались в подвалы. Там в атмосфере застолья они вместе с рядовыми сотрудниками дворца укрепляли польско-советскую дружбу.

Георгий Аркадьевич Караваев, советский уполномоченный по делам строительства дворца, написал о нем книгу «Рождение высотки». В начале 90-х он сильно переживал из-за сообщений российской прессы о том, что здание ветшает и вот-вот рухнет. По этой причине министр Барбара Блида пригласила его на инспектирование. Когда Караваев снял пальто, хозяева увидели костюм, полный орденовских планок, включая орден Строителей Народной Польши и «Polonia Restituta» (орден Возрождения Польши). Здание он осмотрел тщательно, этаж за этажом, а после инспекции подвальных помещений, уже полностью успокоившись, стал на колени перед тогдаш-

ним директором дворца и сказал: «Спасибо, товарищ, что вы так за ним следите». Во время посещения могил советских строителей он скрупулезно переписал их имена и фамилии, после чего сказал: «Прежде чем уйти из жизни, я хочу оповестить их семьи, что здесь у них есть могилы». Успел ли он? Неизвестно. Через несколько месяцев Караваев умер в своей московской квартире от сердечного приступа.

В качестве даты открытия монументального творения власти ПНР выбрали 22 июля, официальный праздник Возрождения Польши. Летописец дворца Ханна Шубелек до сего дня держит в ящике стола позолоченные ножницы немецкой фирмы «Толле», которыми перерезали ленточку. У дворца есть ровесник — стадион Десятилетия в варшавском районе Прага, построенный на развалинах столицы. Судьба обошлась с ним более жестоко. Овал стадиона служит сегодня территорией, где действует едва ли не крупнейший базар всей Европы.

Первое боевое крещение здание дворца прошло уже через десять дней после открытия, во время V Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В Мокотове [район Варшавы] появился палаточный городок, в здании дворца проводились различные мероприятия. Все сходили с ума по пластмассовым ремешкам и платочкам с флагами государств, откуда прибыли участники. Большой интерес вызывали гости из Африки — в Варшаве никто еще не видел столько чернокожих.

Свидетель истории

Год спустя, в октябре 1956 г., дворец стал свидетелем политических перемен. С почетной трибуны незаметно смылся маршал Рокоссовский. Выпущенный из тюрьмы Владислав Гомулка выступал на заполненной людьми площади Парадов. В какой-то момент толпа захотела ворваться во дворец, где находился радиоузел. Обслуживающий персонал подпер мощные двери дубовыми скамьями. Забаррикадовавшись таким образом, они отразили штурм — единственный в истории здания. Впрочем, обслуга дворца была обучена реагировать на любую ситуацию. Этот коллектив — сторожа, персонал по обслуживанию залов, электрики и сантехники, даже дворники — состоял в большинстве своем из доверенных и проверенных партийных товарищей. Власть отдавала себе отчет в том, что такой символ, как дворец, провоцирует нанести по нему удар.

Первым директором дворца стал Станислав Барщевский, который вместе с армией Берлинга прошел путь от Ленино до Берлина. Он был энтузиастом этого здания, дворец манил его настолько сильно, что Барщевский мог заскочить туда посреди ночи, чтобы лично за всем проследить. Он и принял сюда на работу Ханну Шубелек, которая наряду с обычными обязанностями в административно-правовом отделе получила дополнительное задание — создавать летопись здания. Сегодня запертые в сейфе на 15 этаже пожелтевшие страницы большой красной книги хранят событие за событием всю выписанную каллиграфическим почерком историю здания, которую пани Шубелек, дочь защитника Черняковского форта в Варшавском восстании, ведет уже на протяжении 46 лет. Однажды Шубелек восстановила против себя власти, когда в 1961 г., после празднования дня 22 июля, изрезала висевший на здании дворца огромный транспарант с изображением Ленина. Мотивировка была прозаической: вождь революции заслонял служащим свет и доступ к свежему воздуху. Шубелек буквально через 15 минут потащили на допрос. А защитил ее и не дал признать саботажницей Барщевский.

Хотя дворец со временем стал считаться своего рода мирским храмом, *genius loci* не был милостив к новым героям. В 1963 г. огромный, площадью почти в тысячу квадратных метров, зал им. Феликса Дзержинского сгорел до голого кирпича. Тогда говорили, что история по справедливости рассчиталась с кровавым Феликсом. В красном антураже Зала конгрессов проходили съезды Польской объединенной рабочей партии. С третьего, состоявшегося в 1956 г., и вплоть до того, что был созван в 1990 г., — самого памятного, на котором ПОРП самораспустилась и прозвучала команда: «Вынести знамя». Когда во дворец стягивался партийный актив, тамошние сотрудники получали указание оставаться на своих этажах. «О том, что у нас происходило, мы узнавали сначала по радио, а потом по телевизору», — говорит Шубелек. О приспособлении помещений под нужды партийных чинуш всегда ходили легенды. Говорилось о роскоши и великолепии прилегавшей к Залу конгрессов небольшой гостиной, именовавшейся «Брежневкой», хотя Леонид Ильич побывал в ней, кажется, всего один раз и ничего неизвестно насчет того, чтобы именно эта комната пришла ему по вкусу. Власть располагала также — на время первомайских демонстраций — возведенной перед дворцом почетной трибуной. Вход на нее был прикрыт тротуарными плитами и откидывающейся железной крышкой. Внутри — комната отдыха, выложенная деревянными панелями с узором из розочек, электроплитка, ванная. Сюда можно было спуститься на минутку-другую, подкрепиться, поддержать силы коньячком. Уже за несколько недель до демонстрации помещения проветривала специальная Привислинская воинская часть. Однако в бою с запахом тухлятины все усилия польского оружия все равно терпели поражение.

Легенда о всемогущей власти, заседающей во дворце, со временем оказалась перенесенной на само здание. Бывало, люди писали ему письма, рассматривая как последнюю инстанцию, но вместе с тем инстанцию сердечную и близкую. «Дорогой Дворец», — величали они здание. Однако оно не отвечало.

Тем не менее это сооружение было центром культурных событий, делавших заметно светлее серую пэнэзровскую действительность. И предлагало множество заманчивых развлечений. Здесь пели Марлен Дитрих, Ян Кепура, Ив Монтан, а Пол Анка ушел со сцены, когда поступило сообщение об убийстве президента Кеннеди. Здесь в 1967 г. выступала группа «Роллинг стоунз». Для экскурсий, которые приезжали посетить столицу, осмотр Дворца культуры представлял собой железный пункт программы. Туристов всегда притягивала терраса со смотровой площадкой. И, хотя Руднев запланировал тут кафе «Под шпилем», власти приняли решение зарабатывать на панораме города. Вплоть до 80-х, пока на этой террасе не установили заграждение, гарантирующее безопасность, она служила отчаявшимся местом эффектных самоубийств. Первым был некий француз, который имел в своем распоряжении Эйфелеву башню, но предпочел наш дворец. Последней жертвой террасы оказался молодой ученый из Польской Академии наук, уволенный с работы в период военного положения за связь с подпольной «Солидарностью».

В бурные 80-е годы дворец вступил как свидетель истории. 13 декабря 1981 г. военное положение застало тут врасплох участников памятного Конгресса польской культуры. В подъездах и на лестничных клетках появились солдаты с «калашниковыми». В 1987 г. здание, запланированное как мирской храм, послужило самым настоящим алтарем. Площадь Парадов и прилегающие к ней улицы никогда не видели более многочисленных толп, чем на варшавском богослужении с участием Папы Иоанна Павла II.

Символ капитализма

После 1989 г., когда пришел конец братской дружбе между польским и советским народами, из главного вестибюля дворца внезапно исчезла бронзовая скульптура работы Алины Шапошниковой, изображающая двух строителей Дворца культуры — поляка и советского гражданина с флагом в руке. Сплетня гласит, что бронзу продали какому-то бизнесмену по цене металлолома. Надпись «Дворец культуры и науки им. Иосифа Сталина», выбитую над главным входом на плите из песчаника, вначале грубо прикрыли листами жести. Сейчас ее тактично заслоняет неоновая вывеска.

Социалистический дворец полностью влился в рыночную экономику. Возникли даже идеи его приватизации. В состав правления предложил себя некий Джон Ковальчик, мнимый миллионер из Америки, разбудивший надежду, будто он инвестирует в здание доллары. Миллионер исчез, владельцем дворца по-прежнему остается столица страны совместно с государственной казной, а о его продаже никто уже всерьез не думает. Зато реальной проблемой стали претензии бывших владельцев больших каменных домов, на развалинах которых возник дворец и вся площадь Парадов. Сегодня уже мало кто помнит, что до войны здесь существовала нормальная, плотная городская застройка — здесь, в частности, проходила прославленная варшавская улица Хмельная.

Зато через дворец проходят, почти не задерживаясь, самые разные постояльцы. «Социологический срез очень изменился», — говорит Щубелек. Когда-то это были преимущественно чиновники и научные работники. Здесь пребывали Польская Академия наук, ПЕН-Клуб, Управление атомной энергетики, Вечерний университет марксизма-ленинизма, общество «Знание». Несколько этажей занимал Варшавский университет. Сегодня, помимо учебных заведений и ПАН, тут располагаются городской совет, банки, школы танца, медицинские центры, частные фирмы.

С начала 90-х в головах архитекторов блуждали все более смелые проекты уничтожения дворца. Чеслав Белецкий предлагал вбить в тело здания со стороны Иерусалимских аллей — на месте Музея техники — своего рода клин, разместив в этой точке Соцландию, забавно-издевательский музей коммунизма. На объявленном в середине 90-х годов архитектурном конкурсе победил проект, предусматривавший возвести вокруг дворца несколько небоскребов, чтобы уменьшить воздействие сталинского творения на столицу. А сам дворец в ожидании окончательного решения избавился от исторических коннотаций. Для молодежи он стал символом поп-культуры. А совсем недавно оказался даже героем скандала, когда знаменитая американская сеть ресторанов «Хард-Рок Кафе» в ходе кампании, рекламировавшей ее первое заведение в Центральной и Восточной Европе, использовала стилизованное изображение дворца, вписав его в фон с гитарой. В соответствии со стратегией фирмы каждый из 124 ее ресторанов имеет собственный логотип, как-то соотносящийся с городом, где он располагается. Оказалось, что Варшава сильнее всего ассоциируется как раз с дворцом.

При участии Лукаша Цыбинского

RZECZPOSPOLITA

ГОРОД В ПАМЯТИ

Беседа с Ярославом Зелинским

— Вы поставили перед собой титаническую задачу — в одиночку составить «Атлас старой архитектуры улиц и площадей Варшавы».

— Прежде всего — из ностальгии по утраченному городу. Думаю, русский читатель хорошо это поймет: II Мировая война смела с лица земли немало советских городов.

Варшава, как мне кажется, никогда уже не вернулась к прежнему состоянию. Это заметно не столько по ее внешнему виду, сколько по жителям, которые утратили чувство большого города. Кроме того, есть еще одна причина, по которой я обратил внимание на то, о чем пишу: люди не уважают тех осколков прошлого, которые уцелели. Я решил ползть на рожон и попробовать хотя бы кратко переписать всё, что сохранилось, составить подробный инвентарный список. Кстати, это оказалась книга с продолжением: сейчас вышло уже 12 томов, и это еще не всё — уже существует компьютерный вариант, осуществляемый с большим опережением. Этим занимается, пополняя его, моя сотрудница. Есть и собрание фотодокументов. Так возникает огромная база данных. Первоначально я создавал ее по мере своих возможностей, с надеждой, что в нашу эпоху перемен, когда у меня на глазах рушатся всё новые довоенные объекты, это станет последней записью, памятью об этих объектах. Но зато они будут спасены и сохранены для других, потому что самый незащищенный объект — тот, о котором ничего не известно. Доходный дом, не имеющий ни имени владельца, ни имени архитектора, ни истории, становится трущобой, развалиной. Я знаю, что во многих случаях моя книга спасла жизнь старым зданиям.

Меня весьма интригуют поиски памятных данных, хотя не все смотрят на это положительно. Некоторые высказывают предположение, что я, наверное, получу за это какую-нибудь медаль в Израиле, так как указываю доходные дома, принадлежавшие евреям, их наследникам. У меня нет таких намерений, и даже если случится, что кто-нибудь прочтет мою книгу и найдет своего предка, то из этого не вытекает, что он тут же пойдет добиваться своих прав. В конце концов я только доказал, что такой-то дом принадлежал такому-то человеку, то есть не совершил никакого преступления: этим людям тоже что-то причитается, они вложили свои деньги в недвижимость, которую у них потом отобрали. В своей научно-исследовательской работе я стремлюсь быть совершенно объективным, и мне совершенно неважно, с историей какой семьи связано здание — еврейской, русской или польской. С моей точки зрения здесь нет никакой разницы — для меня это просто история, и я считаю, что всякая ее фальсификация вредна. А ведь до сих пор она грубо фальсифицировалась. Случается мне слышать высказывания типа: «Как же это, ты ведь поляк. Ты обязан выдвигать на первый план польскую сторону». Я отвечаю, что это все равно, как если бы человек заботился только о здоровье одной руки. Можно бы сказать, что, будучи варшавянином, я ношу в себе несколько душ, потому что мои предки, жившие здесь с незапамятных времен, были тесно связаны с разными народами, разными культурами. Для меня Варшава без ее еврейской и русской истории — неполная Варшава, Варшава в обрывках. Чтобы понять этот город, его надо рассматривать в целом. Я это делаю ради чистого исторического удовлетворения, без всяких скрытых подтекстов, — я отнюдь не польский националист, зато решительно варшавский шовинист. Это моя национальность.

— Можете ли вы сказать несколько слов о своем инструментарии, методах работы и связанных с ней трудностях?

— Если говорить об инструментарии, то изучение истории Варшавы — задача намного более трудная, чем изучение истории других городов. Например Антанас Чаплинскас, или на польский лад Антоний Чаплинский, историк Вильнюса, располагает полностью сохранившимися архивами и почти

полностью сохранившейся архитектурой. У нас же нет ни того, ни другого. Были не только разрушены дома, но и сожжены архивы, все архивы, в том числе архив архитектурных планов. Таким образом, труд историка варшавской архитектуры — это почти труд археолога, ибо он касается объектов, большей частью не существующих, метрики которых можно лишь воссоздавать научными методами. В Берлине, Петербурге или любом другом городе историк идет в архив, находит соответствующее разрешение на строительство, имя архитектора, цену здания, и в принципе ему остается лишь трудолюбиво переписывать, копировать материалы. У нас только в отдельных случаях сохранились такие материалы, поэтому к подавляющему большинству второразрядных, менее известных зданий относятся без уважения, потому что и владельцев нет в живых, и планы не сохранились, а уж если и самого здания не существует, то можно сказать: ищи ветра в поле. Тем не менее я научился нескольким методам, которые в большинстве случаев позволяют воссоздавать такие метрики. Каким-то чудом немцы не успели сжечь собрание ипотечных книг, а ипотеки учреждены во времена императора Наполеона в Герцогстве Варшавском и практически содержат даже документы XVIII века. Таким образом, по крайней мере в отношении тех времен, с конца XVIII века до 1944-го, в подавляющем большинстве случаев сохранились разнообразные материалы.

В ипотечной книге регистрируется прежде всего состояние собственности и его изменения, но больше всего интересных вещей можно найти между строк, потому что там лежат еще десятки страниц черновиков. В этих черновиках часто записаны вещи, которых начисто уже не писали, например, кто был архитектором. При ипотечной книге находится собрание документов, нередко содержащее сенсационные материалы, даже проекты, хотя проекты — это все-таки исключительно редкий случай. Зато почти всегда есть подробные планы участков. Тут уже многое можно найти. Хотя даже в книге прямо не сказано, в каком году дом был построен, но очень часто можно найти подходящую запись. Это метод, разработанный профессором Варшавского политехнического института Ядвигой Рогуской: сравнивая цены покупки и продажи данного участка, можно установить, и часто очень точно, в каком году было построено здание. Тем более что доходные дома продавались часто. Таким образом, мы видим, что кто-то покупал участок, скажем, за десять тысяч рублей, а через год продавал эту недвижимость за сто тысяч. Вывод: там построен доходный дом. Это один из элементов системы умозаключений. Однако в межвоенный период еще, как правило, присоединяли документ о том, что такой-то и такой-то получил разрешение на строительство, с именами владельца и архитектора. В царские времена это не делалось с такой точностью, можно говорить скорее о хаосе в документах. Зато есть нечто, чего, полагаю, еще ни один историк архитектуры не проверил: думаю, что многое можно будет найти в Петербурге. Поскольку тут, в Варшаве, существуют черновики разрешений на строительство, сохранившиеся в т.н. губернских актах, у меня возникли серьезные подозрения, что где-то в Петербурге удастся найти документы целиком, потому что наверняка делались копии, которые оставались в тамошнем архиве, а во многих случаях разрешение на строительство зданий общественного пользования — костелов, театров и т.п. — выдавалось в Петербурге, и все планы вместе с остальными документами должны были отправлять туда. Так что это следующий шаг, который надо будет сделать. Тем не менее пока черновики и ипотечные книги о многом мне рассказали.

Для русского историка ипотечные книги выглядели бы знакомо, потому что в свое время они печатались по-русски, под названием «*Ипотечный указатель*», а обычно и заполнялись по-русски. Тут, впрочем, приходится немножко заняться языковой гимнастикой, так как в книгах записи сделаны по-русски, по-польски, по-немецки, по-французски — в зависимости от того, кто тогда правил в Варшаве. При этом характерно, что русские записи начинаются с 1865 г., когда вступил в силу указ, согласно которому все документы в Царстве Польском должны составляться на русском языке. Ну и начались проблемы, потому что хуже всего читаются эти русские документы: их писали все те же поляки, которые раньше писали по-польски. Пока эти документы составлялись по-польски, они были замечательными, ясными и читаемыми, но когда чиновников заставили писать по-русски, они, не зная правил русской каллиграфии, писали как курица лапой. Писали жутко, это напоминает стенографию, — мне всегда очень трудно разобраться. Хотя я довольно хорошо знаю русский язык, тут, однако, я временами рву на себе волосы. В связи с этим я применяю такой метод: когда не могу в чем-то разобраться —

фотографирую и на время откладываю, потом сажусь, включаю компьютер, смотрю на экран и, как правило, сразу улавливаю смысл того предложения, которого мне не хватает. Но вернемся к инструментарию и источникам. Я всегда стараюсь собрать как можно больше данных на определенную тему — ту, над которой я как раз работаю, — и отправляюсь в Варшавский государственный архив, где сохранились замечательные карты, в том числе, пожалуй, лучшее в Европе собрание подробных цветных планов города, сделанных Линдлеями* для варшавского водопровода. Превосходные планы, недавно изданные, по крайней мере частично, в виде книги; они составлены в масштабе 1:200, 1:100 — видны даже лестницы, ведущие в здания, подключения всех труб и т.п. Эти планы делались, собственно, для нужд водопровода и канализации, но потом пополнялись и стали основой подробной картографии города вплоть до II Мировой войны. К счастью, они сохранились.

Вдобавок есть фотопланы, еще один необходимый материал для историка. Самые старые аэрофото съемки делались во время I Мировой войны, но первое сводное, почти фотограмметрическое собрание фотографий города было создано в 1926 г., следующее — в 1935-м, новый комплект аэрофото съемок собрала Люфтваффе после бомбардировок, в октябре 1939 г., затем — русские в 1945 г. и наши фотограмметрические службы — в 1947-м. Русского читателя, может быть, заинтересует, что этот фотоплан 1945 г. доступен в Интернете, на странице Варшавского городского управления — достаточно включить «Поиск» и написать *Ortofotomapa1945*. Этот план совершенно необходим историку, на нем виден каждый участок, и все, что было разрушено, в 1945 г. еще не было разобрано, поэтому здания, хоть и выжженные, показывают не только свои очертания, но и интерьер, внутреннее деление стен, видны все детали застройки. Эти планы плюс, как я уже сказал, сохранившиеся документы, ипотека, вдобавок более поздние источники и труды, до- и послевоенные, — вот мой основной инструментарий. Когда я начинаю писать очередной том, то прежде всего, конечно, сижу столько, сколько надо, в архивах и библиотеках. К счастью, у меня тропки уже настолько протоптаны, что так или иначе я копирую эти материалы, чтобы работать дома, или фотографирую, или сканирую, или заказываю копии. Все это тащу домой, и только тогда, когда у меня уже все под рукой, и я знаю, чем располагаю и чего не хватает, начинается процесс написания. Сам процесс создания того или иного тома — уже дело короткое, он отнимает у меня три-четыре месяца.

Конечно, тут требуются различные дополнения, надо обращаться к адресным, телефонным книгам, даже к списку предприятий — все это, как шестеренки, цепляется одно за другое. Ну и, разумеется, пресса; это особенно тяжелая работа: например, просмотреть годовую подшивку «Курьера варшавского», газеты, в которой накануне войны было уже несколько десятков страниц, а выходила она ежедневно двумя изданиями! Там скрывается множество подробных, мелких сведений — собранные воедино, они дают невероятные результаты.

В «Атласах» для меня две вещи важнее всего. Каждая глава — монография одной улицы. Улицу я рассматриваю как нечто большее, нежели просто архитектурно-градостроительный вопрос. Теоретики архитектуры и градостроительства изучают город районами, кварталами, а я — улицами, так как меня интересует и человеческая сторона этой истории, а не только история застройки. Ведь своей спецификой обладает не квартал, потому что он может выходить на четыре улицы с совершенно разным характером, а именно данная улица, на которой был такой или иной вид торговли, жило на ней больше или меньше евреев, русских, немцев или поляков, и всё это определяло ее характер. Следовательно, тут действует ряд факторов. Сопоставление всех сведений из газет с чисто профессиональными источниками дает в результате полную картину, и тогда я пишу главу, посвященную истории данной улицы. А вторая часть монографии улицы — перечень, который подводит итоги всему, что сохрани-

* Вильям Линдлей (1808-1900), английский инженер, осевший в Германии, проектировщик и строитель водопроводно-канализационной сети во многих городах Европы. В 1876-1878 гг. работал над проектом сети в Варшаве. Проект, утвержденный в 1881 г. Александром III, по договору, заключенному в том же году, осуществляли сыновья Линдлея: Вильям Герлайн (1853-1917, в 1909 г. построил водопровод в Самаре) и недолгое время Иосиф (1859-1906). — Прим. Виктории Сливовской к публикации *дневника русского президента (городского головы) Варшавы Сократа Старынкевича («Новая Польша», 2004, №10)*.

лось. Здесь каждый объект, который сохранился, инвентаризован до последней детали, даже такой, как любопытные дверные ручки. Это элементы, которые массово погибают даже сейчас, разрушаются: ворота, двери на лестничных клетках, жители меняют полы, выбрасывают старый паркет и прочие вещи такого типа. Между тем эта тема совершенно не изучена.

— *Как вы оцениваете состояние трудов по изучению архитектуры и истории Варшавы?*

— Такой комплексной оценки у меня еще нет, потому что до сих пор историки предпринимали попытки такой оценки на основе изучения городских районов или самых известных зданий, я же не делаю разницы, изучаю каждую сохранившуюся постройку. Иногда в строительном смысле это выглядит ничтожно, тем не менее если мы осознаём, что это «ничтожество» могло составлять, скажем, 60% всего построенного, то соотношение выглядит совершенно иначе. От этих домов почти ничего не сохранилось, никто по ним не плакал — например, весь еврейский район в Муранове. Конечно, встречались и красивые доходные дома, но преобладали, разумеется, жутко построенные здания. Если их сегодня вообще нет, то практически трудно увидеть это в должных пропорциях. Некоторые вещи надо уметь уловить и сравнить.

Рядовой левобережный варшавянин всегда ощущал и до сих пор ощущает чуждый дух Праги, то есть правобережной Варшавы, ввиду некоторой ее особенности, большей близости к Москве и Петербургу, чем к западному миру. До конца XVIII века Прага была отдельным городом, но не поэтому к ней так относятся. После войны, будучи наименее варшавским районом, она стала самым варшавским, потому что не была разрушена. И не только выжили ее жители, но место истребленных евреев заняли тысячи людей, утративших свой дом на левом берегу. И Прага в принципе стала эссенцией довоенного варшавского духа со всеми его наслоениями, смешными сторонами, манерой говорить, диалектами. Там они доживали свой век.

Застройка там сохранилась практически неизменной до 1970-х, когда ошибочно понимаемая модернизация города, как в Риге, привела к почти полному исчезновению деревянной архитектуры. В Праге ее было очень много, в отличие от левого берега. Но даже с тем, что осталось, Прага и так резко отличалась от левобережной Варшавы, отстроенной после войны в совершенно ином виде. Поэтому Прагу воспринимали как совершенно другой город — на левом берегу аналогов ей уже не было. Я вижу множество признаков сходства между таким районом, как Прага, и довоенным еврейском Мурановом, сегодня совершенно новым районом. Если бы этот район, этот старый Муранов, существовал, Прага не выглядела бы такой экзотической, потому что были бы аналогии. А ведь архитекторами и владельцами доходных домов в большинстве были евреи из левобережной Варшавы, которые вкладывали здесь капиталы, потому что земля была дешевле. Значит, можно сказать, что эта пражская особенность — в известной степени миф: обычно с обеих сторон реки были те же люди, разве что компоненты складывались иначе. Ну, здесь было больше русских, это факт, больше восточных наслоений, но в целом те же самые фамилии — достаточно взять списки владельцев доходных домов. А все остальное население? Их дифференциация — это тоже мифы: чем отличался рабочий, живущий в Праге, от рабочего из правобережной Воли? Только тем, из какой деревни пришел. Конечно, те, что жили в Праге, пришли в основном из деревень, лежавших дальше к востоку от города — скажем, из Седлецкой земли, а в Волю приходили откуда-нибудь из-под Сохачева, то есть с запада, и этого уже было достаточно, чтобы у них был другой диалект и другая культурная окраска. Пришедшие с востока были ближе к культуре Великого Княжества Литовского, зачастую с белорусскими наслоениями. В зависимости от мест, откуда они были родом, они отличались образом жизни, и на этой основе создавались особые городские диалекты. По-своему говорила Прага, по-своему — Воля, по-своему — Повислье и Черняков. Это не взялось ниоткуда — это попросту вытекало из того, что здесь была огромная доля людей из деревни, которые прибывали в город — их притягивала гигантская промышленность.

Что практически значит быть коренным варшавянином? Сегодня коренной варшавянин — тот, кто живет здесь с довоенного времени. Между тем накануне войны по крайней мере половину жителей Варшавы составляли иммигранты из деревни. Они и погибали потом, во время войны, как варшавяне. Они были прописаны здесь всего лишь несколько, самое большее полтора десятка лет. Не можем же мы отнести за счет натурального прироста то, что Варшава с ее 800-тысячным населением в 1918 г. двадцатью годами позже насчитывала 1,32 миллиона.

— *Насколько существенным было присутствие русских в Варшаве, какое влияние оно оказало на ее архитектурный облик?*

— Административное и политическое присутствие в высшей степени очевидно. Достаточно взять любой адрес-календарь той эпохи. Такой, какие тогда были модными, — в форме толстых томов. Он всегда начинался днями тезоименитства членов царской семьи. Сразу за ними следовали имена и фамилии всех царских высших чиновников всех уровней — было видно, что русские занимают почти полностью все уровни, польских фамилий там было не много. Только всякие заместители и еще пониже были поляками. Во главе всех ведомств, управлений и т.п. стояли русские, главным образом военные, плюс целая, уже гражданская сеть чиновников, полицейская сеть, где, однако, ключевыми фигурами тоже были русские из отдаленных губерний. Именно это определенным образом отражалось на поведении, на образе жизни русских в Варшаве. Совершенно по-разному функционировали те, кто чувствовал себя связанным с городом, и те, кто был направлен сюда попросту царским приказом-указом на какую-то должность. Они подходили к Варшаве совершенно по-разному.

Отдельный вопрос — русский гарнизон невероятной численности. Это были десятки тысяч людей, к 1914-му году — в общей сложности более ста тысяч. Огромное количество казарм. Варшава была городом-крепостью, задыхающимся в кольцах этой крепости. Если к военным мы прибавим все их окружение в виде семей, армейского обслуживающего персонала и проч., то получим гигантскую махину. Солдаты жили в казармах, но только часть офицеров квартировала при воинских частях, остальные покупали недвижимость в Варшаве. Были целые районы, где в немалой степени преобладали русские, например южные окраины Центра, то есть район, скажем, между Нововойской, площадью Спасителя, площадью Люблинской унии. Там русских жило сравнительно больше всего, но жили они и на аллее Роз, вблизи Уяздовских аллей или Пенкной (Красивой) улицы, Уяздовских казарм. Там были попросту целые русские колонии. Это проявлялось, разумеется, в воздвижении построек, связанных с жизнью этих людей. Это были не только православные церкви, но и казино, в этом районе проектировали русский театр, который в конце концов так и не построили. Другим таким районом была правобережная Варшава, то есть Прага, где русские купили очень много доходных домов, а символы православия были значительно более зримы, чем в левобережной Варшаве. И третьим таким районом были пригороды, ныне входящие в черту Варшавы: тогдашние Повонзки, Руда, Маримонт, где русские строили себе дачи. Буквально лет 15-20 назад в Маримонте еще можно было увидеть такие деревянные дачи. До сего дня некоторые русские дачи сохранились в предместьях правобережной Варшавы, вдоль линии железной дороги на Отвоцк, но там их трудно отличить от дач, которые строили поляки или евреи. Их стиль, в просторечии называвшийся «свидермайером» (от местности Свидер и стиля бидермайер), несомненно уходил корнями в русскую архитектуру — в пейзаже сегодняшней России постройки такого типа легко увидеть.

Церкви были, пожалуй, самым существенным элементом пейзажа Варшавы во времена российского владычества и обладали одной характерной чертой: только немногие из них служили гражданскому населению — большинство были военными. У каждого стоявшего в Варшаве полка была своя гарнизонная церковь. О многих из них мы практически ничего не знаем, не сохранилось никаких точных изображений. По простой причине: они служили только армии, только армия в них бывала, а гражданские лица, тем более нерусские, не имели туда доступа. Часто они находились на территории казарм. Трудно даже представить себе, как они выглядели. Сейчас из них сохранилось только одно такое церковное здание на Черняковской улице, которое ныне служит польско-католическим костелом. Это здание практически не перестраивалось, хотя купола у него сегодня скорее византийские, чем русские: первоначально это была церковь с характерными луковичными куполами. Есть еще одна военная церковь, но она стала католическим храмом и была сильно перестроена. Нет и следа куполов, зато поставлена стрельчатая башня. Это церковь Кексгольмского гусарского полка возле площади Люблинской унии. И вот что интересно: если представить себе ее первоначальный вид, то эта церковь была бы такая же, как та, которую мы можем увидеть, например, в Гродно, в Демблине или еще где-нибудь на былом пограничье империи Романовых. Просто потому, что это была типовая модель церквей, строившихся для армейских гарнизонов. Все они были одинаковые, с очень характерной, специфической

чертой. Типовая гражданская церковь, как правило, в проекции приближалась к квадрату, с центральным куполом и окружающими его четырьмя куполами. А военные церкви имели более удлиненную форму. Дело было попросту в том, чтобы армейские части могли входить маршем на богослужение; все эти меньшие купола были сдвинуты в сторону апсиды, и вот это сразу показывает, что перед нами гарнизонная церковь, — как раз такая форма у церкви Кексгольмского полка.

Были и такие церкви, которые строили исключительно для того, чтобы они возвышались над городом, стали символом господства Романовых над Варшавой. Такую роль выполнял собор на Саской (Саксонской) площади. Не было никаких религиозных потребностей, оправдывавших воздвижение такого ценного и огромного храма в месте, где было сравнительно мало пространства, чтобы им любоваться. Да и русских здесь было не слишком много. Собственно говоря, для всех гражданских русских хватило бы трех-четырех церквей, между тем их было в Варшаве несколько десятков.

Бывшая церковь на Черняковской выстроена в традиционном плане греческого креста, так же как и самая красивая из сохранившихся церквей — собор Марии Магдалины; это, правда, одна из самых лучших церквей, самых интересных среди тех, что стоят до сих пор. Осталась еще церковь на православном кладбище района Воля, по-прежнему действующая. Эти две последние из мною названных — единственные церкви тех времен, которые остаются действующими. Часть церквей была снесена, главным образом военные и, конечно, собор на Саской площади. Была снесена церковь при больнице Младенца Иисуса, потому что ее специально пристроили к тамошнему костелу. Эти церкви больше всего раздражали поляков, и надо это понять: они были символами известного диктата. Зато большинство из них перестало существовать по причине очевидной: это были захваченные и превращенные в церкви костелы, такие, как первый православный собор на Длугой улице, переделанный из костела ордена пиаристов, или костел на Вольском редуте. Перестройка этого костела в церковь носила символический характер, потому что это было место героической обороны польских войск во время военных действий 1831 года и место смерти генерала Совинского, командовавшего редутом. Эти храмы возвращены в свое первоначальное, барочное состояние.

Этой темой я продолжаю заниматься после чтения книги Кирилла Сокола и Александры Сосны «Русская Варшава» (М., 2002), где снос этих церквей изображен как проявление варварства поляков, которые разрушали такие замечательные постройки. Только следует помнить, что большинство этих церквей не имело никакой ценности как памятники истории или произведения искусства; в 1918 г., когда их разбирали, им часто было не больше нескольких десятков лет, как собору на Саской площади.

Разумеется, некоторых храмов жаль, они были интересны. Любопытным объектом была, например, военная церковь на площади На Роздрожу (На Перекрестке), в какой-то степени выстроенная по образцу собора Василия Блаженного на Красной площади в Москве, но это были исключения. Зато в ответ на обвинения Сокола, который говорит, что собор на Саской площади был полон произведений искусства, нужно сказать, что, например, мозаики не уничтожили, а демонтировали, и некоторые из них находятся в церкви св. Марии Магдалины, а большинство — в одной из церквей в Барановичах, в Белоруссии.

Надо, впрочем, прибавить, что и в польском обществе после I Мировой войны шли очень оживленные споры, не перестроить ли попросту собор для нужд польской армии, но в конце концов пересилила неприязнь к нему. Сегодня повторяются те же споры вокруг Дворца культуры и науки, пресловутого «подарка» Сталина Варшаве. Это ровно то же самое, с чем имели дело наши деды и прадеды. В начале 1920-х споры вокруг собора были очень острыми, так что нет сомнения, что угрызения совести мы испытывали.

Ярослав Зелинский

Беседу вел Пшемислав Делес

Ян Стренковский

СОЛИДАРНОСТЬ С «СОЛИДАРНОСТЬЮ»

«Секрет польской оппозиции состоял в том, — сказал британский историк Тимоти Гартон Эш, — что люди, совершенно друг с другом несогласные в сфере идеологии или утопии, пришли к согласию в стратегии, в деятельности. (...) Поддерживая польскую оппозицию, я сотрудничал с людьми, с которыми по другим вопросам был бы совершенно не согласен. С крайними консерваторами, например Роджером Скратоном, с троцкистами, с людьми из пацифистских движений. У нас там в определенном смысле был свой собственный опыт «Солидарности»».

Даже в Польше мало знают о том, что происходило в мире после того, как возникла, а затем была загнана в подполье режимом генерала Ярузельского «Солидарность» — первое после II Мировой войны независимое массовое профсоюзное движение в так называемом социалистическом лагере. А уж эти слова об «опыте «Солидарности»», должно быть, вызывают удивление. Тимоти Гартон Эш, знаток Центральной и Восточной Европы, автор получивших широкую известность книг о революции «Солидарности» 1980-го и «гражданской весне» 1989-го, совершенно прав.

Солидарность с оппозицией 1970-х

Время от августовских забастовок 1980 г. и создания «Солидарности», а затем годы военного положения вплоть до соглашений «круглого стола» 1989 г. — это апогей интереса международной общественности к польским делам и ее участия в них. Но этому предшествовал, хотя и не такой масштабный, интерес к доавгустовской оппозиции, главным образом к Комитету защиты рабочих (КОР), созданному после рабочих демонстраций 1976 г. в Радоме и Урсусе. Особенно важным был отклик профсоюзных движений и левых партий — социал-демократов и даже компартий, точнее — итальянских и испанских еврокоммунистов, которые тогда начали отходить от линии, навязанной им КПСС.

Сразу после создания КОР его поддержала социал-демократическая Норвежская конфедерация профсоюзов (НКП), а в 1978 г. — Федерация голландских профсоюзов. Комитет получил также поддержку шведских и датских социал-демократов и был с ними в контакте. Неоднократно выступала в защиту репрессированных поляков «Международная амнистия».

За интерес к Польше им приходилось расплачиваться. Особенно это касалось журналистов, которые приезжали к нам, чтобы встретиться с деятелями оппозиции. Громким эхом отозвался арест французского журналиста Филиппа Риза в декабре 1978 г. — ему предъявили обвинения, грозившие тюремным сроком до 8 лет. В защиту журналиста выступили десятки французских общественных, политических и профсоюзных организаций, в том числе французская компартия (просоветской ориентации!) и некоторые секции коммунистического профобъединения ВКТ (Всеобщая конфедерация труда), съезд крупного профобъединения «Форс увриер», Союз французских журналистов и множество рядовых французов (в посольство ПНР поступило 15 тыс. телеграмм).

Еще более суровое наказание грозило шведскому гражданину Гуннару Лаквисту, задержанному 11 декабря 1979 г. во время пересечения польской границы с множительным аппаратом для польских подпольных издательств. После протестов КОРа и заграницы швед был наказан лишь штрафом и 29 января 1980-го выслан из Польши.

Стоит вспомнить и другую важную форму помощи — финансовую поддержку польских независимых организаций. Наряду с польскими эмигрантскими кругами активны в этом были и граждане свободного мира, прежде всего интеллигенция. Они учредили международный комитет «Призыв в поддержку польских рабочих», среди основателей которого были, в частности, Дэниэл Белл, Пьер Эммануэль, Голо Манн, Айрис Мёрдок, Дени де Ружмон, Игнацио Силоне. Некоторые писатели передавали КОРу гонорары за польские переводы их книг. Так поступили, в частности, Сол Беллоу, Генрих Бёльц, Гюнтер Грасс и Макс Фриш.

Август и после августа

Интерес к Польше и польской оппозиции усилился, когда начались августовские забастовки 1980 г. на Балтийском побережье. Журналисты всего мира старались добраться до бастующей Гданьской судоверфи им. Ленина (где заседал Межзаводской забастовочный комитет. — *Ред.*) и написать о рабочих, восставших против коммунистической власти. Тогда же на гданьскую верфь прибыли первые профсоюзные делегации из западных стран.

Приезжали они нелегально, чаще всего по стихийному порыву, как в известном лично мне случае с делегацией норвежских профсоюзов из Осло, входивших в самую крупную в стране Норвежскую конфедерацию профсоюзов (НКП). Они приехали на бастующую верфь накануне подписания Гданьского соглашения и по просьбе Леха Валенсы, вернувшись в Норвегию, организовали акцию «Отдай час работы Польше» — в пользу создававшегося тогда в Польше независимого от властей профсоюза. Они собрали несколько сот тысяч крон на закупку типографского оборудования для профсоюзной печати. Спустя несколько месяцев эта акция породила организацию «Solidaritet Norge—Polen» («Норвежско-польская солидарность»), которая поддерживала «Солидарность» и особенно активно действовала после введения в Польше военного положения.

Так было и в других странах. С «Солидарностью» устанавливали контакты профсоюзы, оказывая организационную и материальную помощь. Начали создаваться комитеты, поставившие себе задачей поддержать польский независимый профсоюз и распространять информацию о нем, — как в Японии, где в 1981 г. были созданы организация, поддерживавшая «Солидарность», и журнал «Порандо геппо» («Польский бюллетень»). Японские профсоюзы тоже быстро связались с «Солидарностью», в результате чего в Японии в мае 1981 г. побывала делегация польских профсоюзных активистов во главе с Лехом Валенсой. Следует добавить, что японцы еще раньше поддерживали польскую оппозицию. В частности, доставленные ими в Польшу полиграфические материалы очень помогли в развертывании независимого издательского движения 1970-х.

Против военного положения

15 декабря 1981 г. Мария Оберцова записала в своем дневнике, как выглядела столица Индии через два дня после введения в Польше военного положения: «На стенах — огромные надписи и рисованные плакаты, на них по-английски и на хинди: „Советские империалисты, руки прочь от Польши!!!“. На всех возможных стенах, на растяжках между зданиями — огромные портреты Валенсы с надписью: „Человек года!“ Рядом — Ярузельский в черных очках, и подпись: „Надвигается тьма“ (...). ...весь город живет польскими делами!»

И во многих других странах Польша не только попала на первые полосы газет и в главные сообщения радио- и теленовостей, но и стала темой политических высказываний и заявлений (в частности, США и некоторые страны НАТО наложили на правительство ПНР, а затем и СССР экономические санкции), а главное — лозунгом, который собирал многотысячные демонстрации и митинги, прокатившиеся почти по всем континентам в защиту «Солидарности» и свободы поляков.

Первые стихийные протесты прошли прямо 13 декабря, то есть в первый день действовавшего в Польше с полуночи военного положения. Протестовали в Стокгольме, где в семь часов вечера на демонстрацию вышло более пяти тысяч шведов, хотя стоял трескучий мороз. То же самое — в Осло, где у здания посольства ПНР собралось несколько сот человек. Стихийный характер носили в тот день и протесты перед посольствами ПНР в Лондоне и Париже, где демонстрировали многие тысячи людей. Следующий день, 14 декабря, был объявлен Днем «Солидарности», и в парижской демонстрации, проходившей по призыву Французской демократической конфедерации труда (ФДКТ), к которой присоединились «Форс увриер», Французская конфедерация христианских трудящихся (ФКХТ), Всеобщая конфедерация кадров и Федерация национального образования, приняли участие сто тысяч человек. В ней участвовали даже некоторые члены руководства прокоммунистической ВКТ, нарушившие таким образом свой собственный запрет на поддержку «Солидарности». Митинги и демонстрации проходили в этот день еще в 128 городах Франции. А спустя неделю все французские рабочие по призыву профсоюзов (кроме ВКТ) участвовали в часовой забастовке в знак солидарности с польскими рабочими. В тот же день в лондонском Гайд-парке состоялась многотысячная демонстрация, поддержанная профсоюзами, входившими в Конгресс тред-юнионов.

В последующие дни прошли демонстрации протеста в разных городах Норвегии, в том числе 17 декабря — в Осло и Трондхейме под лозунгами «Свободу „Солидарности“» и «Советы, руки прочь от Польши», а 22 декабря по всей Норвегии прошла всеобщая пятиминутная акция протеста по призыву НКП. Добавим, что на следующий день прошла демонстрация в самом северном городе мира: в насчитывающем около двух тысяч жителей и расположенном за Полярным кругом норвежском городе Киркенесе при 20-градусном морозе на демонстрацию вышли несколько сот горожан, причем демонстрацию поддержали все политические партии, кроме коммунистов, 2 профсоюза и городские власти.

Массовый характер носили акции протеста в Лиме, столице Перу. 20 декабря месса, на которую собралось несколько тысяч человек, транслировалась в прямом эфире по трем главным телеканалам. Созданный тогда Комитет защиты «Солидарности», который возглавили всемирно известный писатель Марио Варгас Льюса и

профсоюзный лидер Луис Песара, а поддержали все профсоюзы, за исключением промосковских коммунистов, объявил 28-е декабря Днем солидарности с Польшей в Латинской Америке. В этот день в Лиме состоялся марш под лозунгом «Solidaridad con „Solidarność»», в котором участвовало более десяти тысяч человек.

Сложно подсчитать все демонстрации, митинги, марши, собрания, манифестации, прошедшие по всему миру в первые недели военного положения. Но некоторые из них стоит отметить: 14 декабря — в Вене, 15 декабря — во Франкфурте-на-Майне, 17 декабря — в Бангкоке, 25 декабря — в Ватикане, 27 декабря — в Чикаго.

Самые крупные демонстрации проходили 30 января 1982 г., в день, который по призыву Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП) был объявлен Днем солидарности с Польшей. В них приняли участие многие тысячи людей по всему миру (в частности, в Токио), а в 50 государствах был показан полуторачасовой фильм «Чтобы Польша была Польшей» (строка из песни Станислава Петшака. — *Ред.*), снятый по инициативе президента США Рональда Рейгана с участием 14 лидеров западных государств, в том числе президента Франции, канцлера Германии, премьер-министра Норвегии, а также многих известных деятелей искусства (среди них были Генри Фонда, Кирк Дуглас, Орсон Уэллс, Фрэнк Синатра).

В те дни во время стихийно организованного сбора средств в помощь «Солидарности» была собрана сумма, превзошедшая всякие ожидания организаторов. Например, в Японии было собрано около 200 тыс. долларов, а в Норвегии за один день 24 декабря, в рождественский сочельник, сбор денег, организованный перед храмами, принес свыше миллиона крон. Во Франции за несколько первых месяцев было собрано около миллиона долларов.

Важна была также реакция правительств и политиков. Не везде в одинаковой степени проявлялось желание включаться в защиту «Солидарности», осуждать военное положение, власти ПНР и стоявшие за всем этим власти СССР. Радикальнее всех были американцы, японцы, норвежцы, шведы, но и французы после некоторых колебаний заняли решительную позицию. И что бы ни твердила пропаганда Военного совета национального спасения (марионеточного органа, созданного властями ПНР. — *Ред.*), но поляки восприняли западные экономические санкции как проявление солидарности с ними и средство нажима на правительство ПНР.

Солидарность с «Солидарностью»

Поддержка десятков профобъединений и созданных по всему миру комитетов, оказываемая вынужденной уйти в подполье «Солидарности», ощущалась постоянно. Здесь особенно следует подчеркнуть роль МКСП (социал-демократической) и Всемирной конфедерации труда (христианской), которые неустанно добивались восстановления профсоюзных свобод в Польше и запретили входившим в эти конфедерации профсоюзам любые контакты с так называемыми неопрофсоюзами, создававшимися по инициативе властей, а также оказывали финансовую помощь «Солидарности» через действовавшее в Брюсселе Заграничное бюро «Солидарности» (финансировавшееся за их счет). Любопытно, что в 1986 г. «Солидарность» была одновременно принята в обе конфедерации — это был первый такого рода случай в истории.

Столь же постоянно поддерживали «Солидарность» и национальные профобъединения, такие как «Форс увриер», ФДКТ, ФКХТ во Франции, Центральное объединение профсоюзов Швеции, Всеобщая итальянская конфедерация труда и даже коммунистическая Итальянская конфедерация профсоюзов трудящихся. Американское профобъединение АФТ—КПП ежегодно выделяло несколько тысяч долларов на оказание помощи репрессированным профсоюзным активистам, на закупку полиграфического оборудования для подпольных издательств, наконец, постоянно информировало общественность и оказывало натиск на политиков, чтобы они не забывали о праве поляков на свободу.

Тогда-то подпольная «Солидарность» сотнями нитей оказалась связана со всеми организациями, комитетами и отдельными людьми, добивавшимися восстановления ее легальной деятельности. Это принесло свои плоды в виде тесного сотрудничества региональных организаций «Солидарности» с профобъединениями на Западе (например, Малопольша заключила договоры с ФКХТ, Мазовия, Западное Поморье и Малопольша — с ФДКТ, а Гданьск и Западное Поморье — с «Форс увриер»), которые оказывали ей помощь, например устраивали летние лагеря для детей из семей репрессированных, находили работу для оставшихся без работы активистов «Солидарности», брали под опеку — материальную и информационную — политзаключенных. Сотрудничали друг с другом и профсоюзные звенья низшего уровня — например, подпольная заводская комиссия «Солидарности» Гданьского порта получала помощь от норвежских транспортников и голландских докеров. Такую же поддержку оказывали и многочисленные непрофсоюзные организации солидарности с Польшей. Так, в частности, работала «Норвежско-польская солидарность», которая не только материально поддерживала польскую оппозицию, но и оказывала давление на норвежских политиков. Так же действовал и японский Центр польской информации, который, кроме того, что издавал журнал, посвященный Польше и осуществлял

широкомасштабную информационную деятельность, участвовал в работе специальной межпартийной группы при парламенте, занимавшейся польскими вопросами, и собрал солидную библиотеку польских подпольных изданий.

Важна была и символика. Именем Леха Валенсы или «Солидарности» были названы улицы многих городов мира: так, в Ницце и Рони-су-Буа под Парижем появились улицы Леха Валенсы. Знаком памяти стала также акция индийского профобъединения, входящего в МКСП и ставшего организатором, пожалуй, крупнейших в мире, демонстраций в поддержку «Солидарности», насчитывавших до нескольких сот тысяч участников. В каждом помещении профсоюзов в Индии был повешен портрет Леха Валенсы. Или любопытная акция молодых французских физиков, которые в марте 1982 г. с датского острова Борнхольм запустили множество воздушных шаров с листовками и брошюрами «Солидарности». Шары долетели до Польши. «Трибуна люду», орган ЦК ПОРП, грозила датчанам какими-то не уточненными исками за причиненный шарами ущерб. Северин Блюмштайн, член парижского комитета «Солидарности», говорит, что акция удалась: «Эти идиоты не только палили по шарикам из пушек, но даже показали их по телевидению».

Когда вспоминаешь о солидарности с «Солидарностью», нельзя не сказать о тех гражданах свободного мира, которые, помогая польскому подполью, рисковали своей свободой. Это были журналисты, которые приезжали в Польшу за рулем грузовиков с благотворительной помощью. А были и такие профсоюзные деятели, как Жан Борнар, председатель ФКХТ, который в 1983 г. приехал в Польшу, тайно встретился с подпольным руководством «Солидарности», а затем передал свои соображения Международной организации труда, изучавшей вопрос о нарушении профсоюзных свобод в ПНР.

Были и такие политики, которым за помощь польской оппозиции пришлось поплатиться своей репутацией. Так было, например, с многолетним премьер-министром Италии, социалистом Беттино Кракси, которого борющиеся с ним коммунисты обвинили в том, что он имеет тайный счет в Швейцарии, якобы служивший нелегальному финансированию его партии. Лишь в 1992 г. Кракси объявил, что так называемый Фонд Кракси служил не его личным или партийным интересам — деньги с него шли на поддержку чешского эмигрантского журнала «Листы» и польской «Солидарности».

Однако прежде всего следует помнить о тех, кто за свою помощь «Солидарности» был в Польше арестован и сидел в тюрьме, как, например, бельгиец Роже Нозль, который был арестован в 1982 г., когда доставлял передатчик для подпольного радио «Солидарность», или француз Жаки Шалло, который в 1984 г. был схвачен, когда провозил в Польшу множительную технику (это был его восьмой рейс с «подарками» для польского подполья) и на восемь месяцев попал за решетку, или, например, шведский шофер Ленарт Ерн, который попался в 1986 г. с восемью тоннами типографского оборудования, нелегальных изданий и деталей к передатчикам для подпольных радиостанций (приговорен к двум годам, отсидел полгода), или норвежский водитель Даг Аадхаль, которого арестовали вместе с машиной, набитой эмигрантскими изданиями (это был его 24-й рейс в Польшу).

В 1989 г., когда «Солидарность» после переговоров «круглого стола» готовилась к парламентским выборам, друзья поддержали ее снова. На предвыборные митинги в Польшу приехал всемирно известный французский актер Ив Монтан, а на предвыборных плакатах с символикой «Солидарности» ее кандидатов поддерживали такие звезды, как Настасья Кински, Грейс Джонс и Джейн Фонда.

Друзья познаются в беде

Одна норвежская знакомая рассказала мне историю Энни Андерсен, которая зимой 1982 г. связала на спицах целый мешок теплых носков для детей и обратилась в норвежский «Каритас», католическую благотворительную организацию, с просьбой передать их многодетным семьям в Польше. Это один из множества примеров бескорыстной помощи тех, кто не мог равнодушно смотреть на то, что творится в Польше. И такие истории можно рассказывать тысячами.

В оказание благотворительной помощи (лекарства, медицинское оборудование, одежда, средства гигиены, продовольствие) включались частные лица, деревни, города, профсоюзные ячейки, создававшиеся ради этой цели комитеты и крупные организации вроде вышеупомянутого норвежского «Каритаса».

Участвовали в этом профсоюзы и объединения журналистов, крестьян, писателей, помогали художники, передавая средства от продажи своих картин польским коллегам, бойкотировавшим официальную культурную жизнь в Польше. Так действовало организованное в Западной Германии во время военного положения общества «Сирена»: чтобы помочь польским художникам, оно нелегально вывозило из Польши их картины и, продав их, передавало выручку авторам. Огромный размах приобрела проведенная норвежцами в 1988 г. акция «Корабль

дружбы», на котором (это был паром «Болетт») в Польшу были доставлены дары на сумму около 2 млн. долларов, собранные двадцатью с лишним благотворительными организациями. Одним из участников акции был перуанский лауреат Нобелевской премии мира Хосе Перес Эскивель.

Особенно много благотворительной помощи поступало в Польшу из Германии. Помощь шла от отдельных семей, деревень, приходов, городков, буквально засыпавших Польшу посылками с продовольствием, лекарствами и средствами гигиены. В первое «военное» Рождество, в декабре 1981 г., немцы прислали польским семьям два миллиона посылок. Однако немцы (а также австрийцы, итальянцы, шведы, норвежцы) не ограничивались отправкой посылок — нередко первые их контакты с поляками получали продолжение в виде переписки, а потом личных встреч и дружбы, продолжающейся по сей день.

Помощь «братских стран»

26 декабря 1981 г. МВД и КГБ СССР передали товарищам из «голодающего» польского МВД, занятым удушением свободы в Польше, милиционерам и сотрудникам ГБ, 6200 кг продовольствия, 6760 бутылок алкогольных напитков и 445 блоков сигарет. А командование советских войск в Легнице передало нечто весьма необходимое для «работы» — 12 тысяч упаковок парализующего газа «Черемуха». Подобные дары поступили и из «братской» ГДР. Все радовались, что «контрреволюция» в Польше подавлена.

Все, да не совсем.

Особенно важны были голоса немногочисленных праведников, которые доносились из государств, тоже называвшихся социалистическими, и которые были услышаны в Польше. Лишь недавно мы узнали о том, что произошло с румыном Юлиусом Филипом. За приветствие, направленное I Съезду «Солидарности» в 1981 г., он провел в румынских тюрьмах пять с половиной лет. О том, как расплачивались в России за поддержку стремления поляков к независимости, писал в 1984 г. в парижской «Культуре» русский публицист Михаил Геллер, упоминая инженера Разгладника, приговоренного к 7 годам лагерей за то, что «собирает высказывания сторонников „Солидарности“», и Вадима Янкова из Москвы, получившего 4 года лагерей и 3 года ссылки за «Письмо к рабочим России в связи с событиями в Польше».

Несколько лет тому назад я узнал о русских из Риги, которые после того, как было объявлено военное положение, развернули (самостоятельно) акцию помощи полякам, посылая в Польшу продовольственные посылки. Это были Валерий Сулимов, отправленный на принудительное психиатрическое лечение за отказ участвовать во вторжении в Чехословакию в 1968 г., его жена Лилия и их подруга Клавдия Ротманова. Сулимов перевел и распространял «21 требование» Межзаводского забастовочного комитета (август 1980) и «Послание трудящимся Восточной Европы», принятое I Съездом «Солидарности» в Гданьске осенью 1981 года.

Нельзя забывать и о том, что тема Польши постоянно присутствовала в передачах западных радиостанций, вещавших по-русски, и в русской эмигрантской печати, прежде всего в парижской «Русской мысли», а также об участии русских эмигрантов в акциях в поддержку «Солидарности» и Польши.

Известный французский актер Мишель Пикколи в 1983 г. сказал, что «Солидарность» была великим событием не только для поляков: «Для многих кругов во Франции и для меня лично (...) это прежде всего изумительный, неслыханный, вызывающий зависть феномен взаимодействия рабочих и интеллигенции».

Поэтому в помощи «Солидарности» в Норвегии сотрудничали маоисты с консерваторами, во Франции — троцкисты с христианскими профсоюзниками, в Англии — левая и консервативная интеллигенция.

Норвежский шансонье Ерн Симон Эверли так объясняет свое участие в помощи Польше: «Обычно (...) поддержку оказывают либо правые, либо левые, а „Солидарность“ это переломила, получив поддержку и слева, и справа. Почему норвежцы так активно во всё это включились? Не знаю, как другие, а я люблю делать то, что меня самого перерастает, — вот это и было как раз то самое».

«Я никогда не жалел, что пошел на такой риск. Я чувствовал, что есть во всем этом нечто важное», — говорит Жаки Шалло, несмотря на те месяцы, которые он просидел в тюрьме за помощь Польше.

Януш А. Майхерек

БОЛЬШЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ

Незаметно, без всякой шумихи или хотя бы заинтересованности со стороны СМИ среднемесячная зарплата в Польше перевалила за тысячу долларов. То, что еще полтора десятка лет назад было совершенно невообразимо, теперь не привлекло ничего внимания. Может быть, потому что теперь мы чаще пересчитываем заработки и цены в евро?

В марте среднее месячное вознаграждение работающего поляка составило свыше 2800 злотых, а в апреле курс доллара упал ниже 2,8 злотых. У быстрого роста зарплат и систематического укрепления польской валюты один источник — превосходная экономическая конъюнктура: прошлогодний рост польской экономики, развивающейся все быстрее, превысил 6%, а в этом году, по прогнозам, окажется еще больше. В таких условиях растет занятость, падает безработица, все труднее найти квалифицированных и трудолюбивых работников (часть из которых выехала за рубеж), поэтому платить им приходится все больше и больше. Со времени вступления в Евросоюз польская экономика не только все быстрее разгоняется. Она еще и добилась намного более высокой основательности и неуязвимости, что поднимает доверие к польским деньгам, а в результате повышает и их стоимость в пересчете на другие валюты.

Разве кто-то еще помнит, что в ПНР средний ежемесячный заработок составлял... 20 долларов? Практически только за доллары, доступные лишь на черном рынке (злотый ведь был неконвертируемым), можно было купить что-нибудь такое, что не распределялось по карточкам. Доллар был в то время могучей силой, а магазины, торгующие за валюту («Певэкс», типа советской «Березки»), казались оазисами роскоши посреди всеобщего убожества. Но сегодня их можно было бы сравнить разве что с теперешними сельскими магазинчиками продовольственно-промышленных товаров. Цены квартир, участков под застройку, автомобилей и других товаров длительного пользования на черном рынке указывались в те времена только в долларах, и долларами же расплачивались за них, да и сбережения тоже держали в долларах. Сегодня в Польше только экономически безграмотный профан вздумал бы хранить деньги или принимать оплату в долларах. От прежнего блеска этой валюты не осталось почти ничего.

Позволяет ли прямолинейный пересчет констатировать, что сейчас мы на самом деле зарабатываем в 50 раз больше, чем в ПНР? Это не так просто — надо учесть, что росли не только зарплаты, но и цены. Однако пересчеты покупательной способности указывают на то, что почти любых вещей мы можем сегодня купить на свою зарплату заметно больше (а некоторых продуктов — во много раз больше), чем полтора-два десятка лет назад.

Среднее месячное вознаграждение за труд в Польше

Год	В злотых	Курс доллара	В долларах
1985	20 005	650*	31
1988	53 090	2 400	22
1989	206 758	1 446	142
1990	1 029 637	9 500**	108
1994	5 328 000	22 727	234
1995	703***	2,42	290
2000	1 924	4,35	442
2005	2 380	3,23	737
2006	2 477	3,1	799

* На черном рынке

** Официальный

*** После деноминации

Люксембург	5 870
Германия	4 740
Ирландия	4 130
Португалия	1 690
Чехия	980
Словакия	790
Литва	600
Болгария	220

Среднее месячное вознаграждение
в пересчете на доллары

число трудящихся, должна была упасть с сегодняшних 19 до 18%), но пока что-то не спешит сдерживать свое обещание. Зато оно хочет увеличить разные выплаты, льготы и ассигнования, а также более щедро раздавать деньги на социальные нужды. Но если оно хочет больше давать неработающим, то ему придется больше собирать с тех, кто трудится.

Однако вовсе не налоги ложатся самым большим грузом на зарплаты, а то, что в Польше называют налоговым клином. Название неудачное, потому что с налогами у него мало общего. Речь идет о разности между затратами, которые несет предприниматель на оплату одного работника, и вознаграждением, которое получает этот человек. Эту разность прежде всего образуют взносы на нужды социального страхования. Их снижение тоже, разумеется, повысило бы зарплаты: предпринимателям не пришлось бы перечислять за своих работников такие большие суммы в социальное страхование, и они могли бы выделить больше денег на зарплаты. Министр финансов Гилёвская объявила, что уже с середины текущего года и в течение нескольких лет пенсионный взнос будет последовательно и систематически уменьшаться — с сегодняшних 13 до 6%.

Однако, чтобы надолго, прочно и значительно снизить нагрузку в виде разнообразных взносов в систему социального страхования, следовало бы реформировать раздутую пенсионную систему. У Польши в процентном отношении больше всего пенсионеров по сравнению с остальной Европой и один из самых низких возрастов для выхода на пенсию. Достаточно сказать, что из общего числа пенсий, предоставляемых в последнее время, четыре пятых получают так называемые ранние пенсионеры. Сейчас только немногим более половины поляков трудоспособного возраста профессионально активны, тогда как в ЕС среднее значение этого показателя составляет 65%, а в США превышает 70%. Если у нас в Польше по-прежнему будут самые здоровые и самые молодые пенсионеры в Европе, но окажется меньше всего тех, кто трудится, то взносы, лежащие тяжелым бременем на зарплаты трудящихся, останутся высокими, ограничивая возможность роста зарплаток.

Существует еще один фактор, дающий возможность поднимать вознаграждение за проделанную работу, — рост производительности труда. Чем выше отдача и эффективность работника, тем больше денег можно предназначить на его оплату. С этой точки зрения ситуация выглядит многообещающей: производительность труда в январе нынешнего года была на 12% выше, чем год назад. Но в марте этот рост составил уже только 6,5%, тогда как зарплаты увеличились на 9%, что представляет собой тревожное нарушение пропорций. Производительность труда у поляков по-прежнему ощутимо меньше, чем у других европейцев, а потому и зарплаты не могут в большей степени приблизиться к европейским.

Если принять во внимание уровень производимого ВВП в пересчете на одного жителя, а также производительность труда, то поляки зарабатывают немало, зачастую даже больше, чем их более продуктивные соседи. Надо, однако, добавить, что внутри страны зарплаты сильно дифференцированы. Самые высокие получают варшавяне — в среднем значительно больше 4 тыс. злотых, в то время как в Прикарпатье, Вармии и на Мазурах среднемесячная зарплата лишь немногим выше 2,3 тысячи.

Когда же средняя польская зарплата перевалит за тысячу евро? Если бы удержались существующие до сих пор благоприятные тенденции в экономике, то не исключено, что такое случится еще до введения этой валюты, которое может произойти в 2012 г., то есть через пять лет. Таким образом, вполне может оказаться, что первое вознаграждение среднего поляка, полученное им в евро, уже будет выражено четырехзначной суммой. По сравнению с жителями Западной Европы мы в Польше по-прежнему не будем богачами, но расстояние, отделяющее нас от них, уменьшится.

Вечно недовольные и брюзжащие люди, видимо, скажут, что такие зарплаты, которые превышают 2800 злотых, — это без вычетов, а «на руки» выходит значительно меньше. Это правда, но и везде в мире размеры вознаграждения указываются без вычетов, да и сравнивать их можно только таким образом, потому что налоговые системы в разных странах различаются и по-разному сокращают эти суммы. С другой стороны, снижение налогов — это один из способов повышения суммы, которую работники получают «на руки». Нынешнее правительство обещало их снизить (основная ставка налога с личных доходов, затрагивающая наибольшее

Иоанна Сольская**ВЫСКОЧИЛ ЧЕРЕЗ ОКНО**

Рышарда Флорека из Нового-Сонча знают все кровельщики мира. Каждое пятое окно, которое устанавливается в крышах домов Европы, Америки или Азии, поступает из его фирмы «Факро».

Рысек придумал чердачное окно еще ребенком. Когда в их семейный дом в Тымбарке приезжали гости, места на всех оказывалось слишком мало, и мальчику приходилось спать на чердаке. Свет попадал сюда через стеклянные черепицы, но парнишка сильно потел, потому что не хватало воздуха. Когда студентом он впервые отправился на Запад, то с удивлением констатировал, что у них такие придуманные им окна уже есть. Это лишь утвердило Флорека в правильности его жизненных планов.

В том, что у молодого человека вообще имеются какие-то планы на будущее, больше всего сомневались его преподаватели. Флорек проучился в Краковском политехническом институте десять лет. В ту пору важнее учебы были для него «левые» поездки за границу на сезонные работы да Студенческий спортивный союз. Они с Яцеком Радковяком, тоже студентом, ремонтировали квартиры. Флорек — немецкие, Радковяк — чаще в Англии и Швеции. Эта школа им потом очень пригодилась.

«Хозяин оставлял нам доверенность на пользование его счетом в банке и ключи, а после отпуска приезжал в новую квартиру», — вспоминает Рышард Флорек. Хотя сам он и работал там нелегально, но вынужден был легально нанимать немецких электриков и сантехников, потому что для такого рода работ были необходимы особые полномочия и лицензии. В качестве первого клиента ему попался доктор наук. Потом по его рекомендации к Рышарду стали обращаться все научные кадры одного из немецких учебных заведений. И программу своих польских учебных занятий Флорек подгонял к немецкому графику ремонтов. Кроме того, он еще и председательствовал в Студенческом спортивном союзе, где тоже работал — лыжным инструктором. Сегодня он говорит, что в этом союзе научился руководить людьми и сотрудничать с ними.

Ближе к концу 1970-х студенческая ремонтная бригада из Польши вызывала немалый интерес у немецкого профессорско-преподавательского состава. В долгих разговорах с ними Флорек усваивал первые уроки капитализма. Кроме того, он обычно просил рекомендательное письмо, благодаря которому мог бы осмотреть какую-нибудь немецкую фабрику окон. У отца Рышарда была в Тымбарке столярная мастерская, но Флорек-младший с самого начала был уверен, что его окна будут изготавливаться индустриальными, а не кустарными методами. Вместе с Радковяком они решили построить фабрику.

Поэтому они не присматривали себе в Тымбарке никакого гаража под мастерскую, а решили добыть деньги на строительство цеха. Обратившись в Кооперативный банк, они услышали, что такая затея, как фабрика мансардных и чердачных окон, в Польше не может закончиться удачей: в Тымбарке уже есть 11 столярных заведений, и, стало быть, двенадцатое здесь наверняка не нужно. Шел 1986 год, и, согласно действовавшим тогда принципам, обратиться в другой банк с просьбой о предоставлении кредита они уже не могли. Что же оставалось делать? Флорек и Радковяк, свежее испеченные владельцы фирмы «Флорад», упаковали чемоданы и снова отправились работать «налево». Одолжить деньги они не могли, а значит, должны были заработать их нелегально. Да и потом, когда «Флорад» уже стронулся с места, они тоже подрабатывали в Германии — на оборотные средства. Работая «налево», партнеры зарабатывали за три месяца больше, чем у себя в стране как начинающие капиталисты.

Флорек осмотрел в Германии много фабрик по изготовлению обычных окон, но на те, которыми он интересовался больше всего, его — невзирая на рекомендательные письма — не пускали. Это были предприятия фирм «Велюкс» и «Ротто», самых крупных в мире производителей мансардных и чердачных окон. Потому что такая продукция — это оконная аристократия, ее гораздо труднее производить.

Последний момент, чтобы выстрелить

В бытность студентом Рышард Флорек подкатывал к зданию политехнического института на большом «Фиате», из-за которого ему завидовали ассистенты. «Левых» заработков хватило тогда и на постройку двухквартирного особняка, где он собственноручно клал плитку и, разумеется, устанавливал окна. Яцек Радковяк по-прежнему жил в блочном доме, хотя семья у него быстро росла. «С четверкой детишек нам в маленькой квартирке было слишком тесно», — вспоминает он. Поэтому, когда «Флорад» начал приносить настоящие деньги, компаньоны были не в состоянии договориться, что же с ними делать. Радковяку хотелось наконец-то вложить средства в дом и семью. А Флорек только наблюдал,

как молниеносно меняется рынок. В Польше начинался капитализм.

На рынке мансардно-чердачных окон уже не составляло труда заметить двух польских производителей — «Ортис» из Бельско-Бялы и «Окполь» из Щецина. Их владельцы ездили на «Мерседесах», а Флорек сменил большой «Фиат» на «малыша». Но он был уверен, что через несколько лет с его крупными конкурентами перестанут считаться. «Окна они изготавливали ремесленническими методами», — помнит Флорек. Это означало: развинчивали окно «Велюкса» и в своих мастерских делали похожие. Все это было хорошо, но только до того времени, пока в Польшу не пришел сам «Велюкс». Оставалось либо позволить, чтобы он тебя вышвырнул с рынка, либо попытаться помериться с ним. Третьего пути Флорек не видел. «Сейчас последний момент, чтобы выстрелить», — убеждал он партнера, который рвался строить дом, а вовсе не очередной фабричный цех. «Я не выдерживал темпа, который диктовал Рысек», — признаётся сейчас его компаньон. А тем временем в подвале двухквартирного особняка уже проклеивался центр исследований и развития, где имелся один — пока — конструктор, искавший новые технические решения для окон. Сам Флорек.

Компаньоны решили пойти разными путями. Флорек, не изымая свою половинную долю из «Флорада» (где тогда трудилось 14 человек), ушел оттуда с замыслом большой фабрики, которую он запустит в Новом-Сонче. Для этой цели прекрасно подошел бы просторный корпус, оставшийся после самого большого из местных банкротов — автобусоремонтного завода. Уже два года корпус этот стоял пустым, хотя Кшиштоф Павловский, в ту пору сенатор, а потом — учредитель Высшей школы бизнеса, пытался искать инвесторов по всему свету. Управляющий конкурсной массой по кусочкам распродал немалую территорию завода, и рядом с Флореком на ней разместилось 15 других начинающих капиталистов, делающих свои первые шаги в бизнесе. Каждый из них с воодушевлением поглядывал на большой корпус, но никто не мог себе позволить участвовать в торгах.

Символом новосончского успеха был тогда Казимеж Пазган и его связанная с зарубежными выходцами из Польши фирма «Консполь», выпускающая копчености из мяса домашней птицы. Роман Ключка раскручивал компьютерную фирму «Оптимус». Росла фирма «Корал», известный производитель мороженого. Амбициозные бизнес-замыслы бродили и в голове у депутата Зигмунта Бердыховского, в тот период — политика консервативно-национальной партии, а позднее — автора идеи и организатора польского форума на манер давосского в близлежащей Кринице. В мечтах ему рисовалась крупная продовольственная биржа, самым лучшим местом для которой казался корпус автобусоремонтного завода.

Куда там было Флореку до Бердыховского с его тогдашними политическими возможностями? Но перспектива того, что депутат купит корпус, означала, что «Факро» (как недавно «Флорад») из-за отсутствия места перестанет развиваться. Вся территория завода, за исключением одного этого корпуса, была уже выкуплена. Коммерческое предложение Бердыховского звучало так: депутат приобретает корпус, а потом сдаст какую-то его часть в аренду «Факро». А для Флорека это было неприемлемым. И он решил блефовать.

Взял кредит под денежный залог и подал заявку на участие в торгах по корпусу, хотя помимо депутата имелось и несколько других претендентов, тоже посолиднее Флорека. «У меня есть немецкий

инвестор. Велит мне сражаться за корпус и идти на любые деньги», — услышал удивленный Бердыховский. И благодаря этому блефу отнесся к Флореку всерьез. На торги они вышли совместно, договорившись, что если выиграют, то три четверти корпуса забирает Бердыховский, а остальное — Флорек.

К счастью для «Факро», продовольственная биржа не раскрутилась. Крестьяне предпочитали торговать под открытым небом, а Зигмунт Бердыховский, как когда-то управляющий конкурсной массой завода, начал по кусочку продавать корпус Флореку. Через год все здание принадлежало ему.

Сегодня Юзеф Антоний Виктор, мэр Нового-Сонча, хвалится, что «Факро» — самый лучший в городе пример приватизации. Здесь работает больше народу, чем работало на автобусоремонтном заводе, — свыше двух с половиной тысяч человек. «Флорек смягчил в Сонче шок преобразований», — говорит мэр.

Но самому Флореку столкновение с «Велюксом» не амортизировал никто. Поначалу этот мировой лидер по мансардным и чердачным окнам не относился к его фирме всерьез. Но, когда в отличие от «Ортиса» и «Окполя» «Факро» не позволил вытолкнуть себя с рынка, «Велюкс» перестал церемониться с Флореком. На «Факро» поначалу шутили, когда торговые представители конкурента фотографировали из кустов выезжавшие с фабрики грузовики с окнами. Шуточки кончились после того, как началась ценовая война. ««Велюкс» продававшиеся в Польше окна изготовлял в Венгрии, — уверяет Рышард Флорек. — Но на нашем рынке, несмотря на транспортные расходы, он продавал их на 10% дешевле, чем там». В Германии те же самые окна были дороже уже на 40%, а в Польше они самые дешевые в мире. «Велюкс» хотел доконать нас ценами».

В «Факро» скомплектовали документацию по поводу использования «Велюксом» своего монопольного положения и отправили ее в тогдашнее Антимонопольное управление. «Но ведь вы же еще не разоряетесь, у вас есть прибыли, так чего же вы хотите?» — услышали они в ответ.

В фирме знали, что если они хотят выжить, то должны начать экспортировать. «Жесткую выучку дал нам немецкий «Браас» — фирма, специализирующаяся на производстве черепицы и мансардно-чердачных окон, — вспоминает Яцек Радковяк, на сегодняшний день президент фирмы «Флорад» (там работают уже двести человек), которая изготавливает для «Факро» оконную столярку. — Мы делали для немцев элементы, которые они у себя только собирали. А еще мы учились требованиям западных рынков. Когда «Браас» неожиданно для нас отказался от окон, сочтя их производство не окупающимся, мы уже умели и сами управляться». Теперь «Факро» стала наступать «Велюксу» на пятки не только на польском, но и на других рынках мира.

Государство болеет за противников

По всему миру они боролись с мощным конкурентом, а у себя в стране — с чиновниками финансовых ведомств. Год 1996-й мог стать последним в короткой истории «Факро». Рышарду Флореку приклеили этикетку экономического афериста. Было видно, что многочисленные контролеры, регулярно посещающие фирму, попросту хотят что-нибудь против него найти. Местный бизнес убежден, что Флорек просто не хотел расплачиваться, делиться. Сам он говорит на эту тему неохотно.

Одно из многочисленных обвинений удивило даже Национальное налоговое управление. Оно касалось того периода, когда не было НДС, а только налог с оборота. Если клиент покупал окна на цели инвестиций, он писал заявление, что «товар предназначен на цели инвестиций и снабжения», и тогда налог не начислялся. В «Факро» придумали тот же текст нанести на штемпель — так будет быстрее, клиенту останется только подписаться. Налоговая проверка сочла, что это преступление. В результате многочисленных обвинений против Флорека возбудили уголовное дело, а также несколько налоговых. В то же самое время мансардно-чердачные окна фирмы «Факро» устанавливались на крышах домов по всем континентам, и ее экспортные успехи невозможно было игнорировать. Рышард Флорек стал лауреатом премии «Теперь Польша», которую вручал президент страны. «Однако информация о том, что я аферист, явно дошла и до [президентского] дворца, поскольку президент не вручил мне ее лично», — вспоминает Флорек.

Сегодня позади у него много лет судебных процессов, и все они выиграны. Сегодня «Факро» — второй в мире после «Велюкса» производитель мансардно-чердачных окон. Годовые обороты фирмы достигают полумиллиарда злотых. Но и горечь в нем все-таки осталась. «Если бы не государство, мы могли бы продвинуться еще дальше», — считает Рышард Флорек. — Вместо того чтобы защищаться от совершенно безосновательных чиновничьих обвинений, нам следовало собирать силы для борьбы с конкурентом. Потому что эта борьба идет уже не за польский рынок — здесь половина мансардно-чердачных окон и так наша, — а за глобальный».

По мнению «Факро», фирма «Велюкс» всю свою ценовую политику по всему миру нацеливает против своего главного конкурента, то есть против них. Там, где у «Факро» большая доля рынка, «Велюкс» задавливает цены. А в тех странах, где фирма «Факро» только еще завоевывает клиентов, противник всячески отбивает у дистрибьюторов охоту сотрудничать с нею. На взгляд «Факро», «Велюкс» действует при этом недопустимыми методами.

У Флорека тоже есть свое черное досье. В него он собирает доказательства грубых нарушений конкурентом правил рыночной борьбы. В свое время ими займется Ведомство охраны потребителя и конкуренции. Если оно придет к выводу, что обвинения верны, то переправит их в Европейскую комиссию. Фирмы «Ортис» и «Окполь» не выдержали этой убийственной конкуренции. Фирма «Факро» — так же, как и «Велюкс» — построила предприятия в Китае и на Украине.

«Чтобы спасти рабочие места в Польше», — объясняет Рышард Флорек. Ведь в Китае появились производители, которые копировали окна из Нового-Сонча и предлагали их во всем мире дистрибьюторам изделий «Факро». Поэтому, чтобы не потерять рынки, фирме требовалось снизить цены. В Польше сделать это не удавалось, и пришлось строить фабрику в Китае. А на фабрике в Новом-Сонче ныне самая важная часть — центр исследований и развития, где создаются оригинальные, запатентованные конструкции. «Китайские рабочие изготавливают окна, которые придумывают польские инженеры», — радуется мэр Нового-Сонча. А в самом этом городе делаются более дорогие окна.

Магнат, но скромный

Знакомые посмеиваются над Флореком, что при капитализме он ничем не обзавелся. Он сам отвечает, что деньги должна иметь фирма, а не владелец. И живет в том же двухквартирном особняке, который построил в бытность студентом на деньги, заработанные «левым» путем. Да еще и уговаривает жену, что благодаря этому ей надо меньше убирать. Кстати, и уговаривать не нужно. Дочери учатся, а у жены на плечах не только дом, но и финансы всей фирмы. В «Факро» она главный бухгалтер. «Факро» — фирма семейная. И на биржу она не собирается.

«Первый же пакет акций с ходу выкупил бы главный конкурент», — опасается Флорек, который не в силах расстаться даже со стареньким «Фиатом-малышом». Сегодня эта машинка служит, чтобы отвозить письма на почту, а президент фирмы пересел в бледно-голубой «Пежо». Окна «Факро» особенно пришлись по вкусу французам. Многие французские гости часто приезжают в Новый-Сонч. И тогда им приятно, что президент фирмы, которая является «номером два» в мире, разъезжает на французском авто.

С иностранными гостями у новосончского бизнеса есть проблема, состоящая в том, что из любой точки Европы можно быстрее попасть в Краков, чем из Кракова проехать сотню километров до Нового-Сонча. «Рышард решил придумать что-нибудь такое, благодаря чему все они, несмотря на неудобства, побыстрее захотят снова очутиться у нас», — рассказывает Казимеж Пазган, владелец «Консполя». Он закупил четырехколесные квадроциклы — особую разновидность мотороллеров для езды по горам. В версии Флорека это настоящий экстремальный спорт. Каждого посетителя он усаживает на мотороллер и только велит держаться поближе к своему заднему колесу. «После такой прогулки гостю нравится абсолютно всё: и цена, и качество, и срок поставки», — уверяет Пазган, который тоже вывозит своих визитеров в окрестные горы.

**Александра
Фандреевская**

ВСЯ ПОЛЬША ОХОТИТСЯ НА РАБОТНИКОВ

На трудности с поисками работников предприниматели жалуются уже повсеместно. Справляются они с этим по-разному. Одни повышают зарплаты, другие перекупают работников у конкурентов, а третьи вкладывают средства в образование.

Нет данных, какого числа работников действительно не хватает. В службах занятости, агентствах по трудоустройству и на интернет-порталах можно найти около 150 тыс. предложений. Но предприниматели бьют тревогу: по их словам, просто нет региона в стране, где бы это не было проблемой. Конфедерация польских предпринимателей подсчитала, что в Варшаве с окрестностями не хватает 50 тыс. специалистов, в [Верхней] Силезии — 60 тысяч, в Нижней Силезии — 30 тысяч. В окрестностях Познани требуются 15 тыс. работников, в Кракове — 20 тысяч, а в Тригороде [Гданьске, Гдыне и Сопоте] — 10 тысяч. Предприятия из больших городов ищут рабочие руки в соседних воеводствах, думая, каким бы образом склонить к переезду жителей деревни. Фирмы начинают искать все более оригинальные идеи, чтобы привлечь сотрудников.

Голландская фирма Wisdom, входящая в группу информатики Ordina, проявила незаурядную изобретательность в ходе кампании набора информатиков. Она платила 20 злотых за каждую минуту собеседования каждому кандидату-программисту, независимо от результата встречи. В Лодзи консалтинговая фирма AMG.net, фирма Egicopol Telecom (предоставляет услуги по информатике многим мировым телекоммуникационным фирмам) и строящая центр высоких технологий фирма Transition Technologies использовали для поиска информатиков билборды. AGM.net вдобавок разместила огромные объявления о приеме на работу около вокзала, откуда каждое утро в Варшаву направляется армия работников.

Для фирм вызов — не только привлечь специалистов в области новых технологий, но и удержать их. Interia.pl борется с повышением зарплат у конкурентов. Так же поступила другая краковская фирма Comarch.

— Расходы на зарплаты сотрудникам выросли в первом квартале 2007 г. на 13%, — сообщил Рафал Хваст, вице-президент и финансовый директор.

Повышение зарплат — это крайность

— Уже месяц работники получают на 13% больше. Мы не предлагаем дополнительных поощрений, но работники не увольняются, — говорит Кристина Данильчик, директор бюро правления Варшавского завода легковых автомобилей. Завод ищет только высококвалифицированных специалистов, а новых работников по обслуживанию производственных линий обеспечивают ему агентства по трудоустройству на временную работу.

Коллектив Щецинской судоверфи «Новая» (ЩСН) ведет переговоры с правлением, добиваясь повышения зарплат.

— Зарплаты мы повышаем индивидуально, когда работники повышают свою квалификацию, — объясняет Изабелла Марущак из ЩСН. Но рабочих рук не хватает. Верфь их ищет через службы занятости, дает объявления в местной прессе, интернете и через свой собственный интернет-сайт, но отклик невелик.

— Когда-то мы привозили людей из отдаленных населенных пунктов. Сейчас нет желающих, — признаёт представительница ЩСН.

На судоверфи «Гдыня» зарплаты выросли на 29,5%, но в основном из-за того, что люди брали сверхурочные часы и получали мотивационные прибавки за сдачу судна в срок. Новых работников «Гдыня» ищет даже за восточной границей. Вернулись и способы, которые применялись во времена ПНР: новым работникам на год дают бесплатные квартиры, остальным оплачивают 50% стоимости

жилья. Людям, добирающимся из более далеких мест, оплачивают часть стоимости месячного проездного билета. Почти половина недавно принятых на работу (а их только в этом году 350) — это люди, которые когда-то уехали на заграничные судовой верфи, но уже вернулись в Польшу.

С фармацевтических складов бегут самые низкооплачиваемые кладовщики. Они зарабатывают в среднем 1,3 тыс. злотых.

— Часть уезжает за границу. Случается также, что если в том же самом районе появляются склады фирм, работающих в других отраслях, то доходит до того, что работников перекупают, даже за небольшие суммы, — говорит Кшиштоф Гадзала из бюро правления фирмы «Фармаколь».

— На время мы направили на склады административных работников и людей из других отделов. Сейчас мы начали принимать на работу студентов. Постепенно вводим и новую, автоматическую систему управления складом, — говорит Ян Крук, председатель фармацевтического центра «Цефарм». Большинство фирм из-за нехватки кадров ускорило инвестиции в новые технологии, и ранее запланированное объединение складов.

Поднять зарплату в полтора раза?

Специалисты требуются в булочных и кондитерских. Часть опытных пекарей уехала за границу. Есть и такие, что переквалифицировались и занялись строительством, где заработки сейчас гораздо выше.

— Чтобы их удержать, нам пришлось бы поднять зарплату как минимум на 50%. Это невозможно, — объясняет Войцех Здрёвский, председатель булочно-кондитерского кооператива «Фавор» из Познани. Кооператив, которым он руководит, в 2006 г. повысил зарплату в среднем на 14%. На столько же он увеличил оклады в этом году.

Владельцы булочных опасаются, что может быть еще хуже. Еще несколько лет назад в «Фаворе» проходили стажировку несколько десятков молодых людей ежегодно. В этом году согласился пока что один школьник.

Йенс Дамгорд Хансен, председатель мясокомбината Nove, объясняет, что трудно найти прежде всего резчиков, упаковщиков, а также работников в отделы производства и доставки. Он не хочет раскрывать, на какое повышение зарплат решилась его фирма. Однако признаёт, что она предлагает работникам пройти курс обучения в Польше и за границей. Они могут также некоторое время работать в компаниях, входящих в группу Tiscan — владельца мясокомбината Nove, — в других государствах.

Петр Куликовский, председатель брокерской компании «Индикополь», считает, что повышение зарплат — не эффективный способ удержать поляков от эмиграции.

— Маленькие прибавки не удержат их в стране. А более существенные не будут заметны для работника, потому что в значительной части они попадают в бюджет государства в виде более высоких налогов и страховых взносов, — полагает Куликовский. По его мнению, массовые отъезды в Западную Европу может остановить только изменение систем налогообложения и страхования.

Здоровье и обучение

Торговые сети признают, что существуют трудности с поиском желающих работать, особенно на самые низкие должности кассиров, кладовщиков и работников [торговых] залов.

— Мы ищем около 200 работников для нашего центра в Варшаве, местных отделений и магазинов во всех регионах Польши, — говорит Мария Цесликовская, пресс-секретарь сети гипермаркетов Satefour. Ее фирма первой из торговых сетей начала принимать на работу людей с ограниченной трудоспособностью — их уже работает около 80-ти. Глухонемые могут устроиться на работу, например кассирами.

Чтобы остановить отток работников, «Бедронка» оплачивает почти 11 тысячам своих работников профилактические обследования (маммография, цитология, УЗИ груди). Сеть также повысила зарплату кассирам до 1,2 тыс. злотых в месяц. Сеть Real с января завела абонементы в частных клиниках для почти 14 тыс. своих сотрудников.

Оборонка с трудом обороняется от бегства работников. На Жешувском авиазаводе, принадлежащем американской группе UTC, фирма покрывает все расходы, связанные с обучением сотрудников.

— Уже несколько сот людей учатся на деньги фирмы, предприятие не только оплачивает обучение, но и покрывает расходы на покупку учебников и т.п., — говорит Анджей Чарнецкий, пресс-секретарь завода.

Вроцлавский «Импель», одна из крупнейших в стране охранных и сервисных фирм, решила перезаключить часть контрактов с клиентами. Главная причина — необходимость повысить оклады охранников и уборщиков.

— Мы давно убеждаем наших деловых партнеров в необходимости изменить зарплаты. Не все клиенты согласились на новые, более высокие ставки. Нам пришлось расторгнуть часть договоров, — признаёт Гжегож Дзик, председатель «Импеля».

Пустыри на стройках

— Бывают случаи, когда фирма-подрядчик вынуждена расторгнуть контракт и уйти со стройки, потому что она не в состоянии соблюдать сроки — как раз из-за оттока работников, — говорит Яцек Белецкий из Польского союза фирм-застройщиков. Беспокоит перекупка работников. Достаточно подъехать на автобусе к стройке конкурента и предложить более высокие ставки, чтобы сразу же привезти себе полный автобус работников.

— Так происходит, потому что многие фирмы-подрядчики, нанимая работников, не подписывают с ними трудовой договор. И они не чувствуют себя связанными с фирмой, — считает Ежи Слюсарский, директор отдела инвестиций компании «Дом девелопмент».

На польских стройках работает все меньше украинцев, потому что по примеру польских строителей они предпочитают больше зарабатывать на Западе. Недавно холдинг «J.W.Construction» выписал для работы в Польше около 200 строителей из Таджикистана и Узбекистана.

— Они работают легально, у них подписаны договоры на год с возможностью продления, и они вовсе не обходятся нам дороже польских рабочих. Мы также думаем о фирмах из Болгарии, которая, как и мы, входит в Евросоюз, что упрощает многие процедуры, — говорит Рышард Матковский, президент холдинга.

— Мы уже ведем переговоры с китайскими фирмами, у которых есть соответствующий потенциал и рекомендации. Однако предписания мешают нанимать китайцев. А жаль, потому что от них можно ожидать высокого качества. Это видно по их инвестициям в арабских странах, — замечает Ежи Слюсарский.

Ставка на отличника

С трудностями поиска работников, причем хорошо образованных, скоро столкнутся химические фирмы.

— Средний возраст работающих у нас химиков очень высокий, скоро они начнут уходить на пенсию. Поэтому уже сейчас мы начинаем сотрудничать с высшими учебными заведениями в области набора на работу, — говорит Вальдемар Гжегорчик, представитель химической группы «Цех». Фирма финансирует также олимпиады по химии среди гимназистов и лицейстов. — Мы хотим, чтобы молодежь знала, что развиваться в этом направлении стоит, что существует такая фирма, как наша, в которой в будущем они могут найти работу.

 RZECZPOSPOLITA

Агнешка Енджейчак

БОРЬБА С «УТЕЧКОЙ МОЗГОВ»

«Каждый килограмм гражданина с высшим образованием — народное достояние».

Слова из кинокомедии Станислава Бареи «Мишка» сегодня проводят в жизнь польские фирмы и фонды.

«Мы не будем отнимать у врачей и информатиков заграничные паспорта. Эмиграцию невозможно и нельзя остановить», — смеется Павел Качмарчик из Центра изучения миграций. Эмиграция не обязательно означает коллапс, а в долгосрочной перспективе может обеспечить высокое развитие.

Из Ирландии во время застоя эмигрировало более 7% граждан, а когда они вернулись — образованные и с капиталами, — там наступил экономический рост. То же самое и в Индии, где уровень оттока специалистов из отрасли телеинформатики в 90-е годы достигал почти ста тысяч человек ежегодно, а ущерб, причиненный отъездом квалифицированных работников, исчислялся в два миллиарда долларов. Однако значительная часть мигрантов вернулась на родину, они открыли компьютерные фирмы, которые сегодня тесно сотрудничают с корпорациями США или Канады. С конца XX века индийская «Кремниевая долина» переживает бум. «Вот пример того, как brain drain, то есть дренаж мозгов, можно превратить в прибыль от мозгов», — говорит Павел Качмарчик.

Но пока что поляки редко выезжают на Запад, чтобы повышать квалификацию. У 30% эмигрантов — высшее образование, но они по-прежнему чаще всего оседают в таких секторах экономики, как гостиничное или ресторанное дело. А юрист, моющий посуду, — это, как говорят специалисты, не дренаж, а растраниживание мозгов.

Поэтому неудивительно, что концерны, фонды и даже органы местного самоуправления стремятся удерживать образованных поляков.

Городское управление Вроцлава создало свой сайт в Интернете (www.terazwroclaw.pl), на который эмигранты могут посылать заявления о трудоустройстве в концернах, расположенных в Нижнесилезском воеводстве. Речь идет о ста с лишним тысячах новых рабочих мест в таких фирмах, как «Вольво», «Сименс» или «Эл-Джи Филипс». Службу информации о самых востребованных профессиях открыло и Лодзинское трудовое управление. В рамках операции «Я остаюсь в Лодзи» оно предлагает выпускникам школ выбирать те направления высшего образования, которые позволят им работать и делать карьеру в родном городе. А депутаты Валбжихского горсовета в свою очередь сочли, что специалистам, «ценным для города», надо давать муниципальные квартиры, минуя список очередников, насчитывающий более пятисот человек. Этой возможностью уже воспользовались преподаватели Экономической академии и музыканты Судетской филармонии.

Поощрять возвращение

Весь фокус, однако, в том, чтобы не столько призывать молодежь остаться в Польше, сколько уговорить вернуться тех, кто уехал. Такую программу разработал Фонд содействия польской науке.

— С 2006 года мы внедряем продуманную систему стипендий, которыми ученые могут воспользоваться на разных этапах научного пути — от диплома до профессуры. Так что мы даем не рыбку, а удочку многократного использования, — хвалит идею Томаш Перковский, вице-президент ФСПН. Сразу после защиты диплома молодой ученый со своими идеями может рассчитывать на стипендию «Старт». По 24 тыс. злотых на 120 человек — это вливание, которое позволит молодежи посвятить себя науке. Программа «Колумб» предоставляет молодым кандидатам наук возможность выехать за границу на «пост-док» (научная работа после защиты диссертации). Когда они там наберутся опыта, фонд поощряет их вернуться программой «Homing» (так по-английски обозначают биологическую способность животного возвращаться к месту своего рождения). 16 ученых, которые, пробыв за границей не меньше девяти месяцев, захотят работать в Польше, получают по 50 тыс. злотых в год для проведения своих исследований. Когда ученый окрепнет, фонд снова оказывает ему помощь. На этот раз — давая грант программы «Фокус» в размере 80 тыс. злотых на создание собственной научно-исследовательской группы.

Подобного рода идея есть и в министерстве науки и высшего образования. Грант размером в 200 тыс. злотых в год могут получить ученые, которые вернутся в Польшу после по меньшей мере пяти лет работы в зарубежной научной организации. К сожалению, неизвестно, когда эта программа будет запущена.

Собственная фирма за углом

Перспективны и программы, побуждающие ученых открывать в Польше собственное дело. Фонд содействия польской науке оказывает помощь ученым, чьи технологические идеи можно применять на коммерческой основе, в рамках программы «Инноватор», помогает составить бизнес-план, получить патент и начать деятельность.

— После первой публикации программы к нам поступила 21 заявка, в том числе касающиеся новых информационных техник в медицине или рестайлинга автомашин. Финансирование получают пять лучших замыслов, — говорит Якуб Войнаровский, координатор программы. Молодым предпринимателям помогает также Дариуш Жук, председатель Объединения студенческих бизнес-инкубаторов, на базе которых за последние три года создано более 140 фирм — от дизайнерских до занимающихся составлением меню. Достаточно обратиться с бизнес-планом в один из 18 бизнес-инкубаторов, действующих при вузах. Авторы самых удачных замыслов получают мобильный офис, компьютер с доступом в Интернет и телефон. В течение первых двух лет они не обязаны открывать собственную фирму, а действуют под эгидой инкубатора, который освобождает их от большинства бюрократических забот: берет на себя регистрацию, вопросы, связанные с соцстрахованием и соцобеспечением, юридические вопросы и бухгалтерию.

Но самым распространенным способом удержать поляков от выезда из Польши остаются стипендии. В этом году впервые свои премии присудил фонд «Группы ТП». Стипендии программы «Польские таланты» в размере 10 тысяч злотых, а также ноутбуки получили 66 самых способных студентов технических направлений — информатики, телекоммуникации и электроники.

— Молодые польские информатики уже сегодня признаны во всем мире. Мне бы хотелось, чтобы эта марка закрепилась, но не превратилась в экспортный товар, — пошутил на церемонии вручения премий председатель оценочной комиссии профессор Кшиштоф Дикс из Варшавского университета.

У лауреатов, несмотря на их юный возраст, уже сегодня весьма серьезные биографии. Среди стипендиатов есть те, кто завоевал в этом году мировое первенство по коллективному программированию, — Филип Вольский, Мартин Пилипчук и Марек Цыган. Задача конкурса не только в том, чтобы удержать от отъезда способную молодежь, но и в том, чтобы поощрить ее к учебе в непопулярных сейчас технических вузах. В Польше техническое образование имеет менее 1% граждан, в то время как в США — свыше 30%. По оценкам аналитической фирмы IDC можно сделать вывод, что уже в 2008 г. нам будет не хватать пяти тысяч информатиков (из 28 тыс. требующихся).

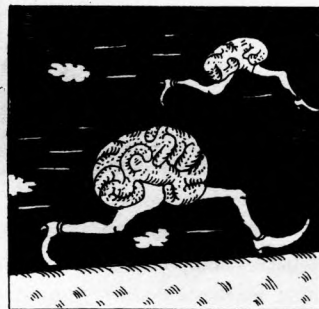
— У нас по-прежнему распространен стереотип студента политеха — плохо оплачиваемого механика в ковбойке. Между тем сегодня именно у инженеров больше всего шансов сделать блестящую карьеру. Каждого из них ожидает сегодня в Польше как минимум пять предложений работы, — убеждают сотрудники фонда «Группы ТП».

Другой стереотип: что из женщин получаются инженеры похуже, — отпугивает прекрасный пол от учебы в технических вузах. Женщины составляют лишь 32% студентов технических направлений.

— У нас нет ощущения, что мы хуже, нас в технических вузах всё больше и больше, а как показал этот конкурс, мы ни в чем не уступаем ребятам, — убеждает Анна Закшевская из Вроцлавского политехнического института, одна из пяти девушек, завоевавших стипендии. Высокая, длинноногая и бойкая на язык блондинка, она ничем не напоминает серую мышку из политеха.

— Если кому-то по вкусу мыть кастрюли в Ирландии — его добрая воля. Но мы остаемся, — горячо убеждают меня Яцек Груца и Витольд Болт из Гданьского политехнического. По окончании учебы они собираются открыть свою фирму, которая будет помогать польским фирмам внедрять новые технологии.

Наша страна наконец перестала рассчитывать на то, что польский эмигрант, как некогда Плутарх, откажется покидать родную Херонею ради Афин, объясняя это тем, что его маленькая Херонея станет тогда еще меньше. Важнее, чтобы Херонея сегодня — благодаря возвращающимся — становилась больше и богаче, чем сами Афины.

Чеслав Милош

Перевод
Никиты Кузнецова

ДОЛИНА ИССЫ

(отрывок из романа)

I

Начать нужно с описания Озерного края, в котором жил Томаш. Эта часть Европы долго была покрыта ледником, и в пейзаже ее чувствуется суровость севера. Земля здесь, как правило, песчаная и каменистая, пригодная только для картошки, ржи, овса и льна. Это объясняет, почему человек не уничтожил здесь леса, которые несколько смягчают климат и защищают от ветров с Балтийского моря. Преобладают в них сосна и ель, есть также березы, дубы и грабы, но совершенно отсутствуют буки — граница их распространения проходит гораздо южнее. По лесам здесь можно ходить долго, не утомляя глаз, потому что у сообществ деревьев, как у человеческих городов, есть свои неповторимые особенности: они образуют острова, полосы, архипелаги, тут и там отмеченные какой-нибудь дорогой с колеями в песке, домиком лесника или старой смоловарней, чьи разваливающиеся печи оплетены растительностью. И всегда рано или поздно с пригорка открывается голубая гладь озера с белым, едва различимым пятнышком чомги, с вереницей уток, летящих над камышами. На болотах здесь водится бесчисленное множество птиц. Весной в здешнем бледном небе висит накатывающий волнами гул, «ва-ва-ва» бекасов — такой звук издает воздух в их рулевых перьях, когда они совершают свои монотонные пируэты, означающие любовь. Немошное бульканье и бормотанье тетеревов, будто где-то далеко кипит горизонт, и кваканье тысяч лягушек в лугах (от их числа зависит число аистов, выюющих свои гнезда на крышах хат и овинов) — это здесь голоса той поры, когда после бурного таянья снегов цветут калужница и волчье лыко — мелкие лилово-розовые цветочки на безлистных еще кустах. Два времени года присущи этому краю, словно он создан для них: весна и осень — долгая, чаще всего погожая, полная запаха мокнувшего льна, стука трепалок и доносящегося издалека эха. Гусей охватывает тогда беспокойство: они неловко срываются с места, желая взвиться в небо вслед за перекликающимися в вышине дикими братьями; случается, что кто-нибудь приносит домой аиста с переломанным крылом: это тот, что спасся от клювов блюстителей закона, предающих смерти неспособного лететь к Нилу товарища; люди рассказывают, что где-то в округе волк утащил кабанчика; в лесах слышится музыка охотничьих собак: сопрано, бас и баритон лают на бегу, гоня зверя, и по модуляции можно узнать, по чьему следу они идут — зайца или косули.

Фауна здесь смешанная, еще не вполне северная. Попадаются белые куропатки, но есть и серые. У белки зимой мех сероватый, но все же не совсем серый. Есть два вида зайцев — один обыкновенный, русак, который зимой и летом выглядит одинаково. Второй, беляк, меняет шерсть и становится неотличим от снега. Такое сосуществование видов дает ученым пищу для размышлений, а все дело осложняется еще и тем, что, как говорят охотники, у русака есть две разновидности: полевая и лесная, которая иногда скрещивается с беляком.

До недавнего времени человек здесь производил дома всё, что было ему необходимо. Он носил грубое полотно, которое женщины раскладывают на траве и поливают водой, чтобы оно побелело на солнце. Поздней осенью, когда наступала пора сказок и песен, пальцы под мерный стук прялки вытягивали пряжу из мотка шерсти. Из этой пряжи хозяйки ткали на домашних станках сукно, ревниво оберегая секреты рисунка: в елочку, в клеточку, такой цвет в основу, такой — в уток. Ложки, кадки и все нужные в хозяйстве вещи вырезали из дерева самостоятельно, как и башмаки. Летом носили большей частью лапти, плетеные из липового лыка. Только после первой мировой войны стали появляться

кооперативные молокозаводы, пункты хлебо- и мясозаготовки, а потребности деревенских жителей начали меняться.

Избы здесь строят из дерева и кроют не соломой, а гонтом. Журавли — поперечная жердь с грузом на одном конце, опирающаяся на раздвоенный столб, — служат, чтобы вытаскивать ведро из колодца. Гордость местных хозяек — маленькие палисадники перед домом. В них выращивают георгины и мальвы — цветы, которые разрастаются вдоль всей стены, а не украшают лишь землю, так что через забор не видать.

От этой общей картины перейдем к долине реки Иссы, которая во многих отношениях составляет исключение в Озерном крае. Исса — река черная, глубокая, с ленивым течением и берегами, густо поросшими лозняком; кое-где ее поверхность еле видна из-под листьев водяных лилий; она вьется среди лугов, а поля, раскинувшиеся на пологих склонах по обоим ее берегам, отличаются плодородной почвой. Долина богата редким у нас черноземом, буйными садами и, быть может, отрезанностью от мира, которая никогда не представлялась здешним людям докучливой. Деревни здесь зажиточнее, чем в других местах. Лежат они либо по сторонам одной большой дороги, идущей вдоль реки, либо выше, над ней, на косогорах, и по вечерам глядят друг на друга огоньками окон через пространство, которое, как резонатор, повторяет стук молотка, лай собак и голоса людей — может, потому долина так славится своими старыми песнями, которые здесь поют, раскладывая на голоса, никогда не в унисон, всегда стараясь победить соперников из деревеньки напротив более красивым медленным угасанием фразы. Собиратели фольклора записали на берегах Иссы много мотивов, восходящих к языческим временам, — как, например, этот рассказ о Месяце (который у нас мужчина), выходящем из супружеского ложа, где он спал со своей женой — Солнцем.

II

Особенность долины Иссы — большее, чем в других местах, количество чертей. Может быть, тухлявые ивы, мельницы и заросли по берегам особенно удобны для существ, которые показываются людям только когда сами того пожелают. Видевшие их говорят, что чёрт невысок, ростом с девятилетнего ребенка. Носит он зеленый фрак, жабо и белые чулки, волосы заплетает в косицу и с помощью башмаков на высоких каблуках пытается скрыть копыта, которых стесняется. К этим рассказам следует отнестись с некоторой осторожностью. Весьма вероятно, что черти, зная суеверный трепет народа перед немцами — людьми торговли, открытий и науки, — стараются придать себе серьезности, одеваясь как Иммануил Кант из Кенигсберга. Недаром на берегах Иссы нечистую силу называют еще «немчиком» — имеется в виду, что чёрт стоит на стороне прогресса. Однако труд-

но предположить, что они носят такие костюмы ежедневно. Например, их любимая забава — пляски в сушилках, пустых сараях, где мнут лен, обычно стоящих в стороне от построек: как же им во фраках поднимать клубы пыли и кострики, не заботясь о сохранении приличного вида? И почему, если им дано некоего рода бессмертие, они должны выбрать именно костюм XVIII века?

Толком неизвестно, до какой степени они могут менять обличье. Когда вечером в канун дня святого Андрея девушка зажигает две свечи и смотрит в зеркало, она может увидеть будущее: лицо мужчины, с которым будет связана ее жизнь, а иногда лицо смерти. Черт ли так рядится, или тут действуют другие магические силы? И как отличить существ, появившихся здесь с приходом христианства, от других, прежних местных жителей: от лесной колдуньи, подменяющей детей в колыбелях, или от маленьких человечков, выходящих ночью из своих дворцов под корнями черной бузины? Есть ли между чертями и всеми этими другими тварями какой-то сговор, или они просто живут друг возле друга, как сойки, воробьи и вороны? И где тот край, куда прячутся те и другие, когда землю давят гусеницы танков, над рекой копают себе мелкие могилы те, кого ждет расстрел, а среди крови и слез, в ореоле Истории, встает Индустриализация? Можно ли представить себе какой-нибудь съезд в пещерах, глубоко в недрах земли,

где уже жарко от огня жидкого центра планеты, съезд, на котором сотни тысяч маленьких чертей во фраках серьезно и с грустью слушают ораторов, выступающих от имени центрального комитета ада? Вот ораторы возвещают, что в интересах общего дела пора прекратить резвиться в лесах и лугах, что момент требует иных средств и отныне высококвалифицированные специалисты будут действовать так, чтобы умы смертных не подозревали об их существовании. Раздаются аплодисменты, но принужденные, ибо присутствующие уже понимают, что они были нужны только в подготовительный период, что прогресс загоняет их в мрачную бездну и что не видать им больше закатов солнца, летящих зимородков, искрящихся звезд и всех чудес необъятного мира.

Крестьяне из долины Иссы ставили на пороге избы мисочку с молоком для неядовитых водяных ужей, которые не боялись людей. Потом они стали ревностными католиками, и присутствие чертей напоминало им о брани, ведущейся за окончательное господство над человеческой душой. Кем станут они завтра? Рассказывая, не знаешь, какое выбрать время — настоящее или прошедшее, — как будто то, что минуло, остается еще не совсем минувшим, пока хранится в памяти поколений — или только одного летописца.

Может, черти облюбовали Иссу из-за ее воды? Говорят, она обладает свойствами, влияющими на нрав людей, которые рождаются на ее берегах. Они склонны к эксцентричному поведению, далеки от спокойствия, а их голубые глаза, светлые волосы и тяжеловатая фигура — лишь обманчивая видимость нордического здоровья.

III

Томаш родился в Гинье на берегу Иссы в ту пору, когда спелое яблоко со стуком падает на землю в послеполуденной тишине, а в сенах стоят кадки с коричневым пивом, которое здесь варят после жатвы. Гинье — это прежде всего гора, поросшая дубами. В том, что на ней построили деревянный костел, кроется замысел врага старой религии или, возможно, желание перейти от старой к новой без потрясений: когда-то на этом месте совершали свои обряды жрецы бога громов. Если опереться на каменную ограду, с лужайки перед костелом можно увидеть внизу петлю реки, паром, перевозящий тележку, медленно движущийся вдоль каната, который мерно тянет рука перевозчика (здесь нет моста), дорогу, крыши между деревьями. Немного в стороне стоит плебания* с серой крышей из деревянного гонта, похожая на ковчег с картинки. Поднявшись по ступенькам и нажав на

ручку, ступаешь на пол из стершихся кирпичиков, уложенных наискось елочкой; свет падает на него сквозь зеленые, красные и желтые стеклышки, приводящие в восторг детей.

Среди дубов, на склоне, расположено кладбище, а на нем, в квадрате цепей, соединяющих каменные столбики, лежат предки Томаша из семьи его матери. С одной стороны к кладбищу примыкают покатые увалы, на которых летом ящерики вышмыгивают из-под листьев чабра. Называется это Шведские валы. Их насыпали либо шведы, приплывавшие сюда из-за моря, либо те, кто с ними сражался; иногда здесь находят обломки доспехов.

За валами начинаются деревья парка; по его краю проходит дорога, очень крутая, которая в распутицу превращается в русло потока. У дороги из таинственных зарослей терновника торчит перекидывающий креста. Чтобы добраться до него, нужно пройти по траве на остатках ступеней, и тогда ты оказываешься над круглой ямкой родника, лягушка тарашит глаза из-под края, а встав на колени и отодвинув ряску, можно долго всматриваться в вертящийся на дне водяной шарик. Ты задираешь голову, и глазам твоим предстает поросший мхом деревянный Христос. Он сидит в чем-то вроде часовенки, одну руку положил на колени, а на другую опирается подбородком, ибо Он печален.

* Дом священника. — Прим. пер.

От дороги аллея ведет к дому. Словно туннель — так густы здесь липы — она спускается к пруду возле амбара. Пруд зовется Черным, потому что до него никогда не дотягиваются солнечные лучи. Ночью ходить здесь страшно; здесь не раз видели черную свинью, которая хрюкает, топает копытцами по тропинкам, а когда ее перекрестишь, исчезает. За прудом аллея снова идет вверх, и вдруг глазам открывается яркость газона. Дом — белый и такой низкий, что кажется, будто крыша, на дощечках которой тут и там растут мох и трава, придавливает его. Дикий виноград, чьи ягоды вызывают оскмину, оплетает окна и две колонны крыльца. Сзади пристроен флигель — туда все переезжают на зиму, так как главный дом гниет и разваливается от влаги, проникающей из-под пола. Во флигеле много комнат — в них стоят прялки, ткацкие станки и прессы для валки сукна.

Колыбель Томаша стояла в старой части дома, со стороны сада, и первым звуком, который его приветствовал, были, должно быть, крики птиц за окном. Когда он уже умел ходить, он потратил немало времени на обследование комнат и закоулков. В столовой он боялся приближаться к клеенчатому дивану — в меньшей степени из-за портрета сурово смотрящего мужчины в доспехах с краешком пурпурного одеяния, в большей — из-за двух страшно искривленных глиняных рож на полке. В ту часть, которую называли «гостиной», он не заходил никогда и, даже будучи уже большим мальчиком, чувствовал себя там неуютно. В «гостиной» за сеньями всегда было пусто, в тишине паркет и мебель сами собой потрескивали, и почему-то было ясно, что там витает чье-то присутствие. Больше всего он желал оказаться в кладовке, что случалось редко. Тогда рука бабки поворачивала ключ в красной крашеной дверце, и из кладовки вырывался запах. Сначала запах копченой колбасы и ветчины, которые висели под потолочными балками, но с ним смешивался другой аромат — из ящичков, высившихся один над другим вдоль стен. Бабка выдвигала ящички и разрешала их нюхать, объясняя: «Это корица, это кофе, это гвоздика». Выше, там, куда могли дотянуться только взрослые, блестели вожделенные кастрюльки темно-золотого цвета, ступки и даже меленка для миндаля, а также мышеловка — жестяная коробочка, на которую мышь могла забраться по мостику, вырезанному лесенкой, а когда она притрагивалась к сыру, открывалась западня, и мышь падала в воду. Маленькое оконце кладовки было зарешечено, и, помимо запаха, здесь царили прохлада и тень. Еще Томаш любил комнату со стороны коридора, возле кухни, где часто сбивали масло. Он принимал в этом участие — ведь это так забавно: двигать палку вверх-вниз, когда в отверстии шипит пахта; правда, ему это быстро надоело — надо долго работать, прежде чем, подняв крышку, ты увидишь, что крестовину на конце палки уже облепили желтые комки.

Дом, фруктовый сад за ним и газон перед ним — вот что поначалу знал Томаш. На газоне три агавы — большая посередине и две поменьше по бокам — распирали кадки, на дощечках которых оставляла следы, повыше и пониже, ржавчина обручей. До этих агав дотягивались верхушки елей, росших внизу, в парке, а между ними — мир. Можно было сбегать вниз, к реке и в село — сначала только когда Антонина несла стирать белье в опирающейся на бедро лохани, на которой лежал валец или, как его еще называют, пральник.

IV

Предки Томаша были панами. Как это получилось, никто уже не помнит. Они носили шлемы и мечи, а жители окрестных деревушек должны были работать на их полях. Их богатство определялось не столько площадью земли, которой они владели, сколько числом душ, то есть крепостных. Когда-то, давным-давно, деревни платили им только оброк натурой; потом оказалось, что зерно, которое грузят на барки и отправляют по реке Неману к морю, приносит большую прибыль и, стало быть, выгодно вырубать лес под пашни. Тогда случилось, что принуждаемые к работе люди поднимали бунты и убивали панов, а предводительствовали ими старики, ненавидевшие и панов, и христианство, пришедшее вместе с концом свободы.

Томаш родился, когда усадьба уже клонилась к упадку. Осталось не слишком много земли, на которой пахали, сеяли и косили несколь-

ко батрацких семей; платили им в основном картофелем и зерном и этот годовой паек записывали в книги как натуроплату. Кроме них держали еще некоторое количество челяди, кормившейся «с господского стола».

Дед Томаша, Казимир Сурконт, ничем не напоминал тех мужчин, которые когда-то занимались здесь главным образом отбором верховых лошадей и спорами о видах оружия. Невысокий, несколько грузный, чаще всего он сидел в своем кресле; когда он дремал, его подбородок упирался в грудь, и на лоб соскальзывали седые пряди, зачесанные на розовую лысину, а пенсне болталось на шелковом шнурке. Лицо у него было гладкое, как у ребенка (только нос от холода часто приобретал цвет сливы), а глаза — голубые с красными прожилками. Он легко простужался и открытому пространству предпочитал свою комнату. Дед Сурконт не пил, не курил и, хотя должен был носить сапоги и даже шпоры, чтобы показать свою готовность отправиться в поле, ходил в длинных, вытянутых на коленях брюках и шнурованных башмаках. В усадьбе не было ни одной охотничьей собаки, хотя во дворе возле конюшни чесалась и выкусывала блох целая свора разных Жучек, свободных от каких бы то ни было обязанностей. Не было также ни одного ружья. Превыше всего дед Сурконт ценил спокойствие и книги по растениеводству. Быть может, к людям он тоже относился немного как к растениям, и их страсти с трудом выводили его из состояния равновесия. Он старался понять их, и то, что он был «слишком добр», в сочетании с его нелюбовью к картам и шуму отталкивало соседей, равных ему по положению. Они произносили его имя и пожимали плечами, не будучи в состоянии упрекнуть его в чем-то определенном. Любого приезжего пан Сурконт принимал, оказывая ему почести, совершенно не соответствовавшие рангу и должности. Все знают, что со шляхтичем, евреем и мужиком надо обходиться по-разному, а он отступал от этого правила даже в отношении ужасного Хаима. Каждые несколько недель Хаим появлялся в своей бричке и с кнутом в руке, в черном кафтани, с пузырями штанов, спускавшимися на голенища, вступал в дом. Борода его торчала, как опаленное огнем полено. Он заводил разговор о ценах на рожь и телят, но это было лишь преддверие взрыва. Тогда, вопя и жестикулируя, он бегал за домочадцами по всем комнатам, рвал на себе волосы и клялся, что обанкротится, если заплатит, сколько они требуют. Кажется, не разыграв этого отчаяния, он уезжал бы с чувством, что не выполнил всего, что он считал обязанностью хорошего торговца. Томаш удивлялся, что вопли прекращались внезапно. На лице Хаима уже было что-то вроде улыбки, и они с дедом сидели, дружески беседуя.

Доброжелательность к людям вовсе не означала, что Сурконт был склонен к уступкам. Давние обиды между усадьбой и селом Гинье миновали, а земельные участки располагались так, что повода для ссор не было. Другое дело — деревенька Погиры с противоположной стороны, на краю леса. Она вела непрерывные споры о правах на пастбища, и давалось ей это с трудом. Крестьяне сходились, разбирали дело, их гнев нарастал, и они выбирали делегацию старейшин. Однако, когда старейшины садились с Сурконтом за стол, на котором стояла водка и лежали ломти ветчины, вся подготовка шла насмарку. Дед поглаживал тыльную сторону ладони и не спеша, сердечно объяснял. Чувствовалась в нем уверенность, что он всего лишь старается разобраться — так, чтобы было по справедливости. Старейшины поддакивали, смягчались, заключали новый договор и только по дороге домой вспоминали всё, чего не сказали, и злились, что Сурконт снова околдовал их и им придется краснеть перед деревней.

В молодости Сурконт учился в городе, читал книги Огюста Конта и Джона Стюарта Милля, о которых на берегах Иссы, кроме него, мало кто слышал. Из его рассказов о тех временах Томаш запомнил главным образом описание балов, на которых мужчины носили фрак. У деда и его приятеля был только один фрак на двоих, и пока один из них танцевал, другой ждал дома, а через несколько часов они сменялись.

Из двух дочерей Хелена вышла замуж за местного арендатора, а Текла — за горожанина; она и была матерью Томаша. В Гинье она приезжала время от времени на несколько месяцев, но редко, ибо сопровождала мужа, которого носили по белу свету поиски заработков, а потом война. Для Томаша она оставалась воплощенной красотой — слишком большой, чтобы с ней что-то сделать, — и, глядя на нее, он сглатывал слюнки от любви. Отца он почти не знал. Женщины вокруг него — это прежде всего Поля, когда он был совсем маленьким, а затем Антонина. Полю он

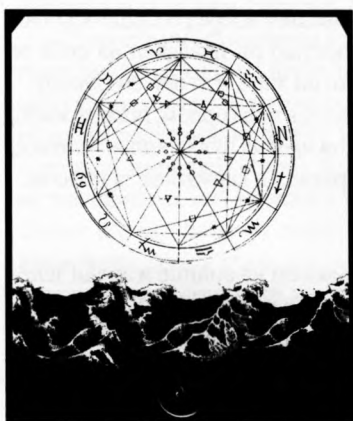

ощущал как белизну кожи, лен, мягкость и в дальнейшем переносил свою симпатию на страну, название которой звучало похоже: Польша. Антонина выпячивала живот в полосатом переднике. У пояса она носила связку ключей. Смех ее напоминал ржание, а в сердце она прятала дружелюбие к каждому. Говорила она на мешанине двух языков, то есть литовский был ее родным языком, а польский — приобретенным. Ее польский звучал так, как об этом свидетельствует, например, такой зов доброты: «Томаш, пади сюда, я тебе дам кампитюр».

Томаш очень любил деда. От него приятно пахло, а седая щетина над верхней губой щекотала щеку. В маленькой комнате, где он жил, над кроватью висела гравюра, изображавшая людей, которых привязывали к столбам, а другие полуголые люди подносили к столбам факелы. Одним из первых упражнений Томаша в чтении были попытки сложить по слогам подписи: «Факелы Нерона». Так звали жестокого царя, но Томаш дал такое же имя одному из щенков, потому что взрослые, заглядывая ему в пасть, говорили, что у него черное нёбо и, значит, он будет злой. Нерон вырос и не проявлял признаков озлобленности, зато отличался ловкостью. Он съедал сливы, упавшие с дерева, а когда не находил их, умел упираться лапами в ствол и трясти. На столе у деда лежало множество книг; на картинках в них можно было рассматривать корни, листья и цветы. Иногда дед вел Томаша в «гостиную» и там открывал рояль с крышкой цвета каштана. Пальцы, как бы опухшие, сужающиеся на концах, бегали по клавишам; это движение удивляло, и удивляли сыпавшиеся капли звука.

Часто можно было увидеть, как дед советуется с экономом. Это был пан Шатыбелко, носивший бородку на две стороны, которую он разглаживал и раздвигал во время разговора. Он был маленького роста, ходил на согнутых ногах, а сапоги, голенища которых были слишком широкими, сваливались с него. Шатыбелко курил огромную по сравнению с ним трубку. Ее чубук загибался вниз, а чаша закрывалась металлической крышечкой с дырочками. Комната его в конце постройки, где размещались конюшня, каретная и людская, зеленела от кустиков герани в горшках и даже в жестяных кружках. На стене было полно образов, которые его жена Паулина украшала бумажными цветами. За Шатыбелко всюду семенил песик Мопсик. Когда хозяин засиживался в дедушкиной комнате, Мопсик ждал его во дворе и беспокоился, так как среди больших собак и людей он нуждался в ежесекундной опеке.

Гости — за исключением таких, как Хаим или крестьяне по разным делам, — появлялись не чаще раза-двух в год. Сам хозяин не ждал их, но и не был им не рад. Однако почти каждое их появление портило настроение бабке Сурконтовой.

V

От бабки Михалины, или Миси, Томаш никогда не получил ни одного подарка. Она не интересовалась им совершенно, зато какая это была личность! Она хлопала дверьми, всех бранила, ей не было дела до людей и до того, что они подумают. Когда она злилась, то запиралась у себя на целые дни. Томаша, когда он был возле нее, охватывала радость — та самая, какую испытываешь, встретив в чаще белку или куницу. Как и они, бабушка Мися была лесным существом. На их мордочки был похож ее большой прямой нос между щеками, которые так торчали вперед, что еще немного, и он исчез бы между ними. Глаза — как орехи, волосы темные, гладко зачесанные, здоровье, чистота. В конце мая она начинала свои походы к реке, летом купалась по несколько раз в день, осенью пробивала пяткой первый лед. Зимой она тоже посвящала много вре-

мени всевозможным омовениям. Не меньше заботилась она и о чистоте в доме, а точнее, лишь в той его части, которую считала своей норкой. Помимо этого никаких других потребностей у нее не было. За стол бабка с дедом и Томаш садились вместе редко, ибо она не признавала регулярного питания, считая это пустой тратой времени. Когда ей приходила охота, она бежала на кухню и уминала целые кринки простокваши, заедая ее солеными огурцами или холодцом с уксусом — бабка Мися обожала все острое и соленое. Эта нелюбовь к ритуалу тарелок и блюд — когда приятнее забраться в угол и

подъедать так, чтоб никто не видел, — была следствием ее убеждения, что церемонии только понапрасну отнимают время, а также скупости. Что касается гостей, то они раздражали ее тем, что их надо развлекать, когда нет настроения, и кормить.

Она не носила кофточек, шерстяных нижних рубашек и корсетов. Зимой ее любимым занятием было становиться возле печки, задира́ть юбку и греть попу — эта позиция означала, что она готова к разговору. Такой вызов приличиям очень импонировал Томашу.

Раздражение бабушки Миси, вероятно, оставалось на поверхности, а там, внутри, тайно, она как бы покатывалась со смеху и, предоставленная самой себе, отгородившись равнодушием, должно быть, прекрасно развлекалась. Томаш догадывался, что она сделана из твердого материала и что тикает в ней какая-то не требующая завода машинка, вечный двигатель, который не нуждается во внешнем мире. Она прибегала к разным хитростям, чтобы сворачиваться клубком внутри себя.

Интересовалась она прежде всего колдовством, духами и загробной жизнью. Из книг читала только жития святых, но, по-видимому, ее не занимало их содержание, а скорее пьянил и приводил в мечтательное состояние сам язык, звучание благочестивых фраз. Никаких нравоучений она Томашу не читала. По утрам (если она показывалась из своего логова, пахнущего воском и мылом) они с Антониной садились и толковали сны. При вести о том, что кто-то увидел чёрта или где-то по соседству дом не годится для жилья, потому что в нем кто-то звенит цепями и катает бочки, ее лицо озарялось улыбкой. Ее приводил в хорошее настроение любой знак с того света — доказательство того, что человек на земле не один, а в компании. В разных мелких происшествиях она угадывала предостережения и указания С и л. Ибо в конечном итоге надо знать, уметь правильно себя вести — тогда окружающие нас Силы услужат и помогут. Бабушке Мисе были так любопытны эти существа, которые роятся вокруг нас в воздухе и с которыми мы, сами того не зная, ежесекундно соприкасаемся, что к бабкам, знающим тайны и заклятья, она относилась совсем не так, как к другим, и даже давала им то отрез полотна, то кружок колбасы, чтобы развязать язык.

Хозяйством она занималась мало, ровно столько, чтобы контролировать, не выносит ли дед чего-нибудь своим протезе, ибо, боясь скандалов, он подворовывал. Не оказывая никому услуг — чужие нужды были недоступны ее воображению, — не испытывая угрызений совести и не задумываясь ни о каких обязанностях перед ближними, она просто жила. Если Томашу удавалось застать ее в кровати, в отгороженной портьерой нише, возле скамеечки для молитвы с резным пюпитром и подушкой из красного бархата, он садился у нее в ногах и прислонялся к скрытым под шерстяным одеялом коленям (она не выносила ватных одеял); тогда вокруг ее глаз собирались морщинки, а яблоки щек выдавались вперед больше обычного, что означало дружбу и смешные рассказы. Иногда какой-нибудь шалостью он навлекал на себя ее ворчание, и она называла его паскудником и паяцем, но это его не смущало: он знал, что она его любит.

В воскресенье она надевала в костел темные блузки, которые застегивались под горлом, поверх жабо, на английские булавки, вешала на шею золотую цепочку со звеньями, похожими на булавоочные головки, а медальон, который она разрешала открывать (в нем ничего не было), прятала в кармашек за поясом.

VI

Разнообразные Силы наблюдали за Томашем на солнце и среди зелени и оценивали его в меру своих знаний. Те из них, кому дано выходить за пределы времени, меланхолично кивали прозрачными головами, ибо способны были осмыслить последствия экстаза, в котором он жил. Силам этим известны, например, сочинения музыкантов, пытающихся выразить счастье, но такие попытки кажутся неуклюжими, когда присаживаешься на корточки у кроватки ребенка, просыпающегося в летнее утро, а за окном слышен свист иволги, хор криканья, кудахтанья и гоготанья со двора, и все эти голоса залиты светом, который никогда не кончится. Счастье — это еще и осязание: босыми пятками Томаш перебегал от гладкости досок пола к прохладе каменных плит коридора и округлости булыжников на дорожке,

где подсыхала роса. И — надо принять это во внимание — он был одиноким ребенком в царстве, которое менялось по его воле. Черти, быстро съеживавшиеся и прятавшиеся под листья, когда он подбегал, вели себя как куры, которые, всполошившись, вытягивают шею и таращат глупый глаз.

Весной на газоне появлялись цветы, которые называют ключиками св. Петра. Они радовали Томаша: трава однородно зеленая, и вдруг эта светлая желтизна на голом стебельке, действительно как связка маленьких ключей, и в каждом — небольшой красный глазок. Листья внизу сморщенные, приятные на ощупь, как замша. Когда на клумбах расцветали пионы, они с Антониной срезали их, чтоб отнести в костел. Он погружал в них глаза и хотел бы целиком войти в этот розовый дворец; солнце просвечивает сквозь стены, а на дне в золотой пыли бегают жучки. Одного он как-то втянул в нос — так сильно нюхал. Подпрыгивая на одной ножке, он бежал за Антониной, когда та шла за мясом в вырытый в саду погреб. Они слезали вниз по приставной лестнице, и Томаш пальцами ног пробовал мороз от присыпанных соломой плит льда с Иссы. Наверху жара, а здесь всё по-другому — и кто бы там сверху догадался! Он не мог поверить, что погреб не тянется далеко, а кончается там, где стена укреплена каменной кладкой с влажными подтеками. Или улитки. Через мокрые после дождя дорожки они переправлялись с одного газона на другой, протягивая за собой след из серебра. Когда их брали в руки, они прятались в свой домик, но тут же высовывались снова, стоило им сказать: «Улитка, улитка, высунь рога, дам тебе пирога». Если все это и доставляло взрослым удовольствие, то, как могли убедиться Силы, немного стыдное. Например, задумываться над белым колечком на домике улитки — это не для них.

Река казалась Томашу огромной. Над ней всегда разносилось эхо: пральники стучали «так-так-так»; откуда-то отзывались другие, словно был уговор, что они должны отвечать друг другу. Весь оркестр и стирающие женщины никогда не ошибались — если начинала новая, то сразу попадала в такт, который уже был. Томаш забирался в кусты, залезал на ствол ивы и, слушая, целыми часами глядел на воду. По ее поверхности носились пауки, вокруг ног которых образуются углубления, жуки — капли металла, такие скользкие, что вода их не берет, — исполняли свой танец по кругу, все время по кругу. В солнечном луче — лесá водорослей на дне, между ними стоят косяки рыбок, которые разлетаются во все стороны и снова собираются — несколько движений хвостиком, разгон, несколько движений хвостиком. Иногда из глубины на свет выплывала большая рыба, и тогда сердце Томаша колотилось от волнения. Он подскакивал на своем стволе, когда на середине реки раздавался всплеск, что-то сверкало и расходились круги. Если приплывала лодка, это было необыкновенно: она появлялась и исчезала так быстро, что заметить удавалось немного. Рыбак сидел низко, почти на воде, загребал веслом с двумя лопастями, а за ним тянулась бечева.

Томаш рано смастерил себе удочку и был терпелив, но у него ничего не получалось. Лишь дети Акулонисов, Юзюк и Онуте, научили его, как привязывать крючок. В их избу на краю села он поначалу забегал на минутку, потом освоился, и, если не возвращался домой, все знали, где он. В полдень он получал деревянную ложку и садился вместе со всеми за стол, зачерпывая, как другие, бандуки со сметаной из общей миски. Акулонис был большой, с такой плоской спиной, что Томаш дивился — он не знал никого, кто держался бы так прямо. Полотно штанов на икрах он обматывал оборами лаптей до самых колен. Рыбу он ловил с удовольствием, но главное — у него был челнок. За яблонями, возле амбарчика, земля спускалась к заливу, заросшему айром. В этом аире челнок продавил след и лежал, наполовину вытянутый на берег. Детям было запрещено сталкивать его на воду, поэтому они могли только изображать, что плывут, раскачиваясь на его конце. Он был шаткий, состоял из выдолбленного бревна и двух крыльев для равновесия. Акулонис плавал на нем ловить щук на блесну. Бечеву, которая разматывалась за ним, он цеплял за ухо, чтобы сразу почувствовать рывок. На ночь он ставил жерлицы и одну дал Томашу. Возле самого шестика была привязана лещиновая рогулька, на нее намотана бечева, которая защемлялась в расщепе, и дальше, на свободном ее конце, — двойной крючок. В качестве живца лучше всего использовать маленького окуня, потому что если насадить его на крючок за спинку, разрезав ножиком кожу, он может ходить всю ночь. Другие рыбки не так живучи — слишком быстро умирают. Заслугу в случившемся следовало бы приписать Акулонису, который выбрал место и забросил удочку. Томаш не мог спать, вскочил спозаранку и сбежал к реке, когда еще стоял рассветный туман. Над розовой гладью, где клубился пар, он увидел рогульку — пустую. Он еще не верил, тянул, и

бечева шла с трудом, что-то плескалось. Наверх он неся бегом, счастливый, чтобы всем показать рыбу величиной с руку. И точно, все сбежались и смотрели. Это была не щука, а какая-то другая рыба, и Акулонис объявил, что попадаетея она редко. Никогда прежде с Томашем не случилось ничего подобного, и он с гордостью рассказывал об этом еще несколько лет.

К жене Акулониса, белой, как Поля, он льнул, ища ее ласк. Разговаривали в избе по-литовски, и он даже не замечал, как переходил с одного языка на другой. Дети смешивали оба — разумеется, не там, где приличествует созывать друг друга веками устоявшимся возгласом. Например, когда мальчишки бегут голые, чтобы бухнуться в воду, они не могут кричать ничего кроме: «Ej, Vugai!», то есть: «Эй, мужчины!» Vir, как узнал Томаш впоследствии, значит по-латыни то же самое, но литовский, вероятно, старше латыни.

(...)

В литье воска самый волнующий момент наступает, когда жидкий воск шипит в холодной воде и из него складываются фигуры Судьбы. Потом надо поворачивать их, рассматривая тени, пока собравшиеся охают и ахают, узнавая венки, зверей, кресты и горы. Впрочем, из-за гаданий на св. Андрея Томаш натерпелся страху. Смотреть в зеркало должны только девушки, причем серьезно, запершись в комнате в полночь. Он попытался сделать это ради шутки, при всех, и дело кончилось слезами, потому что он увидел красные рога. Может, это вышивки на кофточках так блеснули из-за спины, но не наверняка, и еще долгое время он обходил каждое зеркало стороной.

Однажды зимой (а каждую зиму бывает то первое утро, когда ступаешь на выпавший ночью снег) Томаш видел на берегу Иссы горностая или ласку. Мороз и солнце, ветки кустов на крутом противоположном берегу — как золотые букеты, подернутые кое-где серой и синей синькой. Появляется балерина необыкновенной легкости и грации, белый серп, который гнется и распрямляется. Томаш глазел на нее с раскрытым ртом, остолбенев, и мучился от вожделения. Иметь. Если бы у него в руках было ружье, он бы выстрелил, потому что нельзя так стоять, когда восторг призывает навсегда сохранить порождающий его предмет. Но что бы тогда случилось? Ни ласки, ни восторга, мертвая вещь на земле. Оно и лучше, что у него только глаза вылезали из орбит, а больше он ничего не мог.

Весной, когда расцветала сирень, можно было снять ботинки и поджимать пятки, потому что каждый камушек колосся, словно гвоздь. Но вскоре кожа грубела, и до самых заморозков Томаш сбивал голые пятки на дорожках, а в воскресенье башмаки жгли его, и он избавлялся от них сразу же после костела.

Збигнев Жакевич

«ДОЛИНА ИССЫ» ЧЕСЛАВА МИЛОША — БОГОСЛОВСКИЙ ТРАКТАТ

На самом деле «Долина Иissy» должна бы называться «Долиной Невяжи», реки, которая впадает в Неман за Каунасом, в то время как в самом Каунасе в Неман впадает Вилия. Последняя, начиная с Вильнюса, носит литовское название Нерис, а Невяжа по-литовски — Невежис. В беседе с Кшиштофом Мышковским («Квартальник артистичный», 2004, №3) Чеслав Милош признался, что назвал Невяжу Иссой, «чтобы получить свободу вымысла, чтобы не быть связанным реалиями (...) Несомненно моим главным намерением было обращение к корням. Живя за границей, я поставил себе цель нанести мою маленькую родину, страну моего детства, на карту Европы или мира». Маленькая родина — это Жемайтия на краю Жемайтской возвышенности. К югу от нее простирается Литовское поозерье, заканчивающееся на востоке Ошмянской возвышенностью.

Там, на юге, находится моя собственная «малая родина», край, вписанный в священный для меня треугольник Крево—Сморгонь—Молодечно, через который течет Вилия. Под Залесьем, некогда резиденцией Клеофаса Огинского, в Вилию впадает речка Драя, во времена Великого княжества Литовского называвшаяся Здрой. На ее берегу стояло дедовское имение Понизье-Татарское.

Я вспоминаю эти реалии, чтобы подтвердить или оправдать своего рода фамильные отношения с автором «Долины Иissy». (Я ведь в свое время написал три книги, составившие «Виленский триптих»). Детство Чеслава Милоша охватывает годы до и во время I Мировой войны в патриархальном, несколько архаичном мире усадьбы Шетейне. Мое детство прошло перед II Мировой, а мой дедушка, «старый Абач», жил в столь же архаичном мире в своем Понизье.

В первый раз я читал «Долину», памятуя об этом (книга вышла в Париже в 1955 г., а в Польше была переиздана лишь во времена «Солидарности» — в 1981-м). Моя мать (родившаяся в 1910-м), которая была на год старше Милоша, пережила первую войну вместе со своими ближайшими родственниками в Вильнюсе, в бывшем базилианском монастыре. Дедушка оказался тогда за линией фронта, под Сморгонью, где немцы применили отравляющие газы.

Потом мать выросла, но до самой своей смерти в Гданьске она так и не распрощалась со своей белорусско-польской родиной. Подобно Милошу она помнила «сморгонские баранки», знала, что такое «лечить заговором корову». Она, как и многие поколения ее предков, была плотью от плоти Великого княжества Литовского, этой Земли великого пограничья — разных верований, языков и пробуждающихся народов. Она жила в духовной общности людей «забытого племени», у которых есть свои тайные знаки и коды. Между ними существует «родство, которое не пренебрегает временем, застывшим в покатоности крыш, в изгибе рукояти плуга, в жесте и поговорке» (Чеслав Милош, «Родная Европа»).

Задолго до того, как в 1981 г. мне удалось купить «Долину Иissy», продававшуюся по распределению членам Союза польских литераторов, я открыл маленький шедевр Милоша — сборник «Мир. Наивные поэмы». Написанные во время немецкой оккупации, в эпоху бесчеловечных абстрактных идеологий — фашизма и коммунизма, — «Поэмы» были похвалой реальности, той самой, которую воспели в своих метафорах Гомер и Мицкевич, чей «наивный рай» описан в «Пане Тадеуше».

Милош перечеркивал абстрактное и бесчеловечное, ибо у него был дар великих художников, дар онтологического пребывания в *теперь*, благодаря которому он воспевал неповторимость существования и каждого индивидуального бытия. У него был дар любви к тому, что *есть*, дар, благодаря которому неутомимое созерцание сотворенного дает нам неутомимую память: «Мгновение мыслит мгновением». Эту мысль можно представить и наоборот: «Вечность мыслит мгновением».

Именно такое ощущение положено в основу воображаемых миров «Долины Иissy». Подобно Мицкевичу, который писал свою поэму изгнанником на «парижской мостовой», Милош в Париже тоже созерцал свой мир, создавая как бы новые «наивные поэмы».

Но в самом ли деле «наивные»? В цитированной выше беседе, состоявшейся летом 2000 г., Милош признался: «Эта книга — не идиллия. Это не книга о детстве и не автобиографический рассказ в строгом смысле слова.

Это, как кто-то сказал, своего рода богословский трактат, ибо там показана проблема зла в мире: проблема, с одной стороны, наивного детского согласия с миром, а с другой — открытия оборотной стороны, трагической изнанки жизни».

Итак, Томаш живет в раю, но его гнетут зло и тайна смерти. Создатель «наивных поэм» еще отрицал силу зла и ненависти. Автор «Долины Иссы» уже не мог этого сделать. Он видел себя в клещах восточного манихейства, которым больны все «люди оттуда». Эти вопросы будут мучить поэта до конца жизни.

Райская жизнь складывается из красоты мира, проявляющейся в запахах, звуках, цветах, неповторимых человеческих поступках, неповторимых вещах, в жизни усадьбы, охоте, в таинственных лесных дебрях, в топях и озерных глубинах...

Этим Милош напоминает Ивана Бунина, но с одной существенной разницей. Если Бунин, как метко замечает в своих воспоминаниях Нина Берберова, «не задавался вопросами религии (...) был совершенно земным человеком, конкретным цельным животным», то Милош был писателем метафизическим. Этим бунинским даром видеть материальный мир он был обязан своему метафизическому инстинкту, созерцанию Бытия.

По пути бунинского изобилия пошел в своем фильме «Долина Иссы» Тадеуш Конвицкий, создавший единственную в своем роде небывалой красоты кинокартину. Посмотрев фильм Конвицкого несколько раз, я до сих пор не могу прийти в себя от его визуальной красоты.

Читая книгу Милоша вторично, я осознал, что во время первого чтения упорно шел по следам своего детства. Подобно Томашу я потерял свою землю, когда мне было четырнадцать. Я искал сходство. Дедушкина усадьба и усадьба деда Томаша, там литовские крестьяне, тут — белорусы, там помещичьи усадьбы Буковских, тут — шляхта Ошмянской возвышенности...

Действительно, «Долина» может быть прочитана как богословский трактат. В манихейском образе мира, в вечном, неистребимом чувстве вины живет Бальтазар, пока не платит за это жизнью; Доминик, словно нищенский сверхчеловек, ищет границы своей свободы и силы, напрасно искушая Бога.

Другое дело — судьба маленького Томаша. Его гнетет тайна самосознания, непонятной двойственности собственного «я». За этим кроется неизбежность бессмертной души, этого дыхания Творца, бросающего нас в тайну существования, которая проявляется в судьбе бедной самоубийцы Магдалены.

Спустя многие годы Милош скажет: «В чем заключается секрет стиля данного писателя или данного художника? (...) Для меня это аргумент в пользу бессмертия индивидуальной души, ибо есть нечто такое, чего нельзя подделать. Это секрет стиля».

Как я уже сказал, Милош глубоко чувствовал природу и знал ее (что вообще характерно для «школы Кресов [восточных окраин Польши]»). Терзающее людей манихейство сопряжено со своего рода пантеизмом. «Мы верили, что деревья чувствуют, нас беспокоила посмертная судьба животных (есть ли у них душа?)». В многократно описанной мистерии охоты было что-то от индейской общности охотника и жертвы. Увлечение Томаша орнитологией тоже было своего рода единением с братьями по биологическому сообществу.

Связь с вне-абстрактным и вне-рациональным миром столь же глубоко выражается в восхищении женственностью. На эту тему Милош пишет много. Помимо несчастной любви Магдалены, которая после смерти не могла смириться со своей участью и вернулась в мир живых привидением, есть еще описание связи «короля охотников» пана Ромуальда с прекрасной Барбарой, связи, которая взволновала чувства и воображение Томаша. Он очень сильно переживает тайну пола, ее вызов, сладость и горечь. Милош до самого конца оставался поэтом, неравнодушным к женственности, которая, как это часто у него бывает, проникнута ностальгией по прошлому и тоской по полноте.

Читая «Долину» второй раз 26 лет спустя, я открыл важную для себя вещь. Где-то в середине 70-х моя мать, вернувшись от своих вильнюсских друзей, привезла скрупулезно переписанные ею песни и припевки. В памяти изгнанников должны были сохраниться их неповторимый провинциальный язык и стиль. Когда, побывав в краю моего детства, я начал писать книгу о тех временах («Волчьи луга», 1978-1980) — форму гротеска и детской фантазии подсказал мне «Котик Летаев» Андрея Белого, — я ввел в нее эти списанные по памяти друзей матери тексты.

Теперь я обнаруживаю их — все — в «Долине Иссы». Оказалось, что друзья с Кресов должны были заглядывать в парижское издание книги 1955 года. Так замыкается круг, где в танце памяти кружатся жители нашего архаичного провинциального края, в котором жило «забытое племя». Круг этот соединяет умерших и тех, кто еще жив...

Ян Лехонь

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Герострат

Есть она и в Софии, есть она и в Вашингтоне,
От пирамид Египта и до снегов Тобольска
На тысячи вёрст раскинулась наша земляца польская,
Попугай всех народов — в терновой короне.

Увечная, как госпитальный солдат без ноги, без руки,
Который вечно в слезах будет бродить по свету, —
Такой наша Польша вышла из управы повета
И такой повлеклась на каторгу — в рудники.

Девушка, позабывшая о материнской тревоге,
Наследница незаконная того, что добыто детьми,
Светлячок святоянский, в ночи осветивший мир...
Памятью о былом богатстве живёт, убогая.

А сегодня она в холодной осенней песне,
В шелесте ржавых листьев, летящих с каштанов,
Мне показалась скелетами из-под всех курганов,
Прахом, который ждёт, что во плоти воскреснет.

О! Разружьте же королевские Лазенки в Варшаве,
Бездушным резцом исцарапанную мраморную фактуру,
Разбейте вдребезги все эти гипсовые фигуры,
Цереру с ее колосьями утопите в канаве.

Видишь колонны на острове, в театре-колодце?
Они навсегда закрыли мне вид на далекий край.
Приказываю тебе! Все эти столбы посшибай —
Бей, покуда не рухнут, пока их след не сотрется.

Если Килинского* встретишь где-нибудь в городе старом
И он на тебя уставит глазищи свои зеленые,
Ты его лучше убей! — А труп оттащи в сторону —
Весть об этом мне будет самым радостным даром.

Не хочу ничего другого — пусть только ветер в обиде
Осенней музыкой плачет в полунагих стебельках,
А летом солнце пускай отражается в мотыльках.
Мне бы весной — весну, а не Польшу увидеть.

Ночью спать не могу, днем кое-как держусь,
И тревожная мысль сердце гложет сомненьем:
Я бы хотел увидеть, когда прошлое станет тенью —
Всё ли в прах сокрушится, или... Польшу я разбужу.

1917

* Ян Килинский — сапожник, предводитель варшавского восстания 1794. Этот фрагмент отсылает к стихотворению Юлиуша Словацкого «Успокоение».

Разговор с ветераном*

С шестидесятих лет седым почтенным ветераном
Люблю потолковать порой перед закатом солнца,
Когда под светом лампы день, мерцая, расплывется
И громче тикают часы в своем ларце стеклянном.

Всё для меня напоено блаженством сладкой лени:
В его каморке на виду подушек белых груди,
Мурлычет тихо серый кот, мне юркнув на колени,
Фарфоровых фигурок строй готов к свершенью чуда.

Мой ветеран мне говорит, что очень ноют раны,
Что в битве был он сбит с коня, исколотый штыками,
И, точно мглой, глаза его заволоклись слезами;
Но знаю: он во время битвы спал в трактире, пьяный.

И радуюсь, что если в нем проснется вдруг сомненье
В тех чудесах, что якобы творю я каждый день,
Он разрешит мне на своем плече излить смятенье,
А завтра мы опять сыграем с ним в больших людей.

И вот мы снова за столом, скатёркою одетым.
Всё так же тикают часы в своем ларце стеклянном.
И чувствуем себя: старик — взаврадашним уланом,
А я, убогий, глупый лжец — доподлинным поэтом.

1920

* Ветеран — участник восстания 1863.

Ноктюрн

Что я? Всего лишь лист, сорванный с дерева ветром.
Что я ни делал — всё было писано на воде.
Лист я, упавший с дерева в далёкой аллее где-то,
Ветер несет меня по саду, луна везде...

Всё, что мне теперь нужно: вас, ветры яростные!
Неси меня, вихрь холодный, не спрашивая, зачем,
Туда, где старые тропки и позабытые заросли,
Которые я узнаю и вспомню в любую темень.

Пусть в последнем запахе лета, в осени дуновенье
Упаду я под ветхое, покосившееся крыльцо —
Лишь бы увидеть, как прежде, сияющее лицо,
А не только задумчивые, склонённые тени.

Угомони, ночь серебряная, певучую землю безмерную!
А я упаду в росистые травы скошенным колосом
Или буду тихо ласкать золотые когда-то волосы,
Цвета которых и мне теперь не узнать, наверно.

1924

Волосы Словацкого*

В резиновых перчатках, как трупья — руками,
Профессор сыпал дробь в пустые глазницы —
Чтоб польза и для школы могла получиться,
Стремясь тебя измерить земными делами.

И вот гребут лопатой в гроб из эбена твой
Земли французской комья — пепел и дым,
Лишь локон над высоким челом костяным —
Всё тот же, что сиял над живой головой.

На этот локон смотрим, стоим молчаливо,
Тебя мы, как при жизни, отогреть не умеем.
Вернулся ты, куда хотел. Берем тебя, бледнея,
И понимаем: смерти нет, а есть справедливость.

И этот гроб в цветах, и это странствие сквозь
Трезвон колоколов, и свет, что храм озарил,
В чахотке угасая, сам ты предвосхитил.
Державы пали в прах, чтобы это сбылось.

1929

* Стихотворение связано с эксгумацией праха Словацкого, на которой присутствовал автор. Затем останки поэта были перевезены в Польшу и погребены на Вавеле.

Театр на Острове*

Если что-то осталось ещё от твоих развалин
В этом городе, снова ставшем сплошной руиной,
Если в суровой и грозной славе ты, хоть печален,
Ноябрьской ночью стоишь на острове неколебимо,
Если древних богов дни эти не испугали,
Если Ники, дрожа, крыльев своих не сложили
И не убоился Арес поднебесных страшилищ,
А Деметра и Кора ниц пред врагом не пали,
Если так, то я знаю, что сейчас у тебя на сцене:
Вижу зарево и воздетых рук миллионы,
Слышу рядом с Афиной мощного хора пеньё:
«Да будут прокляты те, кто Польше не дал обороны!»

1944

Тост

Нет ничего кроме листьев на ветках мёртвых,
Нет ничего кроме вихря, что где-то гудит,
Кроме следов величия, которые уже стёрты.
И ничего не будет. Всё давно позади.

Есть еще только месяц, он тихо стекает
По черному крепу ночи, заливая его серебром,
Как брильянт-балдахин, что покрывает гроб,
В котором земля уснула, навеки умаявшись.

Так поднимем же кубки и выпьем на тризне,
Ибо скорбеть смешно, а жалобой не помочь.
Пусть нас, мертвецки спокойных, поглотит темная ночь,
Пусть на молчащих песок из-под заступа брызнет.

Ах, сколько успокоенья в этих словах: так надо!
Как нам — земли, так и ей, земле, нужны наши кости.
И мы, безумцы, когда-нибудь взойдём прозрений колосьями,
Насущным чёрным хлебом для всех, кому хлеб — награда.

1945

* Стихотворение написано во время Варшавского восстания. Театр на Острове — постройка, возведенная в варшавских Лазенках королем Станиславом Августом. Здесь разыгрывается один из актов драмы Станислава Выспянского «Ноябрьская ночь».

Небо

Мне нынче снилось небо: я сразу его узнал
По запаху клевера и пению жаворонка.
Луг волновался, в траве трещали кузнечики звонко.
Я знаю: там был Господь, хоть я его не видал.

И ангелов я не видел, только над целиной
Аисты с шумом крылья белые подымали,
И колыхались буки и яворы предо мной,
И на ветру они, словно орган, играли.

Потом серебряный месяц, будто светляк гигантский,
Осветил руины Акрополя: в небе парили музы,
А высоко над ними стоял Павел Коханский*
И в божественной тишине играл «Родник Аретузы»**.

1951

* Павел Коханский — выдающийся польский скрипач.

** «Родник [Источник] Аретузы» — сочинение Кароля Шимановского.

Ян Казимир*
Непорочной Деве слава!
Больше я не верю
Ни в гусарские оравы,
Ни в павлиньи перья.

Для меня ничто все латы,
Войско и оружие,
Ленты, жемчуга и золото —
Ничего не нужно.

Пал крестом я, и восплакал,
И отдал корону,
Пояс слугский препоясал
Изнанкой багровой.

1951

* Стихотворение напоминает об отречении от престола короля Яна Казимира (1609-1672), вверившего Польшу покровительству Матери Божией во время польско-шведской войны.

**Нина
Тайлор-Терлецкая**

ДРАМА ЖИЗНИ И ДРАМА СМЕРТИ ЯНА ЛЕХОНЯ

Никого из нас не было при этом сальто-мортале пятьдесят лет назад. Тогда известие о смерти поэта прокатилось страшным эхом по всей польской диаспоре. Намного раньше, еще до обретения Польшей независимости, Антоний Слонимский увековечил знаменитый вечер юных скамандритов в варшавском кафе «Под Пикадором», где собралась вся столичная элита. Дрожащий, бледный, «в поношенном костюмчике с жакетом», семнадцатилетний Лехонь электризовал публику своим первым поэтическим выступлением: «И шумели крылья муз в маленьком кафе, / Когда Лехонь держал стихи в дрожащей руке» (пер. дословный).

После того как Лехонь прочел «Мохнацкого», «разразилась первая в Польше буря аплодисментов в честь поэзии. Люди ощутили, что здесь разбился кувшин с поэзией и из него пойдет „дым по всей литературе“». Таким его запомнил молодой Юлиан Тувим.

После той исторической минуты скамандриты провели вместе десять лет с перерывами на сон, писание стихов и взаимное злоязычие. Лехонь тогда чувствовал, что литературные друзья ему ближе братьев и сестер. Неслучайно писал Чеслав Милош: «Такой плеяды не было вовеки». То были годы шумных эскапад, кабаре, театров, годы их царствования в кофейне «Земанской», обедов в знаменитых ресторациях Симона и Лангнера, блужданий по городу до поздней ночи. Лехонь был любимцем буржуазных и аристократических салонов, он бывал везде. И сам созывал сливки общества и богему на большие приемы в своей скромной квартирке неподалеку от Рыночной площади, где дворник в белых перчатках разносил напитки, а уборной не было, только клозет во дворе.

Однако за этим фасадом крылось отчаяние. Лехонь сам признался, что писал тогда в отчаянии, «дописался до безнадежной печали, меня тогда не было — был только дрожащий медиум, писавший под диктовку таинственных, гнетущих его сил» («Дневник», 8.VIII.1951). «И как раз тогда, без видимой причины», сообщает Слонимский, Лехонь попытался покончить с собой. Слонимский был рядом, когда Лехонь, спасенный после огромной дозы веронала, очнулся на больничной койке.

Направленный на дипломатический пост в Париж, он прижился в этих светских и литературных джунглях. А поскольку у него был блестящий дар красноречия, он сумел заинтересовать собой и расположить к себе всех, кого хотел расположить. Снискал симпатии архинтеллектуала Поля Валери и архикатолика Поля Клоделя. «В Лешке несомненно есть что-то гениальное, — утверждала впоследствии Алиция де Барча, с юности дружившая со всеми скамандритами, — но ему следовало родиться на шестьдесят лет раньше французом».

И неважно, был ли он в покривившихся очках и студенческой фуражке, в потрепанном пальтишке или мешковатых брюках, — первая встреча с ним запоминалась навсегда. Когда Тимон Терлецкий познакомился с ним на авеню де Токио, Лехонь «размахивал длиннющими, паучьи тонкими конечностями и, похожий на куклу Панча, пел высоким фальцетом, сквозь который то и дело прорывался сатанинский хохот, свою коронную, ошеломляющую арию». Во время этой встречи скульптор Франсуа Блэк заметил, что у Лехоня два совершенно разных профиля, два силуэта, которые могли бы принадлежать двум разным людям.

После сентября 1939-го Лехонь принимал на берегах Сены своих друзей-беженцев: Казимежа Вежинского, Туви-ма, Слонимского, Юзефа Виттлина, Зигмунта Новаковского, Станислава Балинского, Марию Кунцевич, Стефанию Загорскую. Он собрал их в рождественский сочельник. Кунцевич писала потом, как Лехонь «ни единым жестом, ни словом, ни выражением лица не показал, что принимает нас на тризне, прощаясь с уходящим миром». Больше эти люди уже никогда не встречались все вместе. Слишком многое их потом разделило.

Еще в военном Париже Лехонь участвовал в организации Польского университета в изгнании. Терлецкий напоминает, что он «сразу впрягся в работу — срочную и рассчитанную на далекую перспективу, более далекую, чем в тот момент можно было предполагать». В своей первой лекции поэт-преподаватель «матовым, тусклым, словно задыхающимся голосом, в долгих риторических периодах свидетельствовал, что дух польской литературы всегда, в самые тяжелые времена, неколебимо стоял на страже, пылал живым огнем и светил путеводным светом».

Определения характера Яна Лехоня похожи на судебные приговоры. Он был невозможен, невыносим. Эгоцентричен, адски завистлив, себялюбив. Язвительный, колкий, остроумный «на самый желчный манер, он никому не спускал, смешивал с грязью всех, яд так и лился из него». «Он был дьявольски капризен, в нем не было ничего непосредственного, ангельского, простого». К тому же еще привередливый и неблагодарный любитель пожить за чужой счет. Но до чего обаятельный. Память у него была невероятная, буквально бездонная. И этой памятью он умел оживить целые миры, ныне пропавшие без следа.

* Цитата из «Свадьбы» Станислава Выспянского.

Больной, без гроша в кармане, измученный невзгодами, Лехонь годами жил на грани голода, холода, нищеты. И мыкая горе — тяжело работал. По его инициативе в Нью-Йорке возникла новая газета — «Тыгодник польский», к сотрудничеству он привлек лучшие имена. Каждую неделю, с трудом преодолевая себя, он писал передовицу.

Лехонь — по мнению Терлецкого, эмигрант «по литературному вдохновению, по лирическому рефлексу, лирическому порыву» — был еще и страстным, ангажированным публицистом, издавал еженедельник насквозь политический, сравнимый с «Польским пилигримом», журналом, который в первые годы изгнания выпускал в Париже Мицкевич. Эмигрантские заслуги Лехоня неоспоримы.

Непримиримый антикоммунист, он не мог простить Милошу, что тот делал карьеру в годы, когда в Польше непокорных истязали. Но во время записи в Нью-Йорке передачи по случаю безвременной кончины Юлиана Тувима Лехонь, как записал Виттлин, «умевший быть порой таким невыносимым, несправедливым и мелочным, на сей раз был мягок, полон христианской потребности прощать — и глубокого преклонения перед всем, что в Тувиме величественно, прекрасно и неповторимо».

Не только у Тувима дружба с Лехонем складывалась трудно. Испытанный и преданный, политически более близкий ему Казимеж Вежинский жаловался: «Мой друг — очень, очень больной человек, я сам время от времени проваливаюсь в его темноту и теряюсь в ней». И далее: «Хотя он часто отвратителен мне как человек, он здесь единственный поляк, с которым можно поговорить». «Кто у нас в эмиграции мыслит? — спрашивал Вежинский. — (...) Еще Лехонь, страшный консерватор, — а кто еще? Может, я забыл».

По мнению Вежинского, в его друге бушевала подсознательная злость подстать героям Достоевского. В «Дневнике» Лехонь писал, что он одержим темными силами: «...разные демоны воют во мне в надежде разгуляться». Временами на него «нападало чернейшее отчаяние и усталость, рождавшие черную скуку», он то и дело переживал то «ужасный день», то «безнадежную ночь». И будто бы часто говорил о самоубийстве. Наконец, впервые за долгие годы, он пошел к исповеди. И, видимо, в тот же самый день, 29 мая 1956 г., позвонил Виттлинам «в необычный для него час». А десять дней спустя выбросился из окна.

После его смерти Витольд Гомбрович, который годами вызывал поэтов на не слишком поэтические поединки, дотошно расспрашивал Виттлина о причинах самоубийства — не на почве ли гомосексуализма? К роковому прыжку привело много причин, их уже никто никогда не выяснит до конца. Установлено, что в день смерти на банковском счету Лехоня был всего один доллар. Но его всегда угнетали демоны истерической депрессии, опухоль самоубийства разрасталась на податливом грунте давних психических осложнений. Его кошмары и отчаяние словно свидетельствуют, что он ненавидел самого себя, не мог принять себя таким, каким был. То, что называли его «комплексом неполноценности перед Мицкевичем», связано с комплексом импотенции — бесплодности — творческого истощения.

Алиция де Барча комментировала самоубийство Лехоня так: «Кроме всего прочего, его затравили. Его преследовали как педика, ибо здесь, в Америке, быть педрилой или коммунистом — одно и то же». В годы маккартизма инаковость считалась преступлением и подгонялась под статью уголовного кодекса. Драма смерти Яна Лехоня была предопределена драмой его жизни, настолько запутанной, что распутаться она могла только в смерти. За свою инаковость он заплатил высочайшую цену, притом двойную — и жизнью, и самым тяжким грехом.

После смерти поэта посыпались воспоминания друзей. У Юзефа Виттлина был рефлекс — звонить Лехоню. В прекрасном эссе-воспоминании он призывал с того света взрывы его смеха, который «наполнял салоны посольств, кабинеты министров, гудел в ресторанах, кафе, в ложах и за кулисами театров и театриков, раздавался в лекционных залах, на вернисажах, среди друзей и врагов. Он звучал на всех печальных и не совсем печальных станциях нашего изгнания и не однажды нам это изгнание скрашивал». Вежинский жаловался в письмах: «Тут страшная пустота. После смерти Лешека трудно выдержать»; «После ухода Лешека не с кем поговорить. Полное отчаяние»; «Я тут буквально подыхаю без людей. После смерти Лешека не с кем словом перемолвиться».

На похоронах, во время службы в костеле, погребальную проповедь произнес ксендз-полковник Тычковский. На кладбище речи посла Цехановского, конгрессмена Махровича и Вежинского были записаны «Свободной Европой» и через несколько дней переданы в эфир. Вежинский — выступая над могилой, до того как опустили и засыпали гроб, — временами от волнения не мог говорить, голос у него постоянно пресекался, а в какой-то момент рыдания просто прервали его речь.

Когда Алиция де Барча утратила свою переписку со скамандритами, ей больше всего было жаль писем Лехоня, «потому что он никогда мне не писал по делу, а был язвителен, остроумен и печален». И: «Человек был фантастический».

Добавлю к этому только, от имени Эльжбеты Виттлин, что дети его обожали, прямо-таки души в нем не чаяли. А дети свое дело знают.

Здислав Черманский

О ЛЕШЕКЕ

Ян Лехонь у рояля
рис. З.Черманский

Без преувеличения скажу, что в любое время дня и ночи, даже проведя несколько дней в дороге, он готов был куда-то бежать, смотреть, слушать. Влетал ко мне в комнату и звал куда-то или кричал по телефону: «Ну, скорей!» — и это означало, что я сию же минуту должен быть на улице. Бросившись с места в карьер, он бежал на три шага впереди. По дороге, шуря глаза, сквозь очки живо ко всему приглядывался. При этом морщил брови и наклонял голову то вправо, то влево, словно плохо видел и напугал зрение, — но отлично видел всё.

(Смею утверждать, что Лешек был в прямом смысле слова великим наблюдателем. Он проявлял эту способность не только в тех случаях, когда выражал свое мнение о людях или взгляды на жизнь и мир, но и в мелком порой замечании, в зримом образе и комментарии к нему, часто поразительном.)

Останавливался он на улице редко, только для того, чтобы показать что-нибудь необычное. Я смотрел и удивлялся. Как он это заметил! В витрине книжного магазина, за много шагов до нее, — маленькую пожелтевшую фотографию, или на боковой стенке киоска, среди десятков иллюстрированных журналов, — картинку: женщина в купальном костюме входит в море, а внизу надпись по-румынски — это был румынский журнал: «Дура masa», то есть «После обеда».

Обежав музеи, памятники и церкви, он вбегал на террасу кафе. Не первого попавшегося, потому что он не ходил куда попало. Передыхек ему не требовалось, а окраин он не любил. Любил центр и прежде всего те кафе, где собиралась элита, хоть какая-нибудь элита: города, городка, района или определенной профессии. Едва мы садились, как Лешек уже знал, какими тузами мы окружены. И сообщал мне, что, к примеру, вон тот рыжий в углу трижды пытался перелететь через Атлантику, но долетал только до Азорских островов, а тот с повязкой на глазу дважды был в кругосветном путешествии, но отклонился от трассы и в Тегеране ему дважды подбил глаз один и тот же извозчик. И что зовут его не Альберт, а Ален.

*

Будучи мальчишкой неполных двадцати лет, он попробовал свое перо как театральный рецензент варшавского сатирического журнала «Совизджал» [«Уленшпигель»]. В этом качестве он отправился на премьеру пьесы, о которой шутник-редактор поручил написать рецензию еще одному молодому человеку, о чем Лешек не знал. Втиснувшись боком на стул, уже занятый неизвестным ему типом, он познакомился со Слонимским.

— Я Пророк, — сказал Слонимский.

— Павлинье Перо, — представился Лехонь.

С того вечера они были неразлучной парой до того самого дня, когда Лешек, поссорившись со Слонимским, перестал ходить с ним и сидеть вместе с ним за столиком в «Земянской». Но в то же время, не в силах отказать себе в расходах, счета за которые обычно оплачивал из своего кармана Слонимский, Лехонь писал на бумажной салфетке: ««Варшавский курьер», «Свят», «Тыгодник иллюстрированный», три пирожных, два раза пол-черного кофе». Список вручал Слонимскому инвалид войны, продававший в «Земянской» сигареты. Слонимский, взглянув на список, вручал инвалиду требуемую сумму. Лешек подтверждал ее получение, приподняв шляпу, Слонимский отвечал поклоном.

Из книги «Воспоминания о Яне Лехоне», сост. Павел Кондзеля, Варшава 2006, Библиотека журнала «Вензь».

Здислав Черманский (1901-1970) — рисовальщик, карикатурист, ученик Фернана Леже. Сотрудник «Вядомостей литературных» и «Цирулика варшавского». С 1939 в эмиграции.

Фердинанд Гётель

ЛЕХОНЬ

Написать воспоминания о Лехоне... В первый момент мне казалось, что я легко с этим справлюсь. Ведь меня связывало с ним несколько лет близких дружеских отношений. Бывало, мы виделись ежедневно.

Выглядел он необычно, впечатляюще, повадки у него были своеобразные. Он был ни на кого не похож, ни с кем не сравним, он был типом в своем роде. Когда Роман Крамштык написал в давние годы портрет Лехоня, он назвал его анонимно — «Портрет поэта». Думаю, каждый, кто хоть раз видел эту картину, никогда ее не забудет. Не потому что это шедевр, но из-за того, что изображен человек особенный.

Но одно дело — описать вид необычного человека, а другое — показать его связи с окружающей средой.

Вот тут-то и начинаются трудности. Что существенно могу я сказать об этом Лехоне, с которым проболтал долгие часы, шатался по варшавским мостовым, просиживал в кофейнях, «представлял» литературу на раутах и банкетах, издеваясь вместе с ним над протоколом?

Его звали Лешек Серафинович. Фамилия, казалось бы, указывает на то, что родом он из армян. Однако брат Лешек уверял, что Серафиновичи — старинная польская шляхта с восточных окраин. Сам Лехонь в какой-то период жизни возводил свой род к древней еврейской аристократии.

О родителях Лехоня я знаю очень мало. В мое время его отец управлял домом престарелых в той части Старого города, которая, странным для нашего уха образом, называлась Новым городом. Постройки богадельни когда-то, при великом князе Константине, были казармами кавалерийского полка. Не помню точного текста мемориальной доски, вмурованной в крыло здания и возвещавшей, что именно отсюда в 1830 году кавалерия выступила на город, охваченный восстанием. Когда я увидел доску впервые, то понял, что в богадельне, кроме стариков, пребывают и духи борцов за свободу Польши. А духи эти играли большую роль в жизни Лехоня.

Лехонь занимал небольшую комнату во флигеле. Я был там несколько раз и никогда не видел ни его братьев, ни родителей. Сегодня мне трудно это понять, ведь я люблю знакомиться с окружением близких мне людей. Однако так случилось, что Лехонь ускользнул от моей любознательности. Чем дольше я об этом думаю, тем яснее вырисовывается у меня образ Лехоня, чья жизнь была неустанной попыткой ускользнуть, сбежать от действительности, замести собственные следы. Никто из известных мне людей не жил столь исключительно в мире фантазии, как он. Его личность всегда окружала аура таинственности. Даже его литературный псевдоним — Ян Лехонь, — псевдоним, можно сказать, сказочный, сросся с ним так сильно, что, быть может, многие горячие поклонники только после его смерти узнали его настоящую фамилию.

Я оборачиваюсь назад... Владислав Сырокомля, Болеслав Прус, Анджей Струг — тоже псевдонимы, которые затмили подлинные фамилии. Затмили, но не стерли.

Жил он, как я уже сказал, в Старом городе, точнее — на его окраине, ближе к Цитадели. По дороге в город он ежедневно, а то и несколько раз в день должен был пройти много переулков и лесенок. Жители Старого города составляли сплоченную, замкнутую общину, и в этом смысле с ними мог сравниться только Маримонт, который был гораздо меньше. Однако я несколько раз шел вместе с Лехонем по его ежедневному пути и ни разу не заметил, чтобы он с кем-то заговорил или поздоровался.

А ведь когда-то я ходил по Старому городу с другим поэтом, с которым тоже общались духи, обитавшие в его древних стенах. Я имею в виду Артура Опмана (Ор-Ога). У него, казалось, здесь столько же друзей, сколько людей населяло Старый город. Он заглядывал в каждую лавчонку и шинок, у торговков на лотках ворошил капусту, детишкам раздавал леденцы.

Ян Лехонь в кафе
рис. З. Черманский

А Лехонь двигался по Старому городу, как возвышенный дух. Думаю, его ужасала нищета и заурядность, пускай и честная. Должно быть, он и сам был своего рода страшилищем для местного народца. Однажды вечером он шел через Старый город на прием в Замок в черном пальто и в цилиндре.

— Иисусе Назаретский! — крикнула какая-то бабка, завидев необычного чудака, — каких только нет людей на этом свете!

Был период, когда нас с Лехонем объединяли конкретные дела. Я имею в виду ПЕН-клуб, или Польский литературный клуб, поскольку именно такое название установил для отечественного ПЕН-клуба Стефан Жеромский, который покровительствовал учреждению этой организации, а потом от нее отстранился. В этом-то ПЕН-клубе я и занял после Яна Лорентовича место председателя. Лехонь, как большинство писателей в Польше в то время, возлагал на ПЕН-клуб большие, как оказалось, чрезмерные надежды, но не торопился работать в правлении. Его склонил к этому лишь поступок секретаря клуба Януша Хорайна, который, по мнению Лехоня, совершил вещь непростительную: написал статью, в которой отрицал, что Жеромский обладает качествами писателя мировой величины. Когда Хорайн под натиском правления оставил свой пост, Лехонь почувствовал, что секретариат обязан возглавить он. Не думаю, что он пожалел об этом решении, потому что Варшава тогда то и дело благодаря ПЕН-клубу принимала выдающихся гостей с Запада.

Первым мы увидели Томаса Манна, изысканного немца с почтенного ганзейского побережья, потом Г.К. Чертертона, которого приветствовали поэты и кавалеристы, позднее нас поразил не только своей диковинной фигурой, но и экзотикой писателя *in exile* Константин Бальмонт.

В 1932 году в Варшаве должен был состояться международный конгресс ПЕН-клубов. Не стану описывать это событие, скажу лишь вкратце, что тогдашний ПЕН-клуб, разумно руководимый Джоном Голсуорси, имел в мире гораздо более прочные позиции, нежели нынешний. Программа конгресса, как каждая программа этого рода, предусматривала банкеты, визиты, экскурсии. Самым рискованным замыслом было балетное представление на открытой сцене театра в Лазенках. Лехонь настаивал на зрелище в Лазенках больше всех.

— Я тебя понимаю, — возражал Юлиуш Каден-Бандровский, — дело в Лазенковском дворце, богинях, нимфах, жасмине, колоннах, бельведерском очаровании, но помни: на дворе июнь — что будет, если на наших прифранченных гостей и декольтированных дам обрушится ливень?

— Убегут во дворец, — смеялся Лехонь.

— А ты посчитал, сколько людей может там поместиться? Это же беседка, дорогой мой, а не дворец.

Однако решили, что представление состоится. День выдался прекрасный, даже какой-то подозрительно прекрасный для польского июня. Вечер застыл в безветренной духоте, гроза, казалось, висит в воздухе, и Лехонь то и дело посматривал наверх, в мутное, мгlistое небо. Ближе к ночи дворец засверкал огнями. Софиты, с трудом установленные на верхних ступенях амфитеатра, бросали снопы белого света на эстраду. Однако в углублении у подножья сцены было темно, так что оркестру, доставленному из Большого театра, пришлось довольствоваться свечами. Под свечкой стоял и дирижер Мариан Рудницкий. Всё вместе, казалось, предвещает наскоро сработанное провинциальное зрелище.

Гвоздем балетной программы должна была стать «Шопениана», танцевальная импровизация по мотивам сочинений Шопена. Сражавшийся с темнотой оркестр играл не Бог весть как. Однако кроме него играла и июньская ночь, и свет, отражавшийся в неподвижном пруду, играли, наконец, и лазенковские птицы, разбуженные светом и музыкой, — они наивно вторили звукам. В момент, когда по сцене под вальс засеменила первая балерина, сидевший рядом Лехонь крепко сжал мне плечо.

— Великолепно, — шепнул он.

Я не ответил, потому что с другой стороны до меня донеслось чье-то сдавленное всхлипывание. Это госпожа Голсуорси прикрыла глаза платочком.

— Они поняли? Как ты думаешь? — спросил меня Лехонь, когда после окончания спектакля мы перешли во дворец.

Да!.. Это была счастливая идея — представление в Лазенках! Не всё в Польше разрушают бури.

Памятную ночь завершил скромный, но изысканный прием в лазенковском дворце. Кто видел этот маленький дворец, тот знает, что фасад не предвещает ослепительной роскоши интерьера. Я хорошо помню, как поражен был Голсуорси, когда переступил порог.

— Unbelievable! — сказал он мне. — Everything I have seen to-night is unbelievable.

Хозяином приема в Лазенках был тогдашний председатель совета министров Валерий Славек. Поэтому Голсуорси уже не удивился, когда узнал, что этот польский премьер с рукой, изуродованной взрывом бомбы, был когда-то революционером, сражавшимся за наше право на независимость.

Бывают минуты, когда на высшем уровне заново ассоциируются понятия, установленные обыденным ходом жизни, казалось бы, раз и навсегда. Такой минутой для меня, наверняка и для Лехоня тоже, был тот вечер в

Лазенках, когда, как утверждал Лехонь, нам открылась Польша. Не знаю, сколько подобных откровений он пережил, когда писал стихи или размышлял над ними.

Однако переживанием, заметным и для других, а для него несомненно великим и потрясающим, был перенос праха Словацкого в Польшу. Лехонь сопровождал великие останки от парижского кладбища Пер-Лашез до самой вавельской крипты. Занятость не позволила мне выехать в Гдыню, где прах поэта был передан для погребения в польской земле. В погребальном обряде я принял участие лишь в Варшаве.

Я стоял на пристани вместе с делегацией писателей, ожидая, когда медленно движущийся траурный корабль причалит к берегу. Но ни вид корабля, ни безмолвная толпа на берегу не тронули меня так сильно, как фигура Лехоня, который стоял у гроба в почетном карауле. Должно быть, он уже долго стоял на своем посту, лицо его было закопчено дымом от горевших на борту факелов. День был холодный. Лехонь, одетый только во фрак, стоял, обнажив голову. Он поразил нас. Одетые в пальто, готовые ненадолго снять шляпы, мы видели в его облике патетический жест, который одних трогал, других сердил, а глупцов смешил.

Когда стало известно, что Лехонь, этот первый боец «Пикадора», этот очаровательный романтический мечтатель со Старушки, оживлявший блестящим остроумием варшавские салоны и кофейни, этот приятель Венявы, этот язвительный редактор «Варшавского цирюльника», меняет свое положение одного из самых популярных людей в Варшаве на пост советника польского посольства в Париже, мы заключили, что, верно, приходит конец «кармазинной поэмы», начатой поэтом в бурные годы нашей борьбы за независимость.

Вести, которые доходили до нас из Парижа, где он занимал должность советника по культуре, казалось, подтверждают наши предположения. Кроме того те, кто знал Лехоня ближе, знали и то, что его томления были не всегда и не только «кармазинными». Часто его упрекали в снобизме. Однако снобизмом до конца не объяснить его переезд в Париж. Его профранцузские наклонности были глубже. Внутренне раздвоенный, он, наравне с сарматской импульсивностью, польской нежностью, верой в интуицию и склонностью к меланхолии, любил и беззаботное обаяние французов, их трезвую рассудочность и утомленную пресыщенность.

Быть может, эта искренняя влюбленность во Францию была главной причиной того, что он променял копье варшавского пикадора на портфель дипломата. Так или иначе, он расстался со своей страной задолго до того, как военная гроза принудила к эмиграции его ближайших друзей-скамандритов. Он избавил себя от тех полных тревоги предвоенных лет в Польше, когда предчувствие грядущего катаклизма затрудняло спокойное существование и заставляло то и дело занимать решительную позицию по отношению к бурным событиям внутренней жизни.

Война перенесла его за океан. В Америке он оставался долгие годы. Никто из нас, из тех, кто знал его в Варшаве, не мог себе представить, что делает Лехонь на Пятой авеню, в Бруклине или Гарлеме. Освоился ли он в Нью-Йорке? Выехав из Франции банкротом, возродился ли он в стихийном и таком трудном для понимания европейцев центре Нового Света?

Опубликованные в [лондонских] «Вядомостях» размышления Лехоня на американские темы, казалось бы, свидетельствовали, что именно в Америке произошло то чудо, которого он напрасно ждал в Варшаве и в Париже: Лехонь примирился с действительностью. Случилось иначе. Вскоре после того, как Лехонь провозгласил свой удивительный символ веры в новую американскую цивилизацию, он совершил самоубийство. Действительность Нового Континента оказалась более суровой и требовательной, чем всякая другая.

Лехонь, хотя и поддался ей с виду, ускользнуть от нее уже не сумел.

1957

Из книги «Воспоминания о Яне Лехоне», сост. Павел Кондзеля, Варшава 2006, Библиотека журнала «Вензь».

Фердинанд Гётель (1860-1960) — драматург, публицист. В тридцатые годы председатель польского ПЕН-клуба. Во время войны редактор подпольного журнала «Нурт» («Течение»). С 1945 в эмиграции.

Мацей Малицкий

Перевод
Марины Курганской

НАРОДНАЯ САГА (отрывки)

- Добрый день, — поздоровался Матура. — Сгребашь?
— Да. Добрый день. Кстати, не сможешь? Мне надо заменить кусок сетки. Вот этот.
— Купи погонный метр оцинкованной, диаметр полтора, высота метр пятьдесят, я принесу кильфор¹, соединим, натянем и готово. Делов на пять минут.
— Хорошо. Спасибо.
— Пойду и я сгребать. Бывай. Скажешь тогда.
— Бывай. Скажу.

Я работал граблями на улице Совинского — на участке вдоль забора, отделявшего наш сад от улицы. Собранный сор я ссыпал в тачку и через калитку отвозил к бывшей выгребной яме, где сбрасывал содержимое в зияющую в земле дыру. Выгребная яма несколько лет назад превратилась в бесценное место, куда можно было все это добро сваливать. С тех пор, как нас подключили к городской канализации. Листья, колючки, ветки, пепел от костров. Эффективное решение проблемы вывоза мусора. В сетке на высоте люка выгребной ямы находилось специальное отверстие для трубы. Поэтому я хотел заменить там кусок сетки. Никто уже не пользовался услугами золотарей. Или «золотой роты», как их еще называли.

- Пап, тебя к телефону, мама, — крикнула с террасы Зося.
Иду.
— Слушаю. (...) Да. (...) Часок, а потом буду подстригать деревья. (...) Хорошо, куплю. (...) Да что ты говоришь? (...) Во сколько ты вернешься? (...) От П. ничего не слышно? (...) Ждем. (...) Пока.

В саду было довольно много деревьев: шелковица, лесной орех, рябина, береза, лиственница, ель, сосенка, каштан, грецкий орех, — и фруктовые: две вишни, пять яблонь и слива. Их-то я и подстригал. Погодите-ка. Я подстригал и рябину, хотел, чтоб стала как шарик. Недавно здесь росли и две великолепные пинии. Их повалило ураганом. Упавшие деревья я подарил соседу. На дрова. А себе оставил три бревна длиной несколько метров. Лежат у стены дома. Они служат нам завалинкой, здесь хорошо выкурить сигарету в перерывах между земляными работами. Или даже выпить кофе. Сигарету и кофе.

- Зося, свари кофе.
— Ой, папа, я убегаю в школу. Попроси Марысю.
— Хорошо. Марыся!
— Да? — отозвалась Марыся сверху.
— Спустись на минутку.
— Сейчас.
— Что это?
— «The best of Jefferson»². Кароль дал. Ты что хотел?

¹ Кильфор (проф.) — механизм для натяжения и опускания несущего каната, производится во Франции под торговой маркой «Тирфор». В разговорном языке название обыгрывается во множестве вариантов.

² «Jefferson Airplane» — музыкальная группа из Сан-Франциско, популярная в конце 1960-х гг.

- Приготовь мне кофе.
- Большую чашку? Забавная пластинка. Мне нравится.
- Да. Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. Примерно. Маленькую. Спасибо. Ты садишься за компьютер?
- Через час. У меня еще по болгарскому чтению не сделано. Где будешь пить?
- На бревнах.

Важнейшей частью сада был газон. Пуп сада. Стрижка, очистка, полив. От улицы его отделяла сетка и живая изгородь из спиреи. Мама больше десяти лет назад воткнула прутьи в землю, утоптала, полила и сказала: «Будет живая изгородь». И не ошиблась. Другого пупа — водоема — не было. И не будет. На террасе, со стороны улицы, над гаражом красовалась вечерница. Обвила всю загородку. Мой коллега, живущий сейчас в Канаде, каждый раз, навещая родные края, берет с собой за океан веточку этого кустарника. «Не могу забыть его дурманящий запах», — говорит. В саду было еще два куста — черной смородины и крыжовника. По боковой стене дома, по металлической лесенке, ведущей на крышу, вился дикий виноград.

- Папа, кофе.
- Иду. Как твоя работа? — спросил я Марысю, когда мы уселись на бревна.
- Вхожу во вкус. А ты вообще-то что заканчивал?
- Ничего. Я семь лет не мог получить аттестат зрелости, потом не попал в Академию художеств — не хватило, как говорится, нескольких баллов, — меня взяли на библиотечный, но я так обиделся на академию, что на четыре месяца уехал в Кузницу³ на полуостров Хель и учиться дальше не пошел, затем армия, после армии (не сразу, несколько лет я отдыхал) сдал экзамены и поступил на отделение польского языка в Люблинский католический университет, но больше трех семестров не выдержал и бросил.

- Почему?
- Не знаю. Скучно. А кстати. Должен тебе рассказать. Во время экзаменов в ЛКУ, которые продолжались три дня, я жил в гостинице, а есть отправлялся в бар неподалеку. Не помню, как назывались гостиница и бар. Наверное, «ЛЮБЛИН» и «БАР». Дешево и вкусно. Там на стене под окном была надпись — УГОЛЬ ЖИВИТ И БОДРИТ⁴. Я сразу понял, что ходят туда в основном угольщики. Они придерживались оригинальной диеты. Все как один заказывали тарелку бульона и «сто грамм». Потом выливали водку в суп и медленно, с блаженным выражением лица хлебали горячительную микстуру. И я попробовал. Сильная вещь. Действует.

- Надо нам попробовать во время лодочного похода. Я скажу ребятам.
- Не советую. Почему ты спросила про учебу?
- Не знаю. Думаю о своей. Тянуть ли дальше на обоих факультетах.
- Не волнуйся. Сделаешь, как сочтешь нужным. Первый ты почти закончила, а второй? Осмотришься. Попытка не пытка.
- Да. Я знаю. Попробую. Почему ты сдавал на аттестат семь лет?
- По разным причинам. Меня несло, и я не мог остановиться. В десятом классе, в самом начале, встал вопрос о моем исключении из школы. Я так разозлился, что уехал на полуостров Хель, затем в горы и в школу не вернулся. Следующие три года пытался закончить среднее образование в Кракове, в Варшаве, в других местах. Говорю же, меня несло, и я ничего не мог поделать. В итоге я возвратился в Отвоцк и там сдал на аттестат зрелости в вечерней школе. Параллельно отучился, сам не пойму, как это

³ Кузница — курортный город на побережье Балтийского моря.

⁴ Одна из многочисленных народных модификаций популярной рекламы «Сахар живет и бодрит», придуманной в 1931 г. Мельхиором Ваньковичем (1892-1974) — известным польским публицистом и писателем.

вышло, на двухлетних курсах черчения. У меня есть диплом. Ни разу в жизни он не пригодился. Возьми чашки. Пойду подстригать рябину и яблоньку.

— Все хочешь добиться формы шара? Одну яблоньку?

— Шар обязательно получится. Сегодня наверняка. Отличный кофе.

С улицы я развязался. Надвинул чугунную крышку на люк бывшей выгребной ямы. Убрал тачки в гараж. Пошел за стремянкой, пилой и секатором. Спустя несколько часов, после душа, я уже сидел в кресле у стеллажа, который смастерил сам из досок от старого пола. Стеллаж занимал всю стену в так называемой большой комнате. Несколько тысяч книг. Среди них музыкальный центр, колонки и пластинки. В подвале, в спальне, в комнатах девочек, в холле на втором этаже, у мамы, — лежало еще несколько тысяч книг. Я поставил «Filles de Kilimanjaro»⁵.

Из кабинета крикнула Марыся.

— Пап, сделай тише.

— Сейчас.

— Чью фотографию ты повесил на пробковую доску?

— Мирона Бялошевского⁶.

— Ясно. Я так и подумала. Можешь прибавить громкость.

Мацей Малицкий — автор рассказов, которые можно назвать отчасти прозой, отчасти поэзией. По стилю они близки к дневниковым записям. По словам критиков, язык, которым они написаны, полон загадок. В них много языковых игр и того, что Мирон Бялошевский называл «доносами действительности». Малицкий дебютировал в 2002 г. (в возрасте 57 лет) сборником «Кусочек воды». Опубликовал также книги «Народная сага» и «Всё есть». В этом году вышел в свет томик его стихов и детективный роман „Кого я не знаю». Многие годы работал в редакции журнала «Литература на свете».

⁵ «Filles de Kilimanjaro» («Дочери Килиманджаро») — музыкальный альбом, записанный в 1968 г. квинтетом Майлса Дэвиса (1926-1991), американского музыканта, трубача и композитора, одного из создателей направления джаз-рок (фьюжн).

⁶ Мирон Бялошевский (1922—1983) — польский поэт, прозаик, драматург, автор «Дневника Варшавского восстания», выдающийся представитель польского авангарда XX века.

БЕЗ ФАНФАР, ЗАТО ЭФФЕКТИВНО

Беседа с Адамом Зауэром, координатором проектов фонда

«Польско-американско-украинская инициатива сотрудничества» (PAUCI)

— Наш фонд уже восемь лет поддерживает польско-украинское сотрудничество. Все наши проекты, которые мы осуществляем совместно с западными партнерами, особенно с США, Германией и Великобританией, касаются Украины и польско-украинского сотрудничества. Фонд возник в 1998 г. при поддержке правительств Польши, США и Украины.

— *А по чьей инициативе возникла эта организация?*

— Инициатива была смешанная, она стала ответом на поступающие снизу предложения и заявки неправительственных организаций.

— *Польских?*

— Польских и украинских. Кроме того, на Украине упрочилось мнение об удачной хозяйственной и политической трансформации Польши. В итоге правительства США, Польши и Украины подписали соглашение о создании нашей инициативы, которая может институциональным образом и к тому же вполне профессионально поддерживать польско-украинское сотрудничество, поскольку до этого времени такое сотрудничество носило разовый, эпизодический и внепрограммный характер. В начале нашей деятельности как польское, так и украинское общество очень медленно открывалось к совместным действиям. Мы адресовали наши проекты, главным образом, локальным элитам, и спуститься на уровень контактов местных сообществ оказалось очень трудно. В первый год нашего существования поступило всего лишь около тридцати заявок на дополнительное финансирование польско-украинских проектов. Причины были различными — наверняка тут было неведение о самом существовании инициативы, но имелось и другое: в обеих странах существовало тогда совсем немного организаций, которые до этого вступали между собой в какие-либо контакты.

— *Каким был язык контактов?*

— На протяжении восьми лет в Польшу приехало несколько тысяч человек. Большинство из них пользовалось, разумеется, помощью переводчиков, но ведь помимо официальных мероприятий, то есть разного рода совещаний, конференций или семинаров, есть еще и такие встречи, которые по самой своей сути и радиусу действия недоступны переводу. Точно также несколько тысяч поляков побывали на Украине. Мы были заинтересованы в том, чтобы поляки преодолевали имевшиеся у них предубеждения, всяческие стереотипы. Оказавшись по другую сторону границы, наши люди были просто вынуждены общаться с украинцами, в том числе и без переводчиков, и думаю, что как раз в этом и состоит наше большое достижение. Сейчас уже нет опасений, что мы не сумеем договориться с украинцами. Разумеется, всегда существуют какие-то дополнительные способы, какой-нибудь третий язык, и большую роль играет здесь русский язык, хотя мы всегда делали ставку на то, чтобы в наших контактах ведущую роль играл украинский.

— *Когда мы говорили о первых шагах PAUCI, вы сказали, что возникновение этой организации было инициативой неправительственных организаций обеих стран. Носила ли эта инициатива относительно единообразный характер как в Польше, так и на Украине или же какая-то из сторон проявляла большую заинтересованность?*

— Неправительственные организации, действовавшие в 90-е годы, все чаще проявляли интерес к контактам с нашими восточными соседями. Эти новаторские, первопроходческие проекты показывали, что по обе стороны границы есть партнеры, готовые к сотрудничеству. Помимо этого, 90-е годы — это лишь начало зарождения на Украине гражданского общества и его институционализации. В те времена украинских организаций было очень немного. Первые проекты доходили до нас из Варшавы, Львова, Киева, и если говорить о количестве заявок, то перечисленные города долго доминировали, что было связано с институциональной слабостью, особенно с украинской стороны, а

также с большей легкостью установления контактов в больших городах. Чтобы иметь возможность действительно расширить масштабы и диапазон польско-украинских контактов, нам приходилось педантично и скрупулезно проводить и в Польше, и на Украине политику поддержки местных организаций. В данный момент я могу сказать, что среди украинских областей нет ни одной, где не были бы налажены контакты и не осуществлялись совместные с Польшей проекты. Весьма схоже выглядит положение и в польских воеводствах.

— *Юрий Андрухович, один из лучших современных украинских писателей и наверняка самый популярный, в целом ряде своих эссе подчеркивает, что поляки зачастую гораздо более конструктивно и живо интересуются общественно-политическими переменами на Украине, чем сами украинцы, и даже напрямую пишет, что замечает в поляках «врожденное чувство ответственности» за демократические перемены в постсоветских странах. Отсюда и мой вопрос: откуда на самом деле берется в поляках столько активности и столько веры, что конкретное общество уже созрело для общественно-политических перемен, для демократизации, для серьезного международного сотрудничества?*

— Этот подход наверняка культурно обусловлен. Если речь идет об Украине, то здесь, несомненно, большую роль играет положительное место Украины в культуре Польши. Украина представляет собой место польского романтизма, а романтизм — со всеми недостатками и достоинствами этого понятия — сидит в поляках довольно глубоко. Я несколько не преувеличу, утверждая, что при слове «Украина» сердце поляка бьется сильнее. Украина и другие славянские страны — это страны близкие, в которых пускает ростки — мне бы не хотелось, чтобы это прозвучало слишком высокопарно, — наша единая душа. В межчеловеческих контактах между поляками, украинцами, белорусами, русскими всегда и независимо от политических обстоятельств с любой стороны видна доброжелательность. Каждая перемена, происходящая на Украине, каждый шаг в направлении реформ, шаг навстречу польско-украинским контактам приветствуется очень тепло, прямо-таки с энтузиазмом. Отсюда и столь стихийная реакция поляков на «оранжевую революцию».

— *«Оранжевая революция», может быть, и не принесла с собой реформы государственного устройства, но устройства общественного — несомненно. А вы заметили с украинской стороны какой-то послереволюционный рост интереса к контактам с Польшей?*

— Это все выглядит не совсем так. Безусловно, тогдашнее всеобщее движение, подъем, гражданская активность стали результатом процессов, которые происходили на Украине намного раньше. С другой стороны, благодаря этому событию еще больше поляков заинтересовалось Украиной, а образ Украины подвергся значительному улучшению, о чем свидетельствуют итоги социологических опросов, проводившихся, в частности, Институтом общественных дел. Благодаря посредничеству СМИ, которые ежедневно сообщали о развитии событий на Майдане, украинский вопрос приобрел к рядовому поляку. Да и по сей день практически любая польская газета так или иначе упоминает о событиях не только на Украине, но и в России и Белоруссии. Эти страны по-прежнему присутствуют в польском политическом сознании. А вот повлияла ли «оранжевая революция» на рост заинтересованности украинских организаций Польшей? Не думаю. Заинтересованность Польшей, заинтересованность Западом — они были хорошо видны на Украине и до этой революции, и после нее. Исключение составляет в этом смысле, пожалуй, Западная Украина, где раньше можно было заметить различные антипольские предубеждения, которые явно ослабели под влиянием эмоциональной вовлеченности поляков в тогдашние события, причем вовлеченности на стороне революционеров. С узкой точки зрения моей организации ситуация такова — до «оранжевой революции», в 2003 г. (то есть за год до Майдана), мы получили 700 заявок на дополнительное финансирование польско-украинских проектов. И по отношению к первому году существования фонда PAUCI, когда к нам поступило лишь 30 заявок, это был действительно весьма заметный рост. А вот после 2004-го эта тенденция не изменилась сколько-нибудь значительным образом.

— *А вы не могли бы сказать несколько слов о главных сферах приложения тематических проектов PAUCI?*

— На протяжении минувших лет приоритеты PAUCI менялись в зависимости от потребностей. Тема, которая всегда была и по-прежнему остается важной, — это поддержка местного самоуправления. Невзирая на то, пройдут на Украине реформы в направлении децентрализации или же этого не произойдет, на местном уровне всегда есть люди, которые хотят улучшить качество управления, улуч-

шить свою работу, а потому им очень полезны всякие контакты, всякий зарубежный опыт. В то же время контакты с Польшей не только обходятся им дешевле любых других, но еще и проще всего поддаются переносу на украинскую почву, особенно если дело касается понимания определенных перемен и происходящих процессов. Разумеется, я вовсе не хочу сказать, что польские решения — самые лучшие, да и не все они годятся для применения на Украине, но они, пожалуй, наиболее понятны нашим восточным соседям. Польское самоуправление — это действительно весьма эффективная форма управления. И, когда мы на всех уровнях местной администрации представляем эту эффективность функционирования, она служит хорошим примером, который можно надлежащим образом подкорректировать и применить на собственной территории. Положительных и вдохновляющих результатов внедрения подобных проектов существует много, есть у нас и многочисленные подтверждения и соображения украинских представителей местного самоуправления, которые показывают, насколько эффективен такой обмен опытом. Как правило, эти мнения касаются сугубо практических вопросов, таких, например, как управление коммунальным имуществом, подключение воды, канализации или газа, экономия энергии, управление местным развитием, повышение инвестиционной привлекательности городов, открытость официальных органов для посетителей и др. Помимо чисто практических аспектов разных проектов в области самоуправления, завязавшиеся на местном уровне контакты обладают дополнительными положительными последствиями, которые потом живут своей собственной жизнью независимо от поддержки нашего фонда. Я имею здесь в виду культурные и общественные акции, которые финансируются уже из местных средств. Например, маленькая великопольская местность под названием Гизалки установила сотрудничество с украинским населенным пунктом Старосилья в окрестностях Черкасс, а затем все остальные контакты между этими двумя городками финансировались ими уже из собственных средств; или же город Конске (Свентокшиское воеводство), который уже несколько лет проводит ежегодный обмен скаутами с Могилевом-Подольским, финансируемый из бюджетов этих двух городов. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить, но важнее всего, что польско-украинские контакты становятся действительно осязаемыми и долгосрочными.

Для нас очень существенна активизация молодежи. Пассивность молодых людей и отсутствие перспектив — это большая проблема и для польской стороны, и для украинской, особенно в маленьких населенных пунктах. Примеры выхода из тупика и интересных местных начинаний полезны обеим сторонам и воодушевляют их.

Каждый год мы проводим также две-три крупные конференции, которые поддерживают идеи сотрудничества Украины с НАТО. В прошлом году большая конференция проходила в Одессе, в этом году их состоится несколько, в том числе — крупномасштабная конференция в Берлине, намеченная на декабрь текущего года и посвященная евроатлантическому сотрудничеству с Украиной.

На протяжении многих лет фонд PAUCI финансировал проекты, адресованные малым и средним фирмам, призванные повысить в них уровень предприимчивости и укрепить польско-украинское хозяйственное сотрудничество. Основополагающий характер носят обычно неправительственные программы для предпринимателей, которые направлены на преодоление взаимных предубеждений и простого неведения. Мы переводили основные нормативные акты в области экономики, издавали путеводители для предпринимателей, финансировали обучение, совещания и торговые миссии, причем нацеленные не только на поляков, заинтересованных украинским рынком, но и на украинцев, которые хотят инвестировать в Польшу.

— *Иными словами, вы помогли предпринимателям сделать важный и необходимый первый шаг.*

— Да, все прочие начинания, разумеется, оставались уже в ведении фирм. Кстати, очень многие польские предприниматели великолепно ориентируются и действуют на украинском рынке.

— *Вы поддерживали также проекты, направленные на противодействие ВИЧ. На Украине по-прежнему продолжается широко задуманная образовательная кампания, проводимая неправительственными организациями.*

— В том числе и польскими тоже. Проблема СПИДа как на Украине, так и в России по-настоящему трагична, а Польша располагает полезным опытом и целым рядом интересных решений в сфере как профилактики, так и терапии, которые можно перенести на Украину.

— Скажите, пожалуйста, еще несколько слов о проекте внедрения этических стандартов. Звучит весьма многообещающе, заманчиво и интересно, но каким образом это все реализуется?

— Уменьшение уровня коррупции — вот ключ к подлинному развитию Украины. С точки зрения указанной патологии Украина принадлежит к числу мировых лидеров, и, хотя Польша эта проблема тоже не чужда, однако у нас масштаб явления значительно меньше. В этой области фонд PAUCI занимается пропагандированием открытости и прозрачности общественной жизни. В прошлом году мы, например, финансировали проект Фонда развития местной демократии под названием «Прозрачное сообщество», который передает нескольким небольшим городам Донбасса опыт польских учреждений. Мы поддерживали проекты, направленные на улучшение внутреннего контроля в органах администрации. Часто стремление к переменам на Украине терпит крах в столкновении с устаревшими системами управления, а коррупция служит у чиновников едва ли не основным источником доходов; в такой ситуации борьба с взяточничеством должна опираться на глубокие институциональные решения. Украинское законодательство носит необычайно детальный, а на деле мелочный характер, во многих пунктах оно внутренне противоречиво и двусмысленно. Весьма широкий спектр услуг, подлежащих лицензированию, обязательным разрешениям, различным многоступенчатым и длительным процедурам, создает превосходную почву для коррупции. Повышение культуры законотворчества и ответственности за создание правовой системы — нелегкий вызов для многих международных проектов, осуществляемых на Украине.

В борьбе с коррупцией в Польше большую роль играют независимые СМИ и профессионально подготовленные журналисты-расследователи. Повышение уровня журналистских расследований — тоже одна из тем польско-украинских проектов, которые поддерживает PAUCI.

Мне бы хотелось еще сказать о важном проекте, осуществляемом с прошлого года, — о школьном обмене между Польшей и Украиной. Вот уже много лет Польша замечательно сотрудничает в этом деле с Германией. В рамках финансируемой обоими правительствами программы польско-немецкого обмена молодежью (Jugendwerk) несколько миллионов молодых поляков побывали у своих немецких ровесников или принимали их у себя в гостях. Это великолепная возможность познакомиться, ближе узнать друг друга, преодолеть стереотипы и установить дружеские контакты. Все организации, занимавшиеся осуществлением польско-украинских проектов, призывали к организации подобного молодежного проекта и с восточными соседями, особенно с Украиной. Такие начинания поддерживались и политиками. Однако лишь в прошлом году польский МИД впервые решился в более или менее значительных масштабах финансировать подобный обмен. А в рамках программы польско-украинского обмена молодежью «Разом» («Вместе», укр.) фонд PAUCI организовал обмен для 30 школ. С этими проектами связан целый ряд сложностей организационного и опекунского характера, потому что выезд несовершеннолетних за границу регулируется особым законом. В нынешнем году обмен планируется уже примерно для 100 школ. Кроме фонда PAUCI, польско-украинский школьный обмен осуществляют и другие организации. В проекте, организуемом PAUCI, финансировались взаимные визиты учащихся партнерских школ, направленные на углубленное знакомство с семьями и всем окружением, в котором живет молодежь, принимающая участие в обмене. Благодаря такому решению можно было также увеличить количество участников обмена, так как стоимость проживания и питания ребенка в семье значительно ниже, чем если поселять детей в гостиницах или общежитиях. В рамках проекта «Разом» дети встречались на совместных обедах и тематических занятиях, а также посещали окрестности партнерской школы. В соответствии с принципиальными предпосылками школьных обменов при таких взаимных визитах нет переводчиков, что вынуждало молодежь проявлять больше активности для понимания другой стороны.

Хотелось бы обратить внимание, что пример PAUCI может быть важным и в контексте польско-российских взаимоотношений. Контакты с российскими общественными организациями очень ограничиваются отсутствием взаимной заинтересованности, а также финансовых инструментов для их поддержания. У организаций, сконцентрированных в больших городах: Москве и Петербурге, — настолько много зарубежных партнеров, особенно в Германии или Брюсселе, что сотрудничество с Польшей выглядит для них непривлекательным. «Курица — не птица, Польша — не заграница» — сие знаменитое присловье наглядно иллюстрирует отсутствие серьезного диалога между двумя этим обществами. Если не считать второстепенного сотрудничества с Калининградом, в данной области реаль-

но делается очень мало. Образец польско-украинской программы фонда PAUCI можно было бы размножить, если и с польской, и с российской стороны нашлась бы политическая воля и соответствующие правительственные средства. Во избежание политических конфликтов можно начать с культурного сотрудничества и как раз с обмена молодежью, ориентированного на последние классы средней школы и первые курсы вузов. Я не веду речь об обмене детьми: в их возрасте, по правде говоря, они еще не очень-то много выносят из подобных контактов.

Это хорошее решение для преодоления определенного застоя, для выстраивания польско-российских связей и взаимоотношений таким же образом, как это имеет место в нашем польско-украинском случае. Даже если в первый год таким обменом будет охвачено всего несколько российских школ, расположенных за пределами Москвы, он все равно внесет прочный вклад в польско-российские контакты. Это начинание — из разряда тех, которые могут получать финансирование из польских средств (через министерство культуры, или министерство иностранных дел, или министерство просвещения), хотя, разумеется, было бы хорошо, чтобы оно велось и из российских средств тоже: в конечном счете Россия — богатое государство. На самом деле каждый вложенный злотый, каждый рубль в дальней перспективе будет вести к стабильности и нормальным отношениям с соседними странами, то есть в равной мере пойдет на пользу и полякам, и русским.

Кстати говоря, пример хорошего вложения общественной «денежки» в польско-российские отношения — как раз «Новая Польша».

— *Если рассматривать общую статистику проектов, то чего у вас в фонде больше — прямых, непосредственных проектов или все-таки тех, которые осуществляются через гранты?*

— Это зависит от источников финансирования. Правительственные источники принимают обычно форму грантов.

У собственных проектов фонда есть своя специфика. Для примера — у нас существует большая программа польско-германско-украинского сотрудничества, основная цель которой — заинтересовать немцев сотрудничеством с Украиной и увеличить объем контактов украинцев с такой важной страной Евросоюза. Это совпадает и с интересами Польши, которая уже много лет указывает Евросоюзу на большое значение укрепления демократии и свободного рынка у наших восточных соседей. Заинтересованность Германии Украиной была до сих пор относительно малой по сравнению, например, с тем интересом, который вызывает у нее Россия. А после двух лет осуществления данной программы у нас уже есть очень хорошие союзники — крупные фонды.

— *Вскоре у вас за плечами будет уже десять лет работы.*

— Когда фонд PAUCI начинал свою деятельность в 1998 г., польско-украинское сотрудничество ассоциировалось с ритуалом международных встреч и совещаний, проходящих в соответствии с церемониалом, который напоминает ушедшую советскую эпоху. Сегодня в польско-украинских отношениях совсем иное положение. Я убежден, что, невзирая на события, происходящие то в польской, то в украинской политике, отношения между польскими и украинскими городами, организациями, органами местного самоуправления, журналистами или молодежью достигли уже такого уровня развития, что возникает эффект снежного кома. Несмотря на то что граница очень сильно загородилась, и несмотря на визовые препоны, с которыми мы сталкиваемся при осуществлении различных проектов, сегодня масштабы сотрудничества настолько велики, что обратного пути уже просто нет. И я подозреваю, что, если удастся начать нечто подобное между Польшей и Россией, то в первый год у нас будет несколько проектов, в следующем их счет пойдет на десятки, а долговременные последствия таких контактов будут несравненно большими, чем инвестиции в эти проекты.

— *Дякую.*

— Прошу дуже.

Беседу вела Галына Дубык

НАМ НЕОБХОДИМО НЕМНОГО ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

Беседа с Эмилией Хмелёвой — президентом Федерации польских организаций на Украине

— Переживает ли сегодня кризис организационная жизнь поляков на Украине?

— Число польских организаций на Украине по-прежнему и количественно, и качественно растет. Это означает, что наши действия дают положительные результаты. Однако это не означает, будто сегодня уже нет нужды в новых акциях. Все чаще мы приходим к заключению, что в новые времена необходимы более смелые организационные решения. К аналогичным выводам приходят и другие многочисленные организации польского населения и польской эмиграции почти по всей Европе.

Сегодня у нашей федерации имеется 134 центра, разбросанных по всей Украине и принадлежащих к числу наших организаций-членов. Больше всего их на территории бывшей Восточной Малопольши. Возникают, однако, и новые центры, в том числе на востоке Украины, которые сегодня особенно нуждаются в нашей организационной помощи.

— Организационным переменам в вашей федерации была посвящена последняя встреча в Киеве...

— Первый тур нашего съезда в Киеве нельзя назвать самым удачным. Там была предпринята попытка расколоть нашу организацию. Осуществить это хотела горстка людей, которые пытались поставить под сомнение повестку дня нашего совещания. Именно тогда мы осознали, что действия этих людей доказывают, насколько необходимы срочные организационные изменения.

Делегаты, которых приехало больше, чем мы планировали, выбрали новый совет. В то же время тогда, в ходе первого тура, нам не удалось выбрать своего правления. Пришлось потом пополнить его членами, которых обязали обновить устав в соответствии с новыми законодательными требованиями Украины.

Дело в том, что законодательство Украины подверглось многочисленным изменениям, и наш прежний устав тоже должен измениться в духе права, действующего сегодня на Украине, особенно по вопросам, касающимся общественных организаций. Однако мы как правление были не в состоянии внести такие изменения. Для принятия подобных решений необходимо общее собрание. Поэтому мы решили образовать совет президентов, состоящий из руководителей всех орга-

низаций, которые входят в состав нашей федерации. Сегодня, однако, мы не очень-то знаем, кто же заплатит за их участие в заседаниях, которых не может быть меньше, чем два в году.

Работаем мы и над программой нашей федерации, то есть над документом, определяющим наши будущие действия. К сожалению, многие сужают программу, сводя ее исключительно к календарю мероприятий, а ведь речь здесь идет не только об этом. Знаем мы также, что будем и дальше вести деятельность, связанную с построением и укреплением польско-украинского сотрудничества, с польским просвещением или с разными видами обучения.

Сейчас мы получили зеленый свет от украинского министерства образования, которое заявляет о доброй воле к сотрудничеству. В Дрогобыче создается методический центр польского языка и культуры, который украинские власти рассматривают как общегосударственный. У нас имеется соответствующий документ по этому вопросу.

Сегодня мы действительно ощущаем совершенно другое отношение украинских властей к нашей деятельности, и это открывает перед нами гораздо больше возможностей. Такие новые политические условия побуждают нас работать по-новому и, следовательно, требуют соответствующих перемен. Сегодня наша федерация должна действовать еще эффективнее.

— Ощущаете ли вы на Украине помощь матери-родины?

— Мы не скрываем, что польская общественность на Украине — это такая почва, куда бросали свои семена многие, причем самые разные люди. И мы даже стараемся понять их. В то же время нам очень больно, что отдельные польские политики — а мы наблюдаем это явление отнюдь не с сегодняшнего и не со вчерашнего дня — неоднократно устраивали на Украине экспериментальный полигон для своих сугубо индивидуальных амбиций — кстати говоря, точно так же они поступали в Белоруссии, да и в других государствах Европы.

Посещающие нас временами некоторые польские парламентарии остановили свой выбор на поляках Украины как на очень благодатной почве для своих политических интересов, как на способе склотить себе по-

литический капитал. Нам не нравится — и я говорю об этом с огорчением, — когда какой-нибудь член польского Сейма поучает нас здесь, что мы должны делать, или же пытается расставлять всех по местам.

Иногда случается также, что на страницах польских изданий, выходящих на Украине, появляется весьма критический материал по поводу нашей деятельности, инспирированный кем-то, кого больше волнует собственная выгода, чем благо всей организации. Такие тексты приносят больше зла, нежели добра.

Наша федерация, возникшая в начале 90-х, имела целью объединить всех поляков Украины. Однако в то же самое время была образована еще одна общегосударственная организация — Союз поляков Украины. Странно проходило и приглашение отдельных организаций страны на учредительные съезды: одних приглашали намного раньше намеченной даты, других — лишь накануне съезда.

Я не склонна делить людей на организации. Ведь важна каждая из них — и та, что меньше, и большая тоже. Если мы станем оценивать польские организации на Украине, то потеряем как их, так и их членов, а значит, и плоды наших многолетних трудов.

— Уже несколько лет все лучше говорят и о федерации, и о союзе, а вот об Обществе польской культуры на Львовских землях — плохо. Почему?

— Я бы этого так не обобщала. Ведь нельзя же говорить плохо в целом о какой-то организации; максимум — можно плохо оценивать отдельных людей и то, что они делают. Точно так же нельзя плохо говорить о Польше или Украине. Что же касается общества, то их проблема заключается в отсутствии надлежащей организационной структуры — такой, какая уже много лет функционирует во всем мире. Сегодня управление демократической организацией не может осуществляться диктаторскими методами. В этом их главная проблема. Сейчас люди созревают в своем развитии исключительно благодаря хорошим примерам. Старые обычаи перестают одобряться. Но это внутренняя проблема общества. Они сами должны с нею справиться.

— В каком направлении будут сейчас развиваться польские организации на Украине?

— Нам первым делом необходимо навести порядок по многим организационным вопросам. Очень нужно представляется также создать у нас польский информационный центр, где мы могли бы, например, узнать, где и какие библиотеки у нас имеются и каковы там книжные собрания, где и в каком состоянии находятся на Украине польские кладбища или памятные национальные объекты.

Нам нужно также установить, к какому же выводу мы пришли на заседании нашего совета в Киеве, например, каково постоянное количество делегатов, участвующих в руководстве федерацией или в ее съездах. Это должно вытекать из устава, но в нем пока еще ничего не записано на эту тему. Иначе мы так и будем постоянно вращаться в той сфере, которая не до конца упорядочена.

У нас на Украине экономическое положение все еще не способствует общественной деятельности. Мы здесь всегда были вынуждены затягивать себе бечевку на шее. Хуже всего нам приходилось на рубеже 80-х и 90-х годов. К счастью, эти самые трудные времена уже остались позади, хотя цена, которую пришлось заплатить, оказалась высокой.

Многие люди ушли тогда в лучший мир. Многие обеднели, особенно интеллигенция, которая не вынесла этого груза. Печальная судьба ждала и 300 тысяч наших украинских женщин, которые в Португалии и Италии были вынуждены заниматься самой древней профессией в мире. Об этом раньше никогда не говорилось вслух.

Тяжело живется и детям, которые ходят в школу. Их родители часто не приходят на родительские собрания. Вместо них с учителями разговаривают либо соседи, либо бабушка с дедушкой, либо дальние родственники. Дело в том, что на Украине много неполных семей. Любые исторические или политические перемены сильно бьют по нашему обществу. А для моих ровесников есть много таких вещей, которые уже невозможно наверстать.

— Каково отношение украинцев к полякам и Польше?

— Отношение к полякам и Польше в последнее время очень изменилось, причем почти во всех смыслах. Исчезли такие препятствия, как старые механизмы и стереотипы. Наблюдаем мы и за нашей молодежью. Она сегодня стала совершенно другой. Чаше, чем мы, улыбается или радуется жизни. Охотней посещает Польшу и другие страны Европы.

— Чего больше всего ожидают сегодня поляки с Украины от Польши?

— Когда Украина стала независимой, для нас молниеносно открылась возможность помощи с исторической родины. Нашим организациям не пришлось начинать свою деятельность с нуля. Эта помощь была действительно значительной. Нужно, однако, сознавать, что ответственность за ребенка, которого растят и воспитывают, не может внезапно оборваться. Ребенку нужна помощь вплоть до совершеннолетия. Если внезапно отвернуться от своего ребенка, или же лишить его одного из родителей, или забросить куда-то в угол, — это приведет к тому, что дитя осиротеет, а такого мы бы очень хотели избежать. Нам необходимо немного доброжелательности. Необходимо чуть-чуть культуры и нравственности, особенно политической, а не создания экспериментальных площадок для своих частных политических интересов. Люди на самом деле важнее, чем политика.

— Что ж, именно этого я и желаю вам, госпожа президент, и всем полякам Украины.

Беседа вел Лешек Вонтрубский

Катажина Высоцкая

ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ

Встречи помогают примирению

Возможно ли примирение народов благодаря встречам отдельных людей? «Польско-немецкое сотрудничество молодежи» (ПНСМ) и «Deutsch-Polnisches Jugendwerk» (DPJW) — это два равнозначных названия одной и той же польско-немецкой организации, которая своим возникновением обязана уверенности в том, что молодые люди могут стать послами примирения между народами, обремененными трудной историей, и гарантами его прочности.

17 июня 2007 г. исполнится 16 лет с момента, когда Польша и ФРГ заключили договор о добрососедстве и сотрудничестве, во исполнение которого обе страны подписали дополнительное соглашение, создавшее правовые основы для организации «Польско-немецкое сотрудничество молодежи».

Своим решением правительства Тадеуша Мазовецкого и Гельмута Коля образовали международную организацию, целью которой должна была стать «всяческая поддержка взаимного ознакомления и понимания, а также тесного сотрудничества молодежи Польши и Германии», — но отнюдь не только этих двух стран.

Уже в учредительном акте ПНСМ инициаторы его создания сформулировали исходную предпосылку о том, что примирение двух народов происходит не в пустоте, а в контексте взаимоотношений с жителями других стран. По сути дела при создании «Польско-немецкого сотрудничества молодежи» и его старшей сестры, «Немецко-французского сотрудничества молодежи», организации, учрежденной в 1960-е Конрадом Аденауэром и Шарлем де Голлем, речь шла о поисках эталонного решения вопроса, как построить добрососедские связи в Европе, а еще шире — мирные отношения во всем мире. Поэтому соглашение о ПНСМ аналогично тому документу, который был предметом немецко-французского соглашения, предусматривал возможность поддержки программ с участием молодежи из третьих стран, а также сотрудничество с другими, не только польскими, немецкими или французскими организациями и учреждениями, «поддерживающими встречи и обмен молодежи».

Надеюсь, эти факты заинтересуют читателя «Новой Польши» и склонят его продолжить чтение этой статьи. Тому есть две причины. С одной стороны, в ней будет описана организация, которая может приниматься во внимание как партнер в совместных многонациональных проектах — молодежных или же касающихся методики работы с молодежью. А с другой — здесь пойдет речь об удачном примере создания рамок, «заданных сверху», для примирения и сотрудничества между народами, «идущего снизу».

Вот отрывок из договора о польско-немецком сотрудничестве молодежи, подписанного в Бонне 17 июня 1991 г. министрами иностранных дел Польши и Германии Кшиштофом Скубишевским и Хансом-Дитрихом Геншером, а также тогдашними министрами по делам образования молодежи, Анной Попович и Ангелой Меркель:

От имени Республики Польша президент Республики Польша доводит до всеобщего сведения: 17 июня 1991 г. в Бонне составлен договор между правительством Республики Польша и правительством Федеративной Республики Германии о польско-немецком сотрудничестве молодежи, где указано следующее: (...) Правительство Республики Польша и правительство Федеративной Республики Германии на основании договора между правительством Польской Народной Республики и правительством Федеративной Республики Германии об обмене молодежью от 10 ноября 1989 г., во исполнение договора между Республикой Польша и Федеративной Республикой Германии о добрососедстве и дружественном сотрудничестве от 17 июня 1991 г. согласовали следующее:

(...)

Оба правительства создают организацию «Польско-немецкое сотрудничество молодежи», именуемую в дальнейшем «Организация». (...) Организация обладает правоспособностью международной организации. Деятельность Организации не направлена на достижение целей, связанных с извлечением прибыли.

Несмотря на то, что в рамочных двухсторонних договорах между различными государствами повсеместно оценивается значение обмена и контактов молодежи для взаимных отношений, ПНСМ наряду с НФСМ [«Немецко-французским сотрудничеством молодежи»] остается во всем мире исключительным примером проведения этих деклараций в жизнь. В Польше различные положения о поддержке и инициативах по сотрудничеству молодежи включены в договоры, заключенные с Украиной (договор о добрососедстве, дружественных отношениях и сотрудничестве), Белоруссией (о добрососедстве и дружественном сотрудничестве) и Россией (о дружественном и добрососедском сотрудничестве). Приходится сожалеть, что добрая воля, свидетельством которой могут быть эти заявления, до сего времени не имела последствий в виде исполнительных актов.

Дабы воспринять духом и обрести надежду, есть смысл подчеркнуть, что интерес к перенесению модели НФСМ/ПНСМ на свою почву проявляли самые разные страны, в том числе Израиль (целью предполагалось израильско-палестинское примирение). Недавно польские и украинские власти обсуждали вопрос о создании аналогичного учреждения, которое поддерживало бы обмен молодежью между обеими странами.

■ Зеркальное отражение, или о структуре «Польско-немецкого сотрудничества молодежи»

Структура ПНСМ, которое иногда неформально называют на немецкий манер «Югендверк», в национально-государственном смысле напоминает зеркальное отражение. Начинается эта зеркальность с польского и немецкого названий этой организации, далее следуют две ее резиденции, в Варшаве и Потсдаме, а затем — проводимая в ней кадровая политика и, наконец, состав тех руководящих органов, которые принимают решения и проводят их в жизнь.

По идее в ПНСМ у каждой должности и каждого поста имеется свой польский и немецкий эквивалент. И если на уровне рядового персонала в практической деятельности случались отдельные отступления от этого правила, то в руководящих органах, то есть в совете молодежи и правлении, исключений из приведенного правила не бывает. Это способствует сохранению идеального равновесия между польским и немецким влиянием на решения и функционирование ПНСМ.

Высший орган ПНСМ — Польско-немецкий совет молодежи. Он собирается не реже чем раз в год, попеременно в Германии и в Польше. В совете заседает 11 польских и 11 немецких представителей правительственного сектора и неправительственных организаций, а возглавляют его министры обеих стран, занимающиеся делами молодежи. Совет молодежи директивно устанавливает основные положения для намеченных программ и определяет направление развития ПНСМ. За осуществление решений совета отвечает правление, состоящее из двух человек — директора и его заместителя. В этом случае для сохранения национального равновесия директор и замдиректора в течение одного и того же срока полномочий не могут быть гражданами одной страны. Каждые пять лет директорский пост попеременно занимает то поляк, то немец.

ПНСМ очень заботится о «национальном равноправии» внутри организации. У всех наименований организационных единиц ПНСМ, названий проектов и даже у рекламных лозунгов отдельных мероприятий существуют свои польские и немецкие варианты — из них можно было бы составить изрядный словарь. И действительно, каждый новый сотрудник, прежде чем научиться четко и умело перемещаться по джунглям «Югендверка», должен сначала овладеть немалым списком польско-немецких понятий, созданных для собственных нужд этой организации. Вот и получается, что на самом деле достижение высшей цели ПНСМ — польско-немецкого взаимопонимания — начинается уже на уровне любой административной ячейки в составе коллектива. Сотрудники в общении между собой вынуждены ежедневно учиться умелому (творческому!) обхождению с межкультурными различиями, терпимо относиться к специфике польского и немецкого подходов к работе — одним словом, искать компромисс ради достижения той общей цели, какой является поддержка обмена молодежью.

■ «Как птичьи гнезда в кроне дерева»...

Так один из сотрудников образно описал зависимость потсдамского и варшавского бюро ПНСМ от их постоянных партнеров — так называемых центральных подразделений. Этим официально звучащим наименованием обозначаются организации, занимающиеся международным обменом молодежью и обладающие статусом представителя ПНСМ в отдельных регионах Польши и Германии. Одно из таких центральных подразделений — центр образования в Кшижовой, деятельность которого описывалась в «Новой Польше» (2006, №10).

Центральные подразделения выполняют очень важную функцию в структуре ПНСМ. Они обладают правами ПНСМ в сфере поддержки обмена молодежью, а это значит, что они могут от имени всей организации представлять местным юридическим лицам дотации на школьный и молодежный обмен. В их полномочия входит также мониторинг проектов, которые они сами дополнительно финансируют, принятие отчетов о проделанной работе и ведение документации.

Благодаря увязке ПНСМ с деятельностью образовательных и культурных учреждений удается обслуживать растущее с каждым годом число подаваемых заявок и обращений, а также сохранять непосредственный контакт с теми, от кого они поступают. Сотрудники центральных подразделений утверждают, что именно личные контакты с местными организаторами обмена они считают самой существенной, но вместе с тем и чрезвычайно трудоемкой частью своей работы.

■ Ни шагу без экспертов

Неотъемлемая часть структуры ПНСМ — рабочие группы, своеобразные «мозговые центры», которые получают от организации поддержку по всем важным аспектам своей деятельности. Здесь работают сотрудники ПНСМ и эксперты в разных областях — в зависимости от конкретного вопроса. Это может быть педагогика и история польско-немецкого обмена молодежью, прозрачность и директивные указания.

Рабочие группы занимаются оценкой действий ПНСМ в той или иной области, разрабатывают конкретные проблемы, строят методическую базу. В этих целях они могут осуществлять и свои собственные проекты.

Примером может здесь послужить группа по вопросам истории. В самом общем виде предмет ее заинтересованности — то, как представлять историю в рамках польско-немецкого обмена молодежью. Группа эта уже многие годы готовит методы работы с исторической тематикой для лиц, проводящих встречи с польской и немецкой молодежью, а затем широко распространяет эти знания в форме публикаций, а также во время регулярно организуемых учебных курсов и семинаров. Ее цель — повысить уровень исторических знаний у польских и немецких организаторов обмена, сделать этих людей и руководителей обмена более восприимчивыми к асимметрии в польском и немецком восприятии истории, а также поощрить их к тому, чтобы во время встреч молодежи поднималась историческая тематика.

В рамках осуществления перечисленных задач группа по вопросам истории с 2004 г. организует для тех, кто проводит обмен, исторические дискуссионные форумы, или так называемые летние академии, а с 2005-го — програм-

му под девизом «Совместное обучение в Аушвице» для тех учителей из Польши и Германии, которые планируют совместные проекты для молодежи в местах национальной памяти. Кроме того, группа готовит сейчас научно-популярную публикацию «II Мировая война в сознании поляков и немцев». Как это всегда принято в ПНСМ, она будет опубликована по-польски и по-немецки при сотрудничестве экспертов из обеих стран.

■ Сколько поддержки в поддержке

У слова «поддержка» в ПНСМ три основных значения: инициатива по налаживанию контактов между молодыми людьми из разных стран, углубление существующего сотрудничества и дальнейшее развитие методологии встреч молодежи.

Главная цель ПНСМ — деятельность ради польско-немецкого примирения, однако, как это уже подчеркивалось, не в отрыве от взаимоотношений с другими странами, выражением чего служат программы по поддержке трехсторонних начинаний. ПНСМ решает вышеупомянутые задачи путем предоставления дотаций, информирования и консультирования, путем создания сети взаимных связей между разными организациями и подразделениями, а также посредством создания и распространения общедоступной методологической базы в форме публикаций, курсов обучения и укрепления команды профессиональных «тренеров» международного обмена.

Школы и независимые молодежные организации могут запрашивать у ПНСМ дотации — это и есть то, что называют поддержкой школьного и внешкольного обмена. Чтобы облегчить установление контактов между школами и организациями, ПНСМ организует виртуальные и реальные «ярмарки» партнеров, а также предоставляет информацию о странах, вовлеченных в обмен. В варшавском и потсдамском бюро ПНСМ нетрудно найти множество интересных и остроумных публикаций, которые можно использовать до и в ходе проекта: это и цветные карты с любопытными подробностями о Польше и Германии, и польско-немецкие разговорники, содержащие модные молодежные обороты, и закладки для книг с основными выражениями на обоих языках, и забавные, доступно написанные пособия, представляющие собой источники знаний о современной Польше и Германии, и, наконец, практические методические руководства с указаниями, как подготовить и провести встречу молодежи.

Ярослав Бродовский, который сам когда-то был участником и организатором обмена молодежью из Польши и Германии, а сейчас уже на протяжении нескольких лет работает в ПНСМ, подчеркивает особое отношение сотрудников организации к подаателям заявок на дотации и конкретизирует задачи отдела поддержки:

— Мы работаем немного не так, как обычные учреждения. У нас другой подход к бумагам. Наш приоритет и сегодня, и в дальнейшем таков: всегда быть как можно ближе к субъекту, ближе к заявителям. Мы стараемся, насколько это возможно, облегчать им сотрудничество с нами, а не затруднять его. И потому мы не воздвигаем никаких барьеров или препятствий. Нам известно, что наши заявители — это волонтеры, они работают в свободное время, на добровольных началах, не получая за это никакого вознаграждения. Наша задача как организации, финансируемой государством из денег налогоплательщика, — быть учреждением доступным, легким и простым. Задача отдела поддержки, наряду с оценкой заявок и обращений под углом соблюдения в них директивных указаний ПНСМ и принятием решений по финансированию проектов, то есть по непосредственной поддержке обмена, — это еще и учебная работа с инициаторами обмена из Польши и Германии, а также их консультирование. Отдел организует для учителей методические семинары по вопросам межкультурного образования, обучает их способам управления проектами, а также проводит тематические конференции и языковые курсы. Особый случай — это партнерские конференции для организаторов обмена и распространителей из тех польских воеводств и немецких земель, которые выступают в качестве партнеров. Их цель — обмен опытом в области обучения молодежи и установление совместных стратегий для поддержки обменов по региону.

Те собственные предложения ПНСМ, о которых упоминает Ярослав Бродовский, служат важным дополнением к обычному выделению дотаций. В соответствии с договором 1991 г., эта организация «имеет право предпринимать собственные шаги, намеченная цель которых не может быть достигнута частными и общественными субъектами». Адресатами собственных проектов ПНСМ бывают непосредственно молодые люди, а также лица, проводящие встречи, представители неправительственных организаций либо муниципальных органов самоуправления. Важно лишь, чтобы такие проекты отвечали одной цели — улучшению качества польско-немецких и трехсторонних встреч молодежи, а также, глядя шире, способствовали поддержке тех действий молодых людей, которые направлены на развитие демократии и мира в Европе.

В 2007 г. в рамках собственных проектов «Югендверк» организует цикл встреч учителей, посвященных насилию в школе и методам его предупреждения с помощью совместных польско-немецких проектов. Эти встречи стали откликом на актуальные проблемы польского и немецкого школьного дела и всей системы образования. Кроме того состоится «Медийный тандем Восток—Запад», а также (как и каждый год) форум обмена опытом для учителей и организаторов молодежного обмена, курсы переводчиков-организаторов и многие другие мероприятия.

■ Во-первых, удочка, а рыба — во-вторых

Один из самых знаменательных аспектов деятельности ПНСМ — поддержка реальной *активности* молодежи. Подобный подход вытекает из уверенности, что примирение как процесс может быть прочным лишь тогда, когда оно становится результатом совместной деятельности молодых людей, которым предоставлена возможность самостоятельно делать те или иные выводы. Согласно директивам ПНСМ о «партнерском взаимодействии и собственной ответственности молодежи», цель этой организации состоит в том, чтобы молодежь была вовлечена в весь процесс подготовки к обмену — от хорошего замысла и разработки концепции проведения встречи вплоть до ее практического осуществления и оценки. ПНСМ не навязывает тематику и не вмешивается в ход встреч, а только создает общие рамки международного сотрудничества.

Можно сравнить этот принцип с вошедшей в поговорку ситуацией, когда голодному дают в руки не рыбу, а удочку. Поступая таким образом, ПНСМ поддерживает активность молодежи, пропагандирует и вознаграждает ее, добиваясь тем самым, чтобы такая активность становилась общественно привлекательной, то есть достойной подражания. Благодаря этому расширяется диапазон воздействия ПНСМ, и организация содействует построению гражданского общества и развитию демократии.

Это подтверждает и все тот же Ярослав Бродовский, когда я спрашиваю его о самых значительных, по его мнению, собственных проектах ПНСМ. Он сразу же оговаривается, что это вовсе не будут ни самые крупные, ни способные заинтересовать СМИ проекты:

— Масштабные мероприятия наверняка способствуют тому, что ПНСМ попадает в поле зрения более широкого круга лиц. Однако я считаю самыми важными те собственные мероприятия ПНСМ, благодаря которым с момента возникновения этой организации в 1991-м — а на самом деле с 1993-го, потому что именно тогда начали функционировать оба бюро, в Варшаве и Потсдаме, — число проектов, запрашиваемых в заявках и обращениях, постоянно растет. Такими мероприятиями я считаю форумы организаторов обмена, а также биржи партнеров, в том числе те, которые касаются трехстороннего сотрудничества Польши, Германии и Белоруссии, Польши, Германии и Украины или поддерживают совместные проекты с Калининградской областью и Россией.

Повседневная работа ПНСМ в значительной мере состоит в том, чтобы расширять круг активных лиц, сводить их и знакомить друг с другом, а также обучать тому, как они могут воспользоваться созданными возможностями поддержки.

■ У меня или у тебя, и всё чаще — втроем

Заглянем в статистику ПНСМ. В отчетах этой организации за последние несколько лет мы найдем трудолюбиво сопоставленные показатели числа проектов по разным видам обмена: школьного и внешкольного, двустороннего и трехстороннего, — а также подведение итогов и анализ. Ниже мы приведем самые важные из таких данных. Из их рассмотрения вытекает, что ПНСМ ежегодно финансирует в среднем 3,5 тыс. проектов, в которых принимают участие 150 тыс. человек из Польши, Германии и третьих стран. Когда смотришь на эти цифры, невольно поражает мысль, которая содержится в юбилейном девизе ПНСМ на 2006 год — слегка фамильярной фразе: «У меня или у тебя?» Она означает, что для многих участников подобных мероприятий сама ситуация международной встречи может сделаться настолько очевидной, что единственный вопрос, на который им в будущем придется отвечать самим себе, будет касаться только места этой встречи.

Теперь каждая десятая встреча, поддерживаемая «Польско-немецким сотрудничеством молодежи», проходит с участием третьего государства. Тенденция к росту числа трехсторонних программ стала отчетливо проявляться в 1999 году. Тогда партнерами Польши и Германии чаще всего были Франция, Чехия и Украина. С тех пор доля трехсторонних проектов, организуемых по заявкам, которые поступили в ПНСМ, и получающих оттуда дополнительное финансирование, постоянно росла, но главным образом за счет проектов с партнерами из Центральной и Восточной Европы, особенно Чехии, Украины, Белоруссии и России (Калининградская область).

ПНСМ стремится поддерживать эти тенденции с помощью проверенных методов, то есть встреч организаторов, помощи в поисках партнеров, учебных поездок. Цель этих программ — обмен опытом, предоставление возможностей для возникновения новых вариантов сотрудничества и, наконец, создание пространства под развитие новых концепций трехсторонних проектов. Уже несколько лет регулярно проходили форумы на тему сотрудничества с партнерами с Украины и из Белоруссии — в частности, они проводились во взаимодействии с Домом встреч фонда «Новый Став» в Насутове и фондом «Счастливое детство» в Мотыче. В то же время встречи приверженцев обмена с Россией стали возможными благодаря сотрудничеству ПНСМ с культурным сообществом «Боруссия» и Фондом Роберта Боша. Относительно недавно, то есть только на протяжении последних трех лет, благодаря сотрудничеству с «Фондом встречи Восток—Запад» («Stiftung west-östliche Begegnungen») можно финансировать трехсторонние проекты, осуществляемые в России, Белоруссии и на Украине. Раньше, чтобы такие встречи получили поддержку ПНСМ, их требовалось проводить в Польше или Германии. С 2004 г. ПНСМ на основании совместного договора финансирует расходы в Польше и Германии на трехсторонний обмен, а «Фонд встречи Восток—Запад» берет на себя затраты, возникающие в третьей стране.

Статистические данные ПНСМ проверяют и подтверждают все описанные действия с позитивным результатом. Количество программ с привлечением Украины в 1999 г. удвоилось с 13-ти до 27-ми, а затем росло и в последующие годы, так что в 2006 г. ПНСМ зарегистрировало 48 польско-немецко-украинских программ. До сих пор систематически росло также число программ с участием России: с 11-ти до 27-ми в 2003-2006 гг. Число совместных программ с Белоруссией колебалось в зависимости от политической ситуации от семи программ в год (1998) до пока рекордных 19 проектов в 2005-м. Эти показатели представляют собой также весьма положительное свидетельство роста сознательности молодых людей и их пробудившейся потребности в знакомстве с соседями и к сотрудничеству, невзирая на границы и принадлежность к политическим структурам.

Мой собеседник из отдела поддержки ПНСМ подтверждает, что интерес к контактам с восточными соседями Польши в последние годы сильно возрос — по его оценке, он сопоставим у польской и немецкой сторон. Поддержка проектов с участием стран, не принадлежащих к Евросоюзу, — это для ПНСМ приоритетное направление в трехсторонних проектах, и оно должно выровнять шансы молодежи из таких стран, как Белоруссия и Украина, из Калининградской области, не охваченных программами для стран-членов ЕС, на участие в программах обмена.

**Число проектов, которые ПНСМ
дополнительно финансировало в 2001-2006 гг.**

Источник: ПНСМ

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Внешкольный обмен						
в Польше	959	895	926	942	1102	978
в Германии	975	973	974	1070	1224	1064
итого	1934	1868	1900	2012	2326	2042
в т. ч. спорт	148	146	182	164	178	142
Школьный обмен						
в Польше	704	764	842	918	949	966
в Германии	703	758	856	841	936	888
итого	1407	1522	1698	1759	1885	1854
Всего						
	3341	3390	3598	3771	4211	3,896

**Количество трехсторонних программ, которые ПНСМ
дополнительно финансировало на протяжении 1998-2006 гг.**

В таблице не учитываются программы школьного обмена и проекты, проведенные в третьей стране, в случае которых ПНСМ могло поддержать только транспортные издержки до границы.

Источник: ПНСМ

	2006*	2005	2004	2003	2002	2001	2000	1999	1998
Чехия	65	59	59	46	45	43	63	23	32
Украина	48	46	47	43	43	42	31	27	13
Россия	27	24	18	11	8	9	8	5	4
Франция	21	27	27	27	27	31	25	27	21
Литва	17	17	14	20	13	14	15	16	11
Беларусь	16	19	18	14	11	7	14	7	9
Израиль	8	6	8	2	7	0	5	7	3
Испания	6	9	9	7	3	4	2	1	1
Италия	5	7	7	2	7	0	6	7	3
Великобритания	4	3	2	5	0	2	4	3	3
США	3	5	3	2	1	0	2	2	0
Дания	3	2	4	0	4	10	8	8	7
Латвия	2	9	3	3	4	4	3	2	1
Венгрия	2	4	9	6	5	11	9	12	4
Прочие	28	41	7	333	28	37	13	16	22
Всего	255	278	248	221	206	214	208	163	134

* По состоянию на декабрь 2006.

Как ты это видишь

Эта статья представляет собой попытку описать структуру, наиболее важные исходные предпосылки и основные аспекты деятельности «Польско-немецкого сотрудничества молодежи» — совершенно исключительной организации, представляющей собою своеобразное капиталовложение в будущее не только обоих народов, находящихся в центре ее внимания, но и всей Европы в целом. ПНСМ — единственная международная организация, которая в столь значительных масштабах поддерживает обмен молодежью из Польши и Германии, благодаря чему польско-немецкое примирение может происходить в более широком европейском контексте, в общении с третьими странами. Такая деятельность благоприятствует идее выстраивания хороших, добрососедских отношений, а также пропагандирует активную жизненную позицию у молодых людей.

Как известно, удачный, воистину новаторский проект, способствовавший немецко-французскому примирению, равно как и оказавшееся несомненным успехом «Польско-немецкое сотрудничество молодежи», основаны на одном и том же институциональном образце. Однако вторая из этих организаций исключительна по своей сущности и, кажется, подтверждает, что подобная модель сотрудничества двух государств, имеющая целью формирование хороших отношений между народами, универсальна и ее можно применить к любой другой ситуации, в которой история тяжелым грузом ложится на попытки сотрудничества и взаимопонимания. Если пойти дальше, то такой вывод дает право выразить надежду, что и другие страны в благоприятствующих тому политических условиях решатся прибегнуть к данному инструменту, чтобы дать своим народам шанс на добродетельный диалог и преодоление болезненного прошлого ради успеха совместного будущего.

«ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ МОЛОДЕЖИ» — ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Беседа с Петром Вомелей, директором варшавского бюро ПНСМ

— Продолжают ли по-прежнему оставаться подлинными и живыми те политические мотивировки, которое привели к тому, что обе страны в 1991 г. подписали договор о добрососедстве и дружественном сотрудничестве, а вместе с ним и соглашение о создании «Польско-немецкого сотрудничества молодежи» как организации, организующей и поддерживающей контакты молодежи из Польши и из Германии?

— «Польско-немецкое сотрудничество молодежи» — это элемент внешней политики как Польши, так и Германии. При его создании с самого начала ставились политические цели. И именно политические мотивы определяют тот факт, что эта организация по-прежнему существует и финансируется обоими правительствами. Иными словами решения о финансировании существующего ПНСМ принимают политики, а политики принимают, естественно, политические решения.

— Истоки любого политического решения лежат в реальных обстоятельствах. Если развивать этот образ, то располагаются ли по-прежнему эти истоки в том же самом месте? Каким образом развитие отношений между Польшей и Германией, Польшей и Европой способствовало возникновению ПНСМ и как менялись цели самой этой организации с момента ее возникновения?

— Уже в первые годы существования ФРГ обмен молодежью играл там весьма существенную роль именно как орудие внешней политики. Речь шла о выходе из послевоенной изоляции, об усвоении демократических, плюралистических ценностей и терпимости. В 1963 г. возникло «Французско-немецкое сотрудничество молодежи». Несколько лет назад эта организация отмечала свое 40-летие. А мы в 2006 г. отмечаем наше 15-летие.

Что касается Польши, то тут на рубеже 90-х существовало некое чувство общности интересов Польши и Германии. Польша хотела войти в западноевропейские структуры — я имею в виду Евросоюз, — а также в НАТО. Германия выступала в ту пору — и здесь я воспользуюсь формулой, которая часто появляется в прессе, хоть и не знаю, была ли она на 100% правильной, но какая-то доля истины наверняка в этом сравнении присутствует, — так вот, Германия была как бы нашим адвокатом в польских притязаниях на европейскую интеграцию и на вхождение в зону безопасности, связанной с участием в Организации Североатлантического договора — НАТО.

Это стремление к сближению с Западной Европой было встречено в Германии доброжелательно, и «Польско-немецкое сотрудничество молодежи» оказалось в этих обстоятельствах вполне пригодным и полезным орудием.

17 июня 1991 г. вместе с договором о добрососедстве был подписан целый ряд самых разнообразных договоров, в силу которых возникли разные учреждения и организации, в том числе и «Польско-немецкое сотрудничество молодежи», но также и «Фонд польско-немецкого сотрудничества».

Возникновение «Югендверка» вполне вписывалось в атмосферу перелома и определенной переориентации польской внешней политики, ее ориентации на Запад.

И внешняя политика продолжает оказывать влияние на то, что ПНСМ и сегодня финансируются из польского и немецкого госбюджета и по-прежнему функционирует.

Целью этой организации было и продолжает оставаться создание прочных, фундаментальных основ для развития польско-немецкого сотрудничества и контактов между людьми. А теперь я воспользуюсь своего рода трионизмом: именно от молодых людей, вовлеченных сегодня в программы обмена, должна в будущем зависеть форма и характер польско-немецких отношений.

— ПНСМ существует уже 15 лет. Самые младшие участники обмена, тогдашние 15-летние подростки стали 30-летними людьми. Уже сегодня можно ожидать, что первые воспитанники ПНСМ, выполняя достаточно высокие чиновничьи функции и нередко занимая посты, где принимаются реальные решения, формируют польско-немецкие отношения на политическом уровне.

— Так оно по существу и есть. Я сам в бытность подростком принимал участие в польско-немецких проектах, осуществлявшихся в рамках начинаний Клуба католической интеллигенции. До 1989 г. именно такие организации старались выстраивать позитивные формы общения между поляками и немцами. Они не зависели от коммунисти-

ческого государства и не получали от него поддержки. Число церковных начинаний, ставивших перед собой такую цель, как польско-немецкое примирение путем педагогической работы с молодежью, заметно возросло после знаменитого письма польских епископов немецким (1966), с которым они обратились незадолго до конца II Ватиканского собора. Надлежит подчеркнуть, что в ту пору это были начинания, никак не зависевшие от тогдашних государственных контактов между ФРГ и ПНР.

Сегодня совсем иное положение. ПНСМ представляет собой исключительное учреждение на фоне других субъектов, действующих в пространстве польско-немецких отношений. Средства, которыми располагает ПНСМ, значительно больше, чем средства, предназначенные из госбюджета на развитие контактов с другими государствами.

— **Существуют ли попытки изучить эффективность того инструмента, каким стало «Польско-немецкое сотрудничество молодежи»?**

— Разумеется. Существует научная работа, опубликованная три года назад, редакторами которой были социологи Кшиштоф Коселя и Бернардетта Йонда*. Они исследовали жизненные позиции и установки молодых поляков и немцев. Картина, которая при этом вырисовалась, оказалась весьма позитивной для ПНСМ.

Авторы этой работы смело взялись за решение непростой задачи — провести исследования, касающиеся молодежи, которая уже приобрела известный опыт в сфере польско-немецкого обмена. Эти исследования подтверждают, что произошли положительные перемены в настроениях молодых немцев и молодых поляков по отношению друг к другу.

— **Связываете ли вы этот успех с действиями «Польско-немецкого сотрудничества молодежи»?**

— Безусловно. Вклад ПНСМ в развитие дружественных взаимоотношений между молодыми немцами и поляками нельзя не заметить. ПНСМ — монополист на этом «рынке», и не вызывает сомнений, что именно оно больше всего способствовало и продолжает способствовать изменению взаимных позиций и установок молодого поколения в обеих странах. Никакая другая организация не охватывает своими действиями такого большого числа молодых людей. Никакой другой польско-немецкой организации не выделяется такая большая дотация из госбюджета. Существуют, конечно, и другие учреждения, эпизодически поддерживающие польско-немецкие контакты молодежи или конкретные польско-немецкие проекты. Однако никто не делает этого в таких масштабах и с таким размахом, как «Югендверк». Можно сказать, что мы господствуем на рынке польско-немецких молодежных проектов.

— **Мы уже упоминали, что организационная модель «Польско-немецкого сотрудничества молодежи» была взята и перенесена почти один к одному с возникшего на пятнадцать лет раньше «Французско-немецкого сотрудничества молодежи». Создание этих организаций помогло навести мосты и преодолеть груз прошлого. Считаете ли вы, что такой образец удалось бы успешно применить и в случае наших ближайших восточных соседей?**

— Да. Модель ПНСМ была почерпнута — по крайней мере в своей структурной и институциональной части — из «Французско-немецкого сотрудничества молодежи». При создании ПНСМ за основу взяли именно этот опыт. Более того, образец польско-немецкого примирения в значительной мере базировался на модели примирения французско-немецкого. Эта модель представляет собой институциональный образец. Наше примирение шло через институты, а потому, разумеется, можно и даже стоит осуществить его пересадку на почву примирения Польши с ее восточными соседями.

Особый случай здесь — Украина. Прошу обратить внимание, что для возникновения таких организаций, как «Польско-немецкое сотрудничество молодежи» или «Французско-немецкое сотрудничество молодежи», важным было наличие у обеих сторон и общности интересов, и сильных мотивировок, и политической воли — без всего этого нельзя закладывать фундамент добрососедства. Знаменателен и тот факт, что возникновение «Польско-немецкого сотрудничества молодежи» связано с радикальной переменой в отношениях между Польшей и Германией — переменой, причиной которой стали демократические преобразования в Польше. И с другими переменами, причиной которых стало объединение Германии.

Со сходной ситуацией мы имели дело в случае «оранжевой революции». Были хорошо видны предпосылки, которые дополнительно обосновывали возникновение организации, подобной ПНСМ. Появилась и отчетливая мотивировка, и политическая воля. Не воспользоваться таким шансом и не включить наших восточных соседей в европейский диалог было бы стратегической ошибкой и, говоря просто по-человечески, это было бы нечестно перед нашими ближайшими соседями.

— **Будем надеяться, что политики не упустят шанс и внесут свой вклад в будущее отношений Польши с ее восточными соседями. Благодарю за беседу.**

Беседу вела Катажина Высоцкая

* Молодые поляки и молодые немцы в новой Европе. Коллективный труд под ред. Кшиштофа Коселя и Бернардетты Йонды (Институт изучения основ демократии). Варшава, изд-во IFiS Польской Акад. наук, 2005. На польск. яз.

ОТ ПОКАЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Беседа с Людвигом Мельхорном, бывшим диссидентом, инициатором польско-немецкого сотрудничества

— Примерно с 1960-х, — говорит Людвиг Мельхорн, — начался оживленный польско-немецкий диалог. Поначалу его вели, разумеется, лишь некоторые избранные круги: для более широких контактов в то время не было условий. Всё началось с некоторых текстов, которые появились в «Тыжднике повсехном», в журнале «Знак» — незадолго до послания польских епископов к немецким — «Прощаем и просим прощения», опубликованного в 1965 году.

— *Но что послужило импульсом?*

— Кому-то, видно, пришло в голову, что эти взаимоотношения надо нормализовать. Поляки и немцы — уже тысячу с лишним лет соседи, живут бок о бок. Всё это время культуры обоих народов взаимно-переплетались, влияли друг на друга, иногда оба народа совсем неплохо друг с другом сотрудничали. Всё диаметрально переменялось в XIX веке, когда начался расцвет национализма.

Прежде этого вообще не было. Например, в Средние века языком элиты общества была латынь, никто не мыслит национальными категориями. Вместе с национализмом с обеих сторон начал нарастать антагонизм.

— *Затем I Мировая война и ее последствия, для немцев скорее болезненные...*

— Да. В 1918 г. наступило возрождение Польши, государства, которое в понимании большинства немцев носило некий сезонный характер. Надо было принять к сведению, что эти земли утрачены, что на этой территории теперь будет независимое государство, что Восточная Пруссия оказалась отделенной от остальной страны. Всё это наслаивалось одно на другое. Ужасной кульминацией стало нападение на Польшу в 1939 г. и оккупация. Уже после войны людям мыслящим, умевшим смотреть в будущее, было не всё равно, сохранится ли такое состояние взаимной вражды или в конце концов его всё же удастся преодолеть. Следовало действовать, и к счастью, по обе стороны нашлись люди, желавшие что-то с этим сделать.

Во времена сталинизма, несмотря на разные культурные инициативы, из этого мало что могло произрасти. Это стало возможно только после 1956 г., когда в Польше начали действовать независимые от власти круги. На западе Германии тоже нашлись люди, первопроходцы, такие как Карл Дедечиус, на протяжении многих лет директор Немецко-польского института, основанного в 70-е годы, переводчик польской литературы, популяризатор польской культуры.

— *Были какие-то попытки установить контакты с Западной Германией, а как было с ГДР?*

— С ГДР действительно было сложнее. По понятным причинам.

— *Предпринимались ли какие-либо попытки наладить сотрудничество до 60-х годов?*

— Да, существовала организация, которая в какой-то степени и меня сформировала, — «Знаки покаяния». Главной ее целью было, чтобы немецкая молодежь оказывала помощь в странах, больше всего пострадавших от немецкой оккупации, то есть в Израиле и Польше. Например, собирали деньги и строили школу, делали что-то необходимое на местах. Эта идея начала осуществляться в 50-е годы, то есть еще до обмена посланиями между епископами.

Это было еще до возведения Берлинской стены, и немцы действовали еще вместе. Вначале помощь шла главным образом в Западную Европу, ибо ни власти Польши, ни власти Израиля не были тогда заинтересованы в таком сотрудничестве. Над всем еще брала верх подозрительность, были слишком свежи воспоминания о войне. Но страны Западной Европы довольно быстро стали открытыми.

— *Много ли людей участвовало в этом движении?*

— Несколькими сот. Массовой эта организация не была.

— *А она еще действует?*

— Действует, но в других формах. О ее деятельности можно было бы написать целую книгу. Например, храм в Тэзе, во Франции, где проходят молодежные и екуменические встречи, был построен волонтерами из «Знаков покаяния». От них исходила инициатива, часть средств, а главное, физический труд. На востоке Европы главной проблемой, конечно, оставался господствовавший там коммунизм. Во-вторых, немецкая оккупация на востоке была гораздо более жестокой и разрушительной, чем на западе. В-третьих, на западе еще до войны существовали контакты избранных кругов, благодаря которым многим странам после войны было легче открываться заново, а на востоке таких контактов было очень мало. В послевоенных контактах с Польшей вначале важнее всего было установить такие контакты, взаимно познавать друг друга, познавать культуру. Вторым важным вопросом — это Церковь и ее стремление к взаимопониманию обоих народов. Оба эти фактора впервые принесли политические плоды, когда Вилли Брандт

приехал в Польшу в декабре 1970 года. Это были последние дни Гомулки у власти, недели через две начались забастовки на Балтийском побережье. Примирением с немцами Гомулка хотел хоть немного восстановить свое уже сильно расшатанное положение. Несмотря на это визит Брандта был важным признаком перемен.

Однако еще не могло быть и речи о юридических шагах: Германия была разделена, а Польша находилась под контролем СССР.

— *Значит, это событие стало основой развития дальнейших контактов?*

— Да, потом временем еще некоторые люди продолжали выстраивать эти контакты. Люди, связанные со «Знаком», «Тыгодником повшехным», вроцлавским Клубом католической интеллигенции. Уже в начале 70-х сложились некоторые структуры совместной деятельности, сотрудничества, обмена — насколько тогда это можно было себе позволить. Мне в то время было двадцать лет, и я начинал в уже сформировавшейся структуре.

— *А как ты впервые попал в Польшу? Через «Знаки покаяния»?*

— Да, там у меня были контакты, и оказалось, что есть возможность поехать в Польшу. Моя первая поездка состоялась в 1970 г., в каникулы я поехал на две недели на Мазуры. Там была немецкая группа и студенты из Познани.

— *На чем строился этот лагерь?*

— Мы жили в местечке Свента-Липка, где есть старинный костел иезуитов, и помогали в приходском хозяйстве. Несколько часов в день работали физически, а в остальное время отдыхали и разговаривали.

— *И это были твои первые контакты с поляками?*

— Да. Труднее всего было понимать друг друга: мы не знали польского, а поляки — немецкого, и разговаривали мы через переводчиков. Спустя две недели на обратном пути я побывал дома у одного студента, меня приняли гостеприимно, хоть и не знали меня. Я себя чувствовал глупо: несмотря на две недели, проведенные в Польше, не могу сказать ни слова. И я решил, что, когда опять приеду в Польшу, то хотя бы несколько простых фраз сумею сказать. И начал учиться.

— *А в Германии вообще-то была такая возможность в то время?*

— Нет, я учил язык самостоятельно, без преподавателя. Тогда были такие пластинки, которые можно было найти в Берлине в Институте польской культуры. В их магазине продавались разные изделия народных промыслов, какие-то книги и вот этот курс польского языка: несколько пластинок и учебник — вот и всё.

— *И как у тебя получалось?*

— Сначала я ничего не понимал. Потом пошло всё лучше и лучше, я начал писать письма и открытки своим знакомым в Польше. Я старался писать со словарем, слово за словом. Через два года я уже начал читать «Тыгодник повшехный» со словарем. Ну и так постепенно я всё больше встал в польский язык.

— *А следующая твоя поездка в Польшу снова была с группой или уже индивидуально?*

— По линии обмена я ездил еще несколько раз, на протяжении всех студенческих лет, то есть с начала 70-х. Потом мы с Мартином Зембой организовали семинары. Кроме того, мы сами себе придумывали занятия по самообразованию. Дискуссии продолжались две недели, мы говорили уже не только о польско-немецких отношениях, но и о коммунизме, о его будущем, о нашей молодежи, ответственности и о том, что мы должны делать. Мы разговаривали обо всём, что тогда нас, молодых, интересовало.

— *А власти вам не мешали?*

— Позже — да, но тогда еще нет. Всё, что мы делали тогда, было весьма невинно.

— *Как долго продолжалась эта безнаказанность?*

— До 1976-го, но это связано с Комитетом защиты рабочих (КОРом). В то время я развернул в ГДР акцию помощи КОРу. И это стало началом проблем. Как я теперь узнал из своего досье в Штази, польские органы доносили на меня еще в связи с польско-немецким семинаром, в котором я принимал участие. Потом всё покатилося очень быстро. Подслушка, обыск, задержание. Еще немного, и я бы оказался в тюрьме.

— *Прервались ли тогда твои контакты с Польшей?*

— Мы стали более осторожны, в конце концов у поляков тоже были сложности. Мы стали осторожнее, но семинары по-прежнему устраивали, например, в 1978 г. провели один семинар в Силезии. Потом была «Солидарность». В 1980-м мы принимали участие в семинаре в окрестностях Перемышля.

— *И как вы узнали о том, что происходит?*

— Мы слушали «Свободную Европу» и пытались что-то уловить сквозь глушилки. Через несколько дней мы поехали в Тапры. Помню, в Закопане на автовокзале мы сели в автобус, и по радио, которое водитель включил на полную громкость, транслировали как раз подписание соглашения на Гданьской судовой верфи. Откликом были аплодисменты на всей площади, где стояли автобусы. Мой знакомый сказал тогда: «Это начало конца». Однако тогда еще никто не мог этого знать наверняка.

— *Что было потом?*

— Почти все 80-е годы я в Польше не бывал. Я был невыездным. Потом оказалось, что около 200 человек не выпускали за пределы ГДР. Я был одним из них и, чтобы выехать за границу, должен был подавать специальные заявления в милицию. Несколько раз даже получил разрешение, но каждый раз на границе меня заворачивали.

— *И до какого времени это продолжалось?*

— Кажется, в 1987 г. мне впервые удалось переехать границу. Я отправился вместе с группой артистов как переводчик. У них было разрешение, выданное министерством культуры, вероятно, не проверенное органами. Через неделю я отстал от них и возобновил свои прежние контакты в Варшаве, Люблине, Кракове. В 1988 г., то есть уже незадолго до конца режима, появились первые замыслы насчет создания польско-немецкого центра в Кшижовой*.

— *Кому пришла в голову эта идея?*

— С первыми замыслами насчет Кшижовой я познакомился в 1987 году. Люди, связанные с кругами Фонда Эбберта и немецких социал-демократов, решили, что следует как-то увековечить это место, хотя бы мемориальной доской. Но в то время эта идея была неосуществимой: инициатива исходила от правительства ФРГ, и это натолкнулось на нежелание польских властей. Не разрешалось тогда увековечивать память о немцах на Западных землях.

Однако было известно, что положение вскоре изменится и появится возможность что-то сделать. Заметно было и то, как меняется что-то в психологии моего, в то время молодого, поколения. И в психологии поляков, родившихся уже на Западных землях. Они сознавали, что историю региона, в котором живут, им надо принять целиком, а не только ее часть. Не только часть, выбранную коммунистической пропагандой. Кшижова со своей историей антигитлеровской оппозиции была символом, который мог объединять. В какой-то момент поляки обратились ко мне с вопросом: что такое Кшижова? Я не знал. Я знал, что такое Крейсау, но я не догадывался, что по-польски это Кшижова. История «Креста Крейсау» и вообще всей антигитлеровской оппозиции была для меня очень важна. Однако у меня история «Креста Крейсау» никогда не ассоциировалась с Польшей, с Силезией, с конкретным местом. Мне не приходило в голову, что я мог бы когда-нибудь туда поехать, увидеть этот дом на холме.

— *Что происходило с Кшижовой во времена ПНР?*

— После войны там создали госхоз. К счастью, некоторую память об этом месте сохранили местный священник Калужа и профессор из Вроцлава Кароль Йонца, который опубликовал много работ на тему семьи фон Мольтке и шире — о «Кресте Крейсау». Они старались сохранить хотя бы кладбище, которое было сильно разорено. Священник велел перенести фигуру Христа с кладбища — к церкви. Это был знак, что кладбище находится под покровительством Церкви. В проповедях священник рассказывал людям об истории этого места.

— *ПНР, как оказалось, вскоре должна была прекратить свое существование, и можно было начинать действовать.*

— В 1989 г. во Вроцлаве была организована международная конференция на тему Кшижовой. Это происходило как раз в уик-энд, когда проходили выборы в Сейм, начало демократических перемен в Польше. На конференции было около ста человек, примерно половина — из Германии, несколько человек — из США. Для меня эта конференция стала духовным крушением Берлинской стены, которая политически и физически еще существовала, но уже не играла никакой роли, по крайней мере для нас. В конференции участвовал Герхард Ром, голландский историк, который в 60-е годы опубликовал первую книгу о «Кресте Крейсау». Этой темой очень долго пренебрегали историки, которые, описывая антигитлеровскую оппозицию, имели в виду главным образом Штауффенберга, «Волчьего логова», военных и т.д. «Крест Крейсау», возможно из-за своего плюрализма, был менее известен, его было труднее описать и понять.

— *На этой ли конференции заговорили о создании фонда?*

— Нет, об этом тогда никто еще вообще не думал. Конференция носила исторический характер. Ее целью было также дальнейшее польско-немецкое сближение. Герхард Ром даже передал участникам конференции приветствие от президента ФРГ фон Вайцзеккера. Это было как своего рода одобрение всему тому, что мы делали, так и серьезная поддержка авторитетом президента, который и раньше активно занимался польско-немецкими взаимоотношениями.

— *А в это время в Польше шли дальнейшие перемены.*

— Уже через несколько недель премьер-министром стал Тадеуш Мазовецкий. Тогда никто этого не ожидал.

Потом моя связь с проектом Кшижовой на некоторое время прервалась. Это было самое горячее время не только в Польше, но и во всей Европе. В ноябре состоялась встреча Коля с Мазовецким в Варшаве, которая была прервана, ибо рухнула Берлинская стена, и Колю надо было быть на месте. Через несколько дней он снова прилетел на вертолете, специально на мессу в Кшижовой. О том, чтобы месса прошла там, постарались люди из Вроцлава. Коля очень хотел затронуть тему немецкого меньшинства, то есть ту тему, которая для коммунистических властей была запретной. Он хотел сделать это, организовав встречу в каком-то символическом месте. Вначале думали о горе св. Анны в Силезии, но символика этого места была двусмысленной. В 20-е годы там шли тяжелые бои между польскими повстанцами и немцами. В прессе и у рядовых немцев было мнение, что это может стать дурным знаком, напоминающим о том, что разделяло нас в истории, а не объединяло. В какой-то момент была даже опасность, что и сам визит будет отменен. Это было бы очень плохо: показало бы, что в польско-немецких отношениях всё заканчивается декларациями без продолжения. Тогда вроцлавяне подсказали немцам, что встречу можно провести в Кшижовой. «А что такое Кшижова?» — спросили немцы, и уже на следующий день началась подготовка. Туда быстро

* О Кшижовой, ее истории и сегодняшнем дне см. статью Мартина Яцковского в «Новой Польше», 2006, №10.

принялись свозить грузовиками песок, чтобы прикрыть грязь, белили разваливавшиеся постройки. Почти как потёмкинская деревня — что-то из ничего, всё на потребу телевидения, репортеров и т.п. Потом кто-то сказал, что тогда-то, в Кшижовой, и произошел перелом в польско-немецких отношениях. Политически эта встреча почти ничего не значила, но ее символическая ценность была огромной. В ходе этой встречи не был подписан пограничный договор, это произошло позже. Зато для будущего Кшижовой это стало очень важным событием: впервые в официальном коммюнике правительств Польши и Германии было сказано, что есть желание, что они хотят создать здесь центр, чтобы проводить встречи молодежи.

Немного позже, в декабре, во Вроцлаве провели вторую международную конференцию на тему Кшижовой и уже выбрали совет — зачаток будущего фонда «Кшижова». Постепенно, шаг за шагом, мы продвигались дальше. Это был тот период, когда в Польше набирала силу шоковая терапия Бальцеровича, зарождался капитализм. Распространились сплетни, что какая-то продовольственная фирма из Баварии собирается вложить средства и построить в Кшижовой скотобойню. У нас не было уверенности в том, правда ли это, но что-то надо было делать. В один прекрасный день вроцлавский Клуб католической интеллигенции из выступил с инициативой — выкупить у еще существовавшего там госхоза землю. На это требовалось около 10 тысяч марок — по тогдашним меркам в Польше это было довольно много. И тогда, в 1989 г., в Берлине учредили «Крейсау-Инициативу», которая должна была служить сбору средств на покупку этой земли. Годом позже, в 1990-м, уже на основании польского законодательства был учрежден фонд «Кшижова», а его учредитель, вроцлавский ККИ, передал фонду выкупленную ранее землю. То есть сначала был фонд, который располагал развалинами и множеством благих намерений, но был без денег.

— *Как вы решили проблему с деньгами?*

— Некоторые надежды возникли в результате той встречи Коля и Мазовецкого в 1989 г., когда они заявили о желании что-то здесь предпринять. Через год был создан Польско-немецкий Фонд, призванный служить инструментом в финансировании таких начинаний, как Кшижова. Фонд был задуман Колем, чтобы избавить Польшу от огромного долга, взятого в Германии Гереком. Долг был такой огромный, что выплата его — одновременно с борьбой против гиперинфляции и введением новой экономической системы — стала бы для Польши серьезным ударом. Требовать выплаты долга в таких обстоятельствах было бы политически безответственно, но с другой стороны, полностью от него отказаться тоже не хотелось. Тогда и возникла идея, что половина долга будет аннулирована, а вторая — разложена на 10 лет. Деньги, которые будут таким образом возвращаться, предназначались на совместные проекты в Польше. Так был достигнут всех удовлетворявший компромисс. Вот при каких обстоятельствах был создан Польско-немецкий фонд, который должен был заняться перераспределением денег, выплачиваемых Польшей. Правление фонда состояло наполовину из немцев, наполовину из поляков. Среди проектов, финансирование которых записано в уставе, оказалась и Кшижова, но на эти средства строились также больницы, церковные здания и вообще всё, что было тогда необходимо. Высказывались и упреки, что, дескать, все эти деньги идут на Западные земли, но это неправда. Десять лет спустя инвестиции в инфраструктуру завершились, и теперь Польско-немецкий фонд занимается только финансированием проектов, нацеленных на сближение обоих народов.

— *За счет чего теперь живет Кшижова?*

— Главным образом сдавая свои помещения. И в этом наша трагедия. Правительства задумали построить прекрасный объект — и всё. Официальное открытие состоялось в 1998 году. Присутствовали Бузек, Бартошевский, Геремек, Коль, была открыта выставка, посвященная борьбе с тоталитаризмом. В ходе строительства мы хотели сэкономить немного денег, отложить на будущее, необязательно использовать для отделки самые дорогие материалы. Но разрешения на это мы не получили. Потом уже, как всем неправительственным организациям, нам пришлось по каждому проекту обращаться за дополнительным финансированием.

— *Когда начался обмен молодежью?*

— Были структуры, были средства, и в 1992 г. началось строительство. Вначале это были только летние трудовые лагеря. Приезжали молодые немцы, жили в палатках и помогали местным жителям в их хозяйствах. Тогда и для госхоза надо было построить что-то взамен в близлежащем селе. А кроме того — отремонтировать несколько домов для тех, кто прежде жил во дворце. В семь сёл был проведен водопровод. Это была огромная инвестиция. Молодежь начала приезжать уже в обычном режиме в 1994 г., когда было сдано первое здание. Сначала мы хотели, чтобы Кшижова стала местом встреч не только молодежи, но потом нам пришлось, в согласии с замыслами правительства, сосредоточиться на этом единственном аспекте. Мы хотели, чтобы Кшижова была также местом памяти о сопротивлении, оппозиции времен диктатуры; еще были задуманы Европейская академия и — последний неосуществленный проект — экологическое хозяйство, центр консультаций для крестьян. Объем работы, можно сказать, перерастал нас.

— *Естественно, Кшижова — это очень важное место, и символически, и практически, но важно и то, что это сотрудничество, обмен между польской и немецкой молодежью прекрасно развивается и в этом участвуют самые разные организации.*

Беседу вел Мартин Яцковский

**Пшемислав
Гловацкий**

АНДЖЕЙ ВРУБЛЕВСКИЙ — ХУДОЖНИК «МЕЖДУ»

На многие годы художника заслонил миф, который начал создаваться сразу после его смерти при невыясненных обстоятельствах

23 марта 2007 г. исполнилось 50 лет со дня трагической гибели Анджея Врублевского. Когда он погиб, ему не было еще даже тридцати. То, что он успел создать, обеспечило ему место в истории польского послевоенного искусства. Популярность пришла к нему после смерти, когда был выставлен цикл «Расстрелы». С другой стороны, оказалось, что этот вроде бы хорошо известный художник продолжает оставаться загадкой. Обращаясь к его творчеству, находишь в нем всё новые ответы и всё новые вопросы. «Пожалуй, нет в польском искусстве другой фигуры, столь долго и постоянно присутствовавшей своим «отсутствием», как Врублевский. Присутствовавшей-отсут-

вовавшей еще при жизни, — пишет Ханна Врублевская. — Это отсутствие, или «нехватка» всегда играли большую роль — как в творчестве Врублевского, так и в восприятии его» («Сецессия. Журнал об искусстве, культуре и современности», №1 (6), 2007, февр.).

Сейчас уже не имеет значения, какова была причина этой внезапной смерти во время вылазки в Татры. Значение получили догадки, появившиеся с тех пор. То ли несчастный случай, то ли убийство. А может, он покончил с собой? В его записках заходит речь о самоубийстве. Смерть сопровождала Врублевского на протяжении всей жизни. Его творчество — как бы помост между умиранием и жизнью. Он принадлежал к поколению, которое знало смерть лучше всего. Сам он в войну был слишком молод, чтобы воевать. В тот момент, когда Врублевский формировался как человек, цивилизация была навсегда обещена. Но универсальный аспект всю жизнь будет переплетаться у него с личной трагедией. У него на глазах во время обыска их дома, который проводили немцы, умер отец. Однако кошмар войны — не единственный демон, которому ему как человеку и художнику приходилось противостоять.

В начале 90-х оказалось, что ведущая фигура польского послевоенного искусства остается неизвестной. Краковская галерея «Здежак» в 1993 г. издала сборник текстов Анджея Врублевского, составленный Яном Михальским, показавший художника в совершенно ином свете. В то время закупка краковским Национальным музеем «познанского» «Расстрела» («Расстрел II»), последней картины знаменитого цикла, вызвала настоящую бурю. Можно ли включать в национальную сокровищницу картину, столь близкую к соцреалистическому китчу? Потом были большие монографические выставки в Кракове и Варшаве и много других показов, демонстрировавших всё новые аспекты наследия этого «известного» художника.

Можно заметить, как вместе с возвращением фигуративности в живопись растет признание творчества Врублевского. 8 марта — 6 мая 2007 г. в варшавском Национальном музее прошла выставка «В 50-ю годовщину кончины Анджея Врублевского»*. Экспозиция была сосредоточена на избранных мотивах его творчества, показывая новые контексты и подчеркивая источники вдохновения, о которых раньше не говорилось. Остается вопрос: действительно ли Анджей Врублевский — настолько интересная фигура, чтобы упорно возвращаться к нему? А может быть, вопрос надо ставить по-другому: что такого актуального в творчестве Анджея Врублевского мы находим, из-за чего постоянно хотим к нему возвращаться? Сегодня свою связь с ним признают всё новые поколения художников, включая самое

* Благодарю комиссара выставки Иоганну Кордыяк-Пётровскую за сотрудничество и помощь при работе над этой статьей.

младшее, уже достигшее успехов (например Вильгельм Сасналь). На вышеуказанной выставке в Варшаве экспонировались цикл рисунков и инсталляции Дианго Эрнандеса, вдохновленные работами Врублевского. Почему этот молодой художник родом с Кубы обращается к творчеству, относящемуся, казалось бы, к совсем другому времени и другой культуре? Но разве к другой политической системе? Служат ли притягательным магнитом универсальные темы, которые поднимал Врублевский? Или, может быть, язык его работ, их содержание, оказавшееся вневременным? А может, он просто оказался очень актуальным?

Анджей Врублевский учился в краковской Академии изобразительных искусств. Там он встретил-

Анджей Врублевский с женой. 1953

ся с Анджеем Вайдой, который потом, после смерти друга, активно добивался признания уникальности его творчества. Прежде чем окончить Академию, Врублевский совершил поездку по Европе, побывал в знаменитых музеях и защитил диплом по истории искусства в Ягеллонском университете. Всю жизнь он осознавал традиции и перемены в старинном искусстве. В 1948 г. он принял участие в проходившей в Кракове I Выставке современного искусства. Это была первая и последняя столь мощная манифестация авангарда перед наступлением соцреализма. В то время, еще будучи студентом, Врублевский освоил язык модернистского искусства. В работах того периода («Композиция» — илл.2) он использует синтетические, простые формы. Цвет интенсивен и решителен, доминируют резкие контрасты чистых цветов. Такая колористика характерна для большинства его работ. Выставленные в Кракове работы Врублевского осциллировали между абстракцией и фигуративностью. Создатели экспозиции поставили себе целью сделать современное искусство доступным рядовому человеку — крестьянину, рабочему. Им казалось, что выполнить требования новой власти — это значит обратиться к языку самому новаторскому, но

корнями уходящему в достижения довоенного советского авангарда. Врублевский написал обширный текст, «разъяснявший» выставку, включился в дело со всем своим юношеским идеализмом. Выставка стала поражением. Дело не в откликах публики — в игре, которая тогда велась, человек значил всё меньше. Авангардистский язык искусства оказался неприемлемым, и власти закрыли выставку раньше намеченного срока. Надвигалось единственно правильное и единственно возможно искусство — социалистический реализм.

Однако, прежде чем перейти на сторону соцреализма, Врублевский создал самый знаменитый свой цикл — «Расстрелы». На краковской выставке было произведение, предвещавшее будущий цикл, — «Картина на тему ужасов войны» (илл.3). Зеленые туловища обезглавленных рыб на нейтральном белом фоне. Простой натюрморт через разрушение предмета передавал массовый ужас II Мировой войны. Такой же прием фрагментации появится во многих более поздних работах художника. Это мир, подавшийся распаду.

«Расстрелы» Врублевский написал в первой половине 1949 года. Картины, без которых не может обойтись ни одна сколько-нибудь серьезная ретроспектива польского послевоенного искусства, а репродукции которых служат теперь иллюстрациями в школьных учебниках, написаны кистью 22-летнего студента. Во время подготовки к посмертной выставке (1958), на которой они впервые были показаны публике как целое, им присвоили номера. Эти номера — результат ошибки. Выглядит логичным, что самые интересные картины созданы в самом конце. Чистое заблуждение! Потрясающая конфронтация палача и жертвы, т.е. «Расстрел с эсэсовцем», картина, которую Анджей Вайда видел в мастерской друга, носит номер VI, а написана, вероятно, первой. Сразу после нее написан самый знаменитый «Сюрреалистический расстрел» (илл.4), которому дали заключительный номер VIII. В первое мгнове-

ние нам кажется, что у стены поставлены в ряд мужчины перед расстрельным батальоном, которого мы, однако, не видим. Только присмотревшись, мы обнаруживаем, что Врублевский мыслит в этой картине кинематографически — использует кадры одной и той же киноленты.

«Расстрел VIII» — это расписанный на несколько фигур короткий рассказ о смерти одного человека, жертвы казни. Все происходит как будто в малую долю секунды. Это сам момент смерти. Первая фигура видит стреляющих палачей и стоящего поблизости ребенка, которого мы в свою очередь узнаём лишь по тени, тождественной его собственной тени. Мужчина сознает, что вот-вот будет расстрелян. Вторая и третья фигуры соединены пожатием руки — в момент, когда пуля достигает тела. Тело первой фигуры еще вмещается в рамки анатомической конструкции живого человека, тело второй — уже наполовину переломлено, вместе с тенью, которая одновременно меняет направление. Рукопожатие — это момент, та точка в доле секунды, когда человек умирает, еще сознавая, что происходит, хотя тело уже разрушено. Последняя фигура — это тело в состоянии анатомической дезорганизации, а поворот головы демонстрирует исчезновение сознания. «Расстрел VIII» — это, таким образом, самая суть расстрела, визуализация смерти жертвы, изображение времени, краткого момента, тем не менее обладающего своим нарративом: начало, кульминационная точка и конец. Это картина исключительная в истории искусства» (Пётр Пётровский. Значения модернизма. Об истории польского искусства после 1945 года. Познань, 1999). При общении с такой силой, содержащейся в композиции, на ум приходит знаменитое «Сотворение Адама» на своде Сикстинской капеллы. У Микеланджело между перстом Божиим и ладонью Адама в малую долю секунды вспыхивает искра жизни. У Врублевского помещенное в центр картины рукопожатие — это судорожная, обреченная на поражение попытка умирающего в этот момент человека удержаться в мире. Драму подчеркивают также цвет и нарративность композиции. Первая фигура твердо стоит на земле, она написана в реалистических цветах. Вторая сохраняет лишь телесность ладоней и стоп — остальное сделалось серым. За ней — с воздетыми вверх руками — контур человека зловещего голубого цвета. У третьей фигуры только стопы принадлежат миру живых. Четвертая, откровенно оторванная от земли, уже полностью отдана всеохватной голубизне. Фигуративные попытки передать кошмар войны во многих случаях оказывались плоскими и невыразительными. Анджей Врублевский выходит из них победоносно. Он не обращается к абстракции или экспрессионизму, как большинство западных художников. Его герои бесчувственны и равнодушны. Тем не менее этот цикл принадлежит к самым эмоциональным произведениям, возникшим как отклик на II Мировую войну. Ключ к загадке — в метафоричности этого как будто реалистического мира. В «познанском» «Расстреле» ее не достало. Почему в самом конце создается самое слабое произведение? Врублевский оказался тогда перед дилеммой выбора между сложившимся общественно-политическим положением и попыткой защитить свою художественную личность.

В 1949 г. Анджей Врублевский старается найти себя в обстоятельствах навязанного сверху соцреализма. Он выбирает «единственное верные» темы («Монтаж доменной печи» — илл.5), но в то же время поначалу стремится найти место для своего художественного языка. Однако в ближайшие несколько лет индивидуальности в Польше нет места. Небольшой рисунок «Стремление к совершенству» (1952, илл.6) на варшавской выставке был повешен между работами соцреалистического периода и гораздо больше говорит о терзаниях живописца, чем любой анализ его творчества. Маленькие человеческие фигурки взбираются по лестнице в бесконечность. Некоторые лежат на земле. Человек оказался непригодным, непригодны и его орудия. А картины того же периода — это свидетельства попыток справиться с современностью, и не только художественной. Попытки, окончившиеся поражением. Заводившие в тупик. Сегодня мы с крайней легкостью выносим приговоры относительно послевоенной истории. Некоторые видят ее исключительно в категориях белого-черного, хорошего-плохого. Мы восхищаемся теми, кто в конце 40-х ушел из художественной жизни, творил «в стол». Судьба Врублевского показывает, что черно-белый взгляд несправедлив. Мимо его соцреалистических картин мы проходим не только из-за их сомнительной художественной ценности. Их можно было бы счесть свидетельством запреданности режиму. Насколько сознателен был этот процесс у едва начинавшего свой творческий путь художника? У человека, который находился в апогее своих возможностей. Ему не хватало дистанции, которой мы теперь располагаем. Раздумья над собой пришли со временем. До конца своей жизни Врублевский сознавал, что потерпел поражение. Этот демон прибавился к галерее других призраков, преследовавших художника.

Между тем, в 1955 г. в Варшаве прошла Всепольская выставка молодого изобразительного искусства, известная под названием «Арсенал». Девизом выставки было «Против войны, против фашизма». Разумеется, она проходила под контролем властей, но стала первым лучом, предвещавшим отход от соцреализма. Этой выставке обеспечено место в истории польского искусства как первому признаку оттепели. Врублевский показал на ней картину «Матери» (илл.7), явно отличавшуюся от остальных работ — хотя бы решительной колористикой. Сейчас она висит среди работ, отобранных в «Галерею искусства XX века» в варшавском Национальном музее. В 1955 г. комиссия, щедро раздававшая награды после выставки, этой картиной пренебрегла. Первоначально картина называлась в соответствии с девизом выставки — «Антифашистки». Художник сменил название накануне открытия. Речь же тут не о войне — здесь важна жизненная сила, материнство, новая жизнь, собственный опыт художника, ставшего мужем и отцом. Разве что это все-таки логичный ответ на катаклизм, память о котором никогда не сотрется.

В последний период творчества Врублевский с хирургической точностью стремился раскрыть механизмы, управляющие человеком («Органический портрет» — илл.8). Жестокий биологизм — это вопрос о человечности. Физическое и духовное. В цикле, вдохновленном фигурой силача из «Дороги» Феллини («Дзампано IV» — илл.9), человек мощен, массивен, у него роскошные мышцы. А может, он всего лишь карикатура со своей головёнкой, насаженной на непропорциональное туловище? А может, это расчет с соцреалистическим образцом? Где же этот культ здоровья, силы и труда на пользу обществу? Остался только фигляр, показывающий свои фокусы, отданный во власть толпы. Возвращается мотив дезинтеграции. Наступает процесс распада на части. В эскизе «Голова» (илл.10) лицо утрачивает нос — художник отрезал его жирной красной линией. Остались лишь отдельные части тела. В гуаши «Ладонь» (илл.11) благодаря применению смыслового красного цвета большой палец перестает быть частью целого. Обычные предметы обретают магические свойства. «Рыба на красном фоне» (илл.12) превращается во вневременной знак, обладает не меньшей силой, чем созданные несколькими годами раньше «Рыбы без голов».

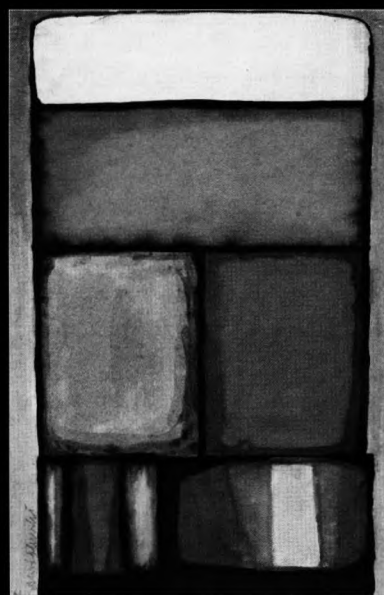
От дуализма истолкований работ Врублевского никуда не уйти. Так, как в серии монотипий «Надгробия». Человек и его предназначение. Смерть и жизнь. Жизнь как чувство, любовь, даже эротика («Женский торс II» — илл.13). Фигура становится простой, угловатой, лишенной человеческих черт. И еще иным способом она разрушается: ее пересекают горизонтальные шрамы, раны, линии («Тень Хиросимы I — илл.14). Надрезы точно так же характеризуют человеческое тело, как и материальность фона. Нет разницы между человеком и тем, что его окружает. Все подвергается деструкции. Мы уже не можем отличить, с чем имеем дело — с человеком или предметом («Рассаженная I — илл.15). «Врублевский наблюдал и показывал поведение людей, их маразм, сомнения, которые болезненно затрагивали и его самого. Банкротство его недавней веры в соцреализм не позволило ему захлебнуться модернизмом, как это было с большинством живописцев. Он созерцал унылое, провинциальное существование человека, притом наблюдал глубоко лично. Он использовал простейшие выразительные средства: схематический рисунок, четкую композицию, чистый цвет» (Ивона Люба. Год 1955-й. Варшава, 2005). Так, как на одной из самых известных его последних картин «Очередь продолжается» (илл.16). Сидят на стульях фигуры, а может, это люди, напоминающие стулья? Монотонный ритм, взгляд, устремленный в одну точку, которой мы уже не видим. Вместе с героями мы увязли в этой очереди.

По случаю I Выставки современного искусства Анджей Врублевский так писал о своих произведениях: «...его картины заурядны, видны издали, вблизи поражают своей выразительностью. Каждый шар или рыба конкретней, чем естественный предмет, например голова зрителя. Всё в этих картинах лежит на поверхности и самыми простыми словами кричат о радости и силе». Это описание отлично подходит к его поздним произведениям. Цвета — живые, они притягивают взгляд. Есть, однако, одно исключение. Они уже не говорят о радости и силе. Они говорят о молодом художнике, которому уже не до веселья. О художнике, запертом между своей биографией и современностью. Современностью его времени, но и современностью нашего мира.

1
Автопортрет с книгами. 1955.

Акварель, гуашь. 29,5х41,5 см. Национальный музей, Варшава.

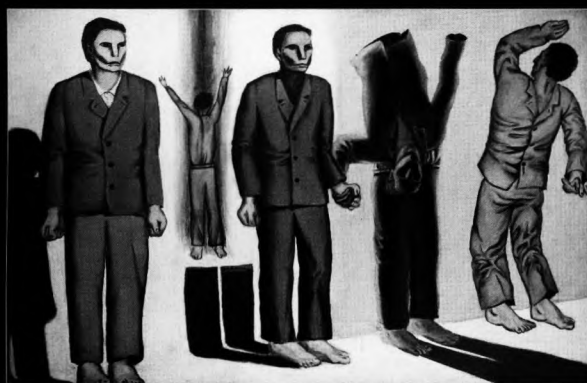
2
Композиция. 1948.

Акварель, гуашь. 28,8х18,5 см.
Национальный музей, Варшава.

3
**Картина на тему ужасов войны
(Рыбы без голов). 1948.**

Масло. 72х100 см. Люблинский музей, Люблин.

4
Сюрреалистический расстрел (Расстрел VIII). 1949.

Масло. 130х199 см. Национальный музей, Варшава.

**Анджей Вайда
ОБ АНДЖЕЕ
ВРУБЛЕВСКОМ**

(Избранные высказывания)

• Стоит ли, размышляя о жизни и творчестве великих художников, задумываться над тем, что было бы, если бы... Наверняка не стоит. Тем не менее многие годы ко мне возвращается вопрос, как развивалось бы не только знание искусства Анджея Врублевского, но даже сама его жизнь, если бы... Если бы в 1948 году, когда «Расстрелы», а тут же рядом «Вокзал на Западных землях», картины об ужасах войны («Рыбы») и несколько маленьких полотен, названных «Социальные неравенства», — если бы это собрание представляло Польшу на Биеннале в Венеции? Врублевский стал бы тогда предтечей новой фигуративности, отцом течения социальной критики в живописи, не говоря о родстве с великим искусством Гойи. (*Анджей Врублевский. Каталог выставки в Галерее живописи краковской Академии изобразительных искусств. Сост. Малгожата Гадомская. Краков, 2005*)

• Я с завистью смотрел на работу моего старшего товарища. Тогда я встретился с ним впервые. Я знал, что он изучает историю искусства, знаком с Тадеушем Кантором и другими модернистскими художниками, что для нас всех, для всех остальных было недоступной мечтой. А в 1948 г. Врублевский уже выставился с «модернистами», а его картину «Солнца и другие планеты» вывесили над входом во Дворец искусства на Щепанской площади. *(Лекция на открытии 1979/1980 учебного года в краковской Академии изобразительных искусств, неопубликованная машинопись. — Далее: Лекция 1979)*

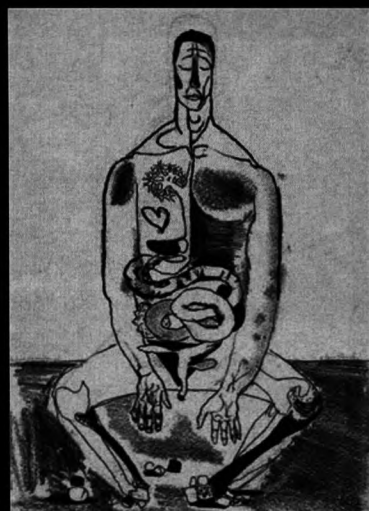
• Быть может, тот час, в течение которого я смотрел первый «Расстрел» Врублевского, был самым важным моментов в моей жизни. Быть может, тогда я отказался от живописи, чтобы искать себе другой, собственный путь. Быть может, тогда я понял то, что позже так ясно выразил профессор Мечислав Порембский: что наше поколение — поколение сыновей, которые могут рассказать судьбу своих отцов, ибо умершие уже не могут говорить. *(Лекция 1979)*

5

Монтаж доменной печи. 1953-1954.

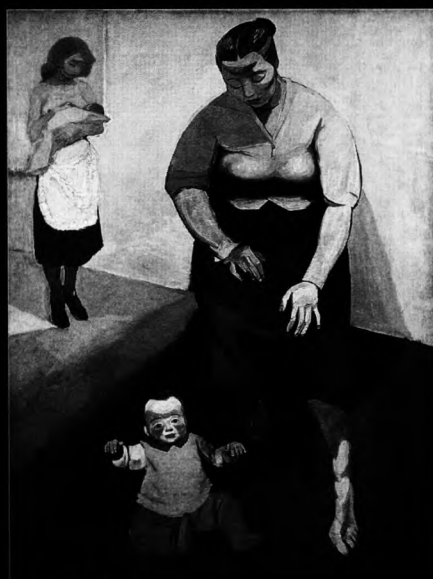
Тушь, размывка. 29,5x41,7 см. Национальный музей, Варшава.

8

Органический портрет. 1957.

Монотипия. 42x30 см.
Национальный музей, Варшава.

7

Матери. 1955.

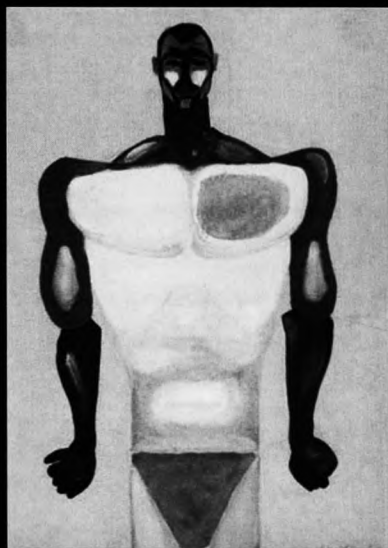
Масло. 180,5x135 см. Национальный музей, Варшава.

6

Стремление к совершенству. 1952.

Тушь. 29,2x41,7 см. Собственность семьи художника.

Дзампано IV. 1956.

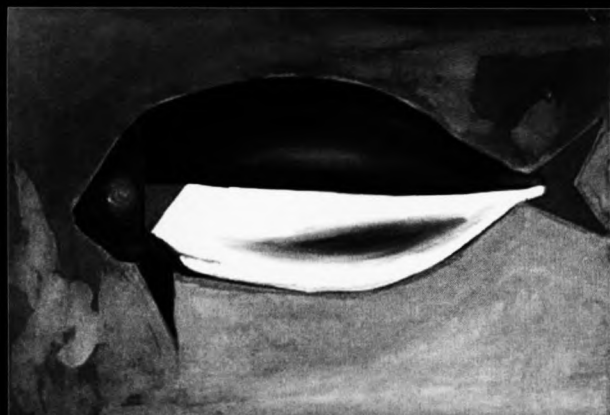
Гуашь, 42х30 см. Национальный музей, Варшава.

Ладонь. 1956.

Гуашь, 30х42 см. Национальный музей, Варшава.

• Анджей был человеком весьма ироничным. Все, что составляло настоящую тайну его поступков, он обращал в шутку. Он очень неохотно открывал свое настоящее лицо, не любил разговоров по душам и личных излияний. Однажды я спросил его: «Почему все фигуры убитых ты пишешь голубым?» Он ответил: «У меня большая туба берлинской лазури, а это, как ты знаешь, очень производительная краска». Я знал, что все умершие приходят к нему. Он не был в силах отгонять их, смерть сопровождала его неустанно. (Анджей Врублевский — известный. О живописце рассказывает Анджей Вайда. // Анджей Врублевский. Сост. Зофья Голубева. Варшава, 1998. — Далее: Вайда 1998)

Рыба на красном фоне. 1957.

Гуашь, 29,5х41,7 см. Национальный музей, Варшава.

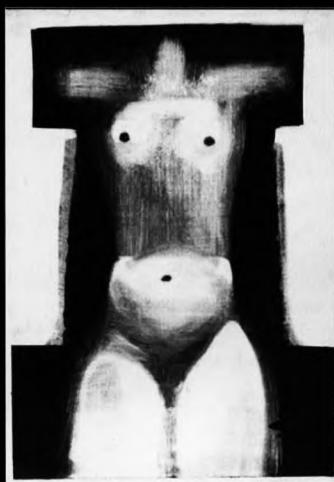
Голова. Эскиз к картине

«Голова мужчины на красном фоне». 1957

Гуашь, гуашь, 42х30 см. Национальный музей, Варшава.

• Из всех нас лучше всего сознавал терзавшие нас сомнения Анджей Врублевский. Он был упорным и бескомпромиссным искателем своего индивидуального жизненного и художественного пути. Поэтому он был обречен на одиночество. (Вайда 1998)

Женский торс II.
Из серии «Надгробия». 1957.
Монотипия. 42х30 см.
Национальный музей, Варшава.

Рассаженная I. 1956.
Акварель, гуашь. 42х30 см.
Национальный музей, Варшава.

Тень Хиросимы I. 1956.
Акварель, гуашь. 42х30 см.
Национальный музей, Варшава.

• Когда я пытаюсь понять, в чем состоят традиции польской живописи, Анджей Врублевский оказывается для меня единственным оригинальным польским живописцем, сформировавшимся после войны. Может, есть лучше его, но он один полностью осуществил себя самого и — по образцу великих художников прошлого — отдал жизнь за искусство. Его не сравнить ни с кем другим, так как кроме него никто в Польше не сумел создать картину, которая была бы сильнее и художественно убедительнее. (Вайда 1998)

Очередь продолжается. 1956.
Масло. 140х200 см. Национальный музей, Варшава.

• Анджей Врублевский — тот кого вам сегодня надо избрать образцом для подражания. Больше, чем когда бы то ни было мы нуждаемся сегодня в ощущении величия, ощущения настоящей свободы в искусстве и во всем, что мы делаем. Мы должны искать новых первообразов для нашей духовной жизни. (Лекция 1979)

Лешек Вонтрубский

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ КАРАИМЫ

Караимы, осевшие на землях Речи Посполитой и Литвы еще во времена великого князя Витовта, по сей день продолжают оставаться самой малоизвестной в Польше этнически-религиозной группой. Название «караимы» происходит от еврейского глагола «кара» — читать, декламировать. Изначально оно использовалось для определения религиозной общины и лишь с течением времени стало этнонимом отдельной национальной группы.

«Свой нынешний вид наша религия приобрела между VIII и IX веками на территории Ирака, — рассказывает мне в Тракае Михал Фиркович, председатель караимской религиозной общины в Литве и ее старший священнослужитель. — Мы народ турецкого происхождения, польско-литовские караимы. Наши братья по вере живут в Крыму, а также в Луцке и Галиче.

Во времена Второй Речи Посполитой в Польше проживало около тысячи караимов. В основном они принадлежали к четырем джиматам (общинам) в Троках [Тракае], Вильне, Луцке и Галиче или жили в диаспоре в Паневежисе и Каунасе. Во главе караимской религиозной общины стоял гахам (по рангу он соответствовал католическому епископу) Хаджи Серая Шапшал, которому подчинялись все газзаны — священнослужители, возглавляющие отдельные джиматы. Серая Шапшал был также известным исследователем и ученым, вице-председателем Польского востоковедческого общества.

Духовное управление караимов на территории Польши и Литвы с центром в Троках впервые было создано в 1857 году. Это было равнозначно обретению автокефалии, церковной самостоятельности. Действовавшие в довоенной Польше с

1936 г. законы об отношении государства к караимской религиозной общине официально подтверждали этот статус».

Потом, во время советской оккупации Литвы,

тракайская община насчитывала всего двадцать зарегистрированных пожилых членов. Молодежь и люди среднего возраста боялись возможных репрессий. Лишь в 1992 г., уже в свободной Литве, удалось воссоздать довоенное Духовное управление и возродить тракайско-вильнюсскую общину, которая в настоящее время остается единственной в этой стране.

«Караимское вероучение — рассказывает далее Михал Фиркович — заключено в книгах Ветхого Завета. Однако караимы, исповедующие религию Моисееву, реформированную в VIII веке Ананом [бен-Давидом]

из Басры, отвергли предписания Талмуда и раввинские комментарии, сохранив при этом все, что связано с обетованиями и учением пророков, — прежде всего монотеизм, мессианизм и нравственный кодекс. Кроме того, они признают Христа и Магомета своими учителями и пророками».

Караимские храмы, т.н. кенасы (в Литве обычно говорят кенесы — *Пер.*), строят алтарем на юг. С лицом, повернутым к югу, хоронят и умерших. Юг для караимов свят — ведь там находятся Месопотамия и Иерусалим.

Караимские богослужения совершаются сегодня в Литве только два раза в год. Раньше они совершались ежедневно, утром и вечером, потом их ограничили субботой. Сейчас служат только по большим праздникам. Отмечаются и праздники национального характера, поскольку караимы являются отдельной национальной группой.

Особенно торжественно в былые времена отмечался праздник урожая (дожинки). В тракайской кенасе до сих пор висит дожиночный венок, сплетенный в 1938 году.

Сегодня на караимские богослужения, которые совершаются попеременно в Тракае и Вильнюсе, приходят 40-50 человек. Литургическими языками продолжают оставаться караимский и турецкий. К сожалению, молодежь их не понимает: даже между собой молодые люди уже не говорят на языке своих отцов и дедов.

Однако старые караимы не сдаются. С некоторых пор они ведут занятия в открывшихся в Тракае и Вильнюсе субботне-воскресных школах. Им очень хочется, чтобы их дети как можно дольше и как можно более верно сохраняли свои национальные и религиозные традиции.

В караимском храме нет изображений Бога. Караимы соблюдают Десять заповедей, одна из которых запрещает изображать Творца. Мужчины и женщины молятся отдельно. Подобно другим восточным народам караимы практикуют обрезание. В совершённых грехах они исповедуются только Всевышнему, а не священнослужителю. Кроме того, они приносят ветхозаветные жертвы. Раньше это был, как правило, баран, чье мясо предназначалось беднякам и священнослужителям. Сегодня этот обычай в Литве совершенно исчез. Зато удалось сохранить свадебные традиции.

«В настоящее время в Литве есть только два действующих храма, — продолжает Михал Фиркович. — Я имею в виду кенасы в Вильнюсе и Тракае. Вильнюсскую кенасу начали строить перед I Мировой войной. В советские времена она была национализирована. Сначала в ней хотели разместить библиотеку, однако в конечном итоге

она на долгие годы стала архивом службы геодезии. К счастью, ее не превратили в склад.

Нам ее вернули только в 1988 году. Одновременно мы получили от правительства деньги на ее ремонт. Сегодня в нашей кенасе есть алтарь и удобные скамьи.

Тракайская кенаса значительно старше — она была построена еще в XVIII веке. В ней до сих пор стоит памятный шкаф, подаренный нашей общиной тогдашним президентом Польши Игнацием Мостицким. Изначально в этом шкафу должны были храниться грамоты, подтверждающие привилегии, дарованные в прошлом караимам польско-литовскими монархами. К сожалению, сегодня он пуст. В настоящее время все документы хранятся в Вильнюсе, в Академии наук.

Наш тракайский храм оставался действующим на протяжении всей немецкой и советской оккупации. Немцы признали караимов этническими потомками тюркских племен. Советские власти тоже старались сохранить нашу небольшую религиозную группу, чтобы она могла служить доказательством свободы вероисповедания в бывшем СССР и свидетельством «истинной социалистической демократии». Однако это вовсе не мешало КГБ заносить верующих в свои картотеки, чтобы таким образом держать их под контролем».

Михал Фиркович — автор караимского молитвенника, изданного в 1993 году. Сейчас он работает над учебником караимского языка. Он очень хочет, чтобы у молодого поколения караимов была возможность изучать язык своих предков. Караимы доброжелательно относятся ко всем людям, в том числе и к представителям других конфессий. Они никого не критикуют. Они считают, что каждый имеет право избрать свой собственный путь.

Эльжбета Савицкая

ВИЛЬНЮС ПО ВЕНЦЛОВЕ

Чеслав Милош не раз с улыбкой говорил о литературной мафии европейцев в Америке. В нее он, кроме себя самого, зачислял Станислава Баранчака, Иосифа Бродского и Томаса Венцлова.

Не знаю, что думают русские о Венцлове* — литовском поэте, преподающем славянскую литературу в Йельском университете. В Польше он известен и ценим. Широкий отклик получил опубликованный в 1979 г. в парижской «Культуре» «Диалог о Вильнюсе» Милоша и Венцловы, касавшийся болезненного и щекотливого вопроса — польско-литовского спора о Вильнюсе. Оба хотели положить конец конфликту, и их заслуга состоит в том, что они стремились улучшить польско-литовские отношения, причем тогда, когда лишь немногие верили в крушение тоталитарной системы.

Литовский поэт писал: «Вражда между нашими народами кажется мне чудовищной глупостью, и я хотел бы думать, что мы ее преодолели». Такой подход в то время не был популярен на берегах Вилии (Нерис) и Немана. Патристически настроенным соотечественникам Венцловы не нравились подобные суждения, его почитали полономфилом, а заодно юдофилом и русофилом. Поэт мужественно переносил приговоры «истинных литовцев», несколько посмеиваясь над ними. Чувствовалась, однако, горечь, когда он признавался, что в Польше его знают лучше, чем на родине. Мне было крайне интересно прочитать его книгу о Вильнюсе, написанную в совершенно другие времена и в совершенно других обстоятельствах, а вдобавок адресованную иностранцам. Рассказ о Вильнюсе заказало поэту издательство «Зуркамп»: в 2009 г. Вильнюсу предстоит быть «культурной столицей Европы», и предусмотрительные немцы готовятся к этому заранее. Одновременно с немецким вышел и польский перевод книги. Я не разочаровалась. Книга написана с основательным знанием темы, при этом эрудиции писателя сопутствует ирония, негромкий юмор и восприятие смешной стороны различных исторических и жизненных ситуаций.

Венцлова представляет культурную историю Вильнюса от языческих истоков до нашего времени. От святых змеев до Речи Посполитой Обоих Народов, разделов, времен Мицкевича и Словацкого — вплоть до Пилсудского, Желиговского, Сметоны, шяулисов и могил евреев, уничтоженных в Понарах. И, наконец, от Советской Литвы до «Саюдиса» и Витаутаса Ландсбергиса. Поэт описывает события с точки зрения литовца, но прежде всего — европейца, способного хладнокровно взглянуть на сложную, драматическую историю литовской столицы и изначально чуждого любому национализму. В рассказе о Вильнюсе не могло обойтись без упоминания Муравьева-вешателя. «Его мощная, тяжелая фигура в парадном мундире стала пугалом не только для виленчан, но и для самих русских», — констатирует Венцлова. Ненавистный генерал-губернатор вешал, ссылая в Сибирь, жег деревни, конфисковал имения, закрывал костелы. Он изменил облик Вильнюса: приказал отремонтировать старые и построить новые церкви, чтобы изгнать из города «фримскую заразу». Вильнюс православных крестов и сияющих церковных куполов увидел и воспел в стихах Тютчев.

Обширную и крайне интересную главу посвятил Венцлова Вильнюсу — столице Советской Литвы. Эта часть рассказа становится очень личной, написанной с позиции свидетеля и участника событий — до тех пор, пока советская власть не вышвырнула поэта с родины. Тех дней, когда Литва обретала независимость, он не мог наблюдать вблизи: несколько раз он пытался поехать, но КГБ успешно ограничивало поездки эмигрантов в Литву. Побывать в Вильнюсе в те горячие дни ему удалось только один раз. На «Саюдис» и Ландсбергиса («он показался мне не столько демократом, сколько русофобом») он глядел без иллюзий.

А потом... Потом кончается история и наступает современность: «В ней всё может случиться, однако уже теперь можно сказать, что старомодный национализм в Вильнюсе не одержал настоящей победы: в атмосфере свободы стало ясно, что он не всемогущ».

Литовский поэт, житель милошевской «родной Европы», пишет эти слова с откровенным удовлетворением.

Томас Венцлова. Описать Вильнюс. Пер. [на польский] Анна Кузборская. Варшава, «Зешиты литерацке», 2006.

* На вопрос Эльжбеты Савицкой мы можем ответить, что в России издана книга стихов Томаса Венцловы «Граненый воздух», книга «Статьи о Бродском», сборник публицистики «Свобода и правда», в Вильнюсе по-русски вышла книга «Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе» (частично повторяющая вышедшую в США книгу «Неустойчивое равновесие»); вышла в переводе на русский его научная биография, написанная Донатой Митайте, и книга ее интервью с друзьями поэта; в 2001 г. журнал «Старое литературное обозрение» опубликовал большую подборку материалов «Чеслав Милош — Томас Венцлова. Диалог о Восточной Европе», где, в частности, опубликован и «Диалог о Вильнюсе» (под заголовком «Вильнюс как форма духовной жизни») в пер. А.Израилевич. Литовский поэт широко публикуется в российских журналах, сборниках статей и на сайтах русского Интернета. — *Ред.*

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Как ни парадоксально, этот акт культурного нигилизма совершен во имя национальных и католических ценностей. Впрочем, это уже не первый подобный случай в карьере министра Гертыха», — пишет историк литературы проф. Мария Янион. Ее слова стали реакцией на новую школьную программу по литературе, предложенную министром национального образования Романом Гертыхом. Из школьного «канона» исчезли многие выдающиеся представители мировой литературы (Достоевский, Гете, Джозеф Конрад) и еще больше — польской (Гомбрович, Виткаций, Герлинг-Грудзинский). Вместо них добавлены книги большей частью анахроничные, зато, по мнению министра, патристические. «Исключенные из программы писатели были прежде всего мастерами вопросов, — пишет далее Янион. — Благодаря им люди страдающие и думающие, то есть все люди, могут узнать, как понять и высказать драму своего существования (...) Конечно, массовая культура может убрать этот трудный мир из поля зрения и заменить его едиными схемами легкого утешения. Писатели, предложенные вместо исключенных, не потрясают читателя и благодаря этому дают ему иллюзорное ощущение безопасности (...) Разумеется, намеченная чистка в «каноне» литературы неизбежно выставит министра Гертыха в смешном свете». (В следующем номере мы напечатает интервью с Виктором Ерофеевым, посвященное этой теме.)

• Лауреатом премии им. Дедециуса за перевод польской литературы на немецкий язык стал Мартин Поллак. Недавно по-польски вышла его книга «После Галиции». «Галиция всегда была для меня тройной метафорой, — пишет Поллак. — Для австрийцев она часто означала многообразие, на которое они смотрят с некоторой ностальгией. Кроме того, она стала метафорой войны и жестокости, так как в I Мировую войну галицийский фронт был невероятно кровавым. Третья метафора, присутствующая и в польском мышлении, — это галицийская бедность (...) В начале 80-х я поехал в

Польшу, чтобы рассказать о первых забастовках, но меня завернули в аэропорту. Я, эксперт по польским проблемам, сидел в Вене, а в Польшу поехать не мог... Поэтому мне пришлось найти себе другое занятие. Чтобы не слишком далеко отходить от своей тематики, я выбрал Галицию. В последнее время я начал немного заниматься украинской литературой и был изумлен, как много в ней можно найти от Галиции. После советского периода она внезапно появилась вновь. Необязательно в ностальгическом ракурсе».

• Премии польского ПЕН-Клуба им. Ксаверия и Мечислава Прушинских удостоился Кшиштоф Помян, выдающийся философ, уже долгие годы живущий и преподающий в Париже. «Еще почти полвека тому назад Помян заметил и угадал распад «научного мировоззрения», то есть пресловутого «большого нарратива», и сделал из этого распада два фундаментальных вывода, — сказал в похвальном слове проф. Анджей Менцвель. — Первый из них таков: «большого нарратива» уже нет и никогда больше не будет. Научные и мистические мировоззрения, объединяющие в единую систему космическое, биологическое, историческое и личное время, относятся к области мифа, а не знаний, и должны там оставаться. Второй вывод... Если тотальные нарративы невозможны и нежелательны, то локальные или частичные синтезы необходимы и обязательны — в том смысле, что их создание — это долг критически мыслящего и пытливого ума».

• «Павел Дунина-Вонсович — известный критик и издатель, но прежде всего неутомимый летописец польской культуры, создаваемой теми, кто родился после 1960 года, — пишет Войцех Орлинский по случаю выхода «Ламповых бесед» этого автора. — Языковой аспект этих бесед кажется мне наиболее интересным, ибо показывает важную особенность этого поколения, которую, пожалуй, никому прежде не удалось так метко и синтетически определить. Это поколение революционеров, радикально сражающихся за гашековский «уме-

ренный прогресс» (...) поколение бунтарей, избегающих вульгаризмов». (Обширную статью об этом мы опубликуем в следующем номере.)

• На первое место в списке бестселлеров вернулась Иоанна Хмелевская со своим новым юмористически-остросюжетным романом «Зажигалка». Второе место занимает «Красная горячка» Анджея Филипука — сборник одиннадцати новых рассказов, темой которых стали путешествия по польской истории. По-прежнему высокие места в списке занимают книги Рышарда Капустинского, а в категории документальной литературы лидирует новое издание «Польши Пястов» Павла Ясеницы. «Молодому поколению польских читателей пришлось ждать этого издания очень долго. Первое стало одной из величайших издательских сенсаций послевоенной Польши. А автор умер, затравленный истерически выкрикиваемыми обвинениями Владислава Гомулки», — пишет Анджей Ростоцкий. Переизданию книги препятствовал спор об авторских правах между дочерью Ясеницы и потомками его второй жены, которая оказалась агентом, подосланным к Ясенице госбезопасностью ПНР.

• Недавно в конец списка самых читаемых книг попал роман Анны Янко «Девушка со спичками», «очень зрелая и мудрая книга о женщине, которая хотела быть любимой», — пишет все тот же Анджей Ростоцкий. — Стоит прочитать ее, чтобы убедиться, как мужчины умеют ранить — по глупости и из мужского эгоизма».

• «Ночь музеев» уже прочно заняла свое место в культурном календаре поляков. В этом году в музеи пришлось особенно много варшавян, но и в других городах не было недостатка в посетителях. «Ночь музеев» дает возможность в неповторимой атмосфере посмотреть самые крупные выставки или заглянуть в те места, куда посетители заходят намного реже. Благодаря этой атмосфере и приятному обществу искусство становится ближе людям, а определение «массовое восприятие» утрачивает свое недавнее пренебрежительное значение.

• Своими размышлениями по поводу выставки «Мавзолей», организованной в подземельях почетной трибуны перед варшавским Дворцом куль-

туры и науки, делится Дорота Ярецкая: «На самом деле это последние минуты фикции, порождаемой соцреалистической фабрикой грез (...) Площадь Парадов должна заполниться другими, новыми зданиями (в т.ч. зданием Музея современного искусства) — тогда дворец тоже станет обычным зданием и утратит свою зловещую мощь. Художники вернутся туда, но не на свой страх и риск, а по приглашению на выставки в Музее современного искусства. Пространство будет упорядочено. Пока что мы еще находимся в состоянии хаоса и свободы: искусство ходит, где хочет. Каждый должен пойти туда и ощутить этот хаос на собственной шкуре, прежде чем на площадь придет цивилизация».

• «Документальный фильм интереснее художественного», — пишет Томаш Любельский. — В последнее время у этой точки зрения все больше сторонников. Их могло стать еще больше после недавно завершившегося Краковского кинофестиваля. Никогда нельзя предсказать, какая позиция возьмет верх на очередном краковском фестивале (...) Год назад здесь преобладал классический документальный фильм, стремящийся к максимальной достоверности. В этом году царили экстравагантность и непредсказуемость. Казалось, и кинематографистам, и зрителям надоел серый цвет мира, требующего вмешательства. На этот раз первую премию получил студент третьего курса Рафал Скальский за фильм «52 процента». Его героиня, 11-летняя Алля, мечтает поступить в знаменитую петербургскую Академию русского балета. Фильм был создан в рамках польско-русского кинопроекта (...) Новинкой фестиваля стал впервые проведенный конкурс полнометражных документальных фильмов. Здесь Гран-при завоевал голландский фильм Йерена Беквенса «Джимми Розенберг — отец, сын и талант»».

• В этом году победителем торунского театрального фестиваля «Контакт» стал латвийский режиссер Алвис Херманис. «Херманис в театре не убивает. Это единственный принцип, помимо этого у него нет своего стиля», — пишет Иоанна Деркачев. — У него нет образцов и учителей. Нет и конкурентов (...) Театр Херманиса — это театр сочувствия без пустой сентиментальности, театр волнения без китча, театр неожиданности, социальной восприимчивости, антропологических поисков».

• В Кракове на 84-м году жизни скончался профессор Виктор Зин, известный широкой публике по одному из прекраснейших телевизионных циклов «Пёрышком и угольком», — «ученый, архитектор, реставратор и знаток памятников старины, но прежде всего хранитель народной памяти, который, как никто другой, понимал суть польскости и «пёрышком и угольком», подобно мицкевичевскому подсвечнику, спасал память о духовных ценностях, которые делают Польшу Польшей, выполняя древнее правило: учить и в то же время восхищать», — написал в некрологе профессора министр культуры и национального наследия.

• В Новом-Месте-на-Пилице, на территории бывшей авиабазы, за 100 млн. евро из европейских и польских фондов будет построен киногородок. Есть уже даже проекты фильмов, которые будут там сняты: картина Юлиуша Махульского о Яне Новаке-Езёранском и два фильма о Варшавском восстании. Договор о строительстве киностудии в Новом-Месте был подписан в присутствии премьер-министра Качинского, который сказал: «Я уже не в первый раз встречаюсь с кинематографистами ради благого дела. У государства есть обязанности перед искусством. Мы знаем это и будем эти обязанности выполнять, сознавая, что оценка власти зависит и от нашей активности в этой области».

• На 29-м Московском международном кинофестивале Даниэль Ольбрыхский был награжден премией им. Константина Станиславского. Премия присуждается за творческий вклад в развитие мирового кино и реализацию принципов актерского метода Станиславского. Сейчас Ольбрыхскому 62 года, а в кино он дебютировал в 1962 году. Уже спустя два года он сыграл Рафала Ольбромского в «Пепле» Анджея Вайды, став затем одним из любимых актеров знаменитого режиссера. Ольбрыхский играл в «Пейзаже после битвы», в «Свадьбе», в выдвинутой на «Оскар» «Земле обетованной» и в «Барышнях из Вилька». А еще он был Азией Тугайбеевичем в «Пане Володыевском» и Анджеем Кмитицем в «Потопе» Хоффмана. В театре он играл Гамлета, Отелло, Макбета. Среди лауреатов премии им. Станиславского есть такие мастера, как Мерил Стрип и Джек Николсон. В этом году конкурентами Ольбрыхского были Дастин Хоффман и Джон Малкович. Премию польскому актеру вручил на церемонии закрытия фестиваля Клод Лелюш. Редакция «Новой Польши» от всей души поздравляет Даниэля Ольбрыхского с этим радостным событием.

Иоанна Арашкевич

ФОЛЬКЛОР В ПОЛЬСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКЕ

Фольклор — это, как мы знаем, традиционная, прежде всего простонародная культура какого-то сообщества или нации. Несомненно, это одно из самых интересных явлений в музыке — разумеется, не только популярной, потому что всем нам хорошо известны классические сочинения, которые мелодикой, мотивами или самой структурой привязаны к народной культуре (в Польше это, в частности, произведения Зигмунта Носковского, Кароля Шимановского, Витольда Лютославского). Следовательно, «фольк» означает «народный», и весьма знаменательно, в какой степени и в каком направлении эволюционирует на протяжении последнего полувека та разновидность эстрадно-развлекательной музыки, которая называется «фольком». Многие рок-музыканты заинтересовались этой музыкой и стали выстраивать новую моду: первым делом — на исполнение народных сочинений в стиле рока, а позже — на сознательное создание музыки, вдохновленной фольклором.

Пожалуй, самой выразительной и вместе с тем первой главой, с которой эта тема начинается, можно считать сочинения ныне уже покойного Чеслава Немена, а также группы «Скальды». Я умышленно называю их рядом, потому что их творчество пришлось на один и тот же период. И Немен, и «Скальды» по-своему демонстрировали своеобразное и вместе с тем очень простое сочетание поп-рока с народной песней. Культивируемый ими стиль делал первые шаги в 60-е годы XX века, причем как в том, так и в другом случае стал символом польской эстрадной музыки в целом.

Чеслав Немен пел польские и русские народные песни в новых обработках, западные хиты и собственные сочинения — «Знаю, что ты не вернешься», «Игра в прятки», «Помнишь ли ты меня еще», «Время как река» и многое другое. Они были изданы в подборках «Звезды сильного удара»* и «Сон о Варшаве». Творчество Немена невозможно классифицировать в упрощенных категориях эстрадно-развлекательной музыки, где самый главный критерий ценности — пробивная сила данного сочинения, его способность стать хитом и место в рейтингах. Прекрасно распознаваема и очень характерна неменовская мелодика, вытекающая из его дифференцированного в звуковом отношении и богатого диапазона голоса, а также из отличной вокальной техники. Неповторим тембр его голоса с кристально чистой интонацией и благородной окраской. Каждый мотив, фраза восхищают безукоризненной интонацией, интересной, очень разнообразной фразировкой и артикуляцией. А самый существенный аспект — это, пожалуй, слияние музыки с содержанием поэтического текста, потому что почти каждое произведение Немена можно назвать поэзией.

Истоки Чеслава Немена — в том течении, которое находилось под сильным впечатлением от квазифольклорного репертуара. На зарубежных выступлениях публика почти без исключения принимала артиста очень горячо. Но в зрительном зале там собирались, как правило, приверженцы самых изысканных, авангардных тенденций, составлявшие незначительную часть всей массы потребителей музыки. Запись грампластинки с русскими песнями была в большей мере коммерческим, нежели творческим предприятием, однако внимание на нее обратили лишь любители фольклорной музыки, а сам Немен не был заинтересован деятельностью исключительно в этом узком направлении.

Посему он выбрал рок, добившись здесь успеха своими пробивными песнями-хитами. И, несмотря на то, что на последующих этапах творчества он выходил далеко за рамки языка рока и поп-музыки, его и дальше продолжали воспринимать как создателя поп-музыки и в средствах массовой информации оценивали именно в таких категориях. Немен, не раз ломавший барьеры между попом и классической музыкой, Немен, эволюционировавший от эстрадной песни к поющей поэзии, остается глубоко творческой фигурой, исключительной и неповторимой во всей польской рок-эстрадной панораме.

* В 1960-е в Польше вошло в обиход собственное определение рок-н-ролла — big-beat, которое затем перевели на польский как «mocne uderzenie», «сильный удар». — *Здесь и далее прим. пер.*

Ансамблем, в чьей музыке тематика региона Татр и Подгалья была имманентным качеством, а не конъюнктурой или модой, была группа «Скальды». Решающую роль тут, несомненно, сыграл тот факт, что основатели «Скальдов», братья Анджей и Яцек Зелинские, вели свой род от закопанской семьи гуралей*.

Почти с самого начала деятельности «Скальдов» как в музыке, так и в текстах этого ансамбля слышно отчетливое влияние гуральской музыки. Первым широко известным сочинением этого типа была относящаяся к 1965 г. песня «Убегай, убегай» на слова Л.А. Мочульского, в которой можно найти отсылки к известной гуральской мелодии «Кохда Яницька вели с Лестоць». Непосредственно от напева разбойничьего марша «Подем, хлѣпцы, подем куролесить...» отталкивается более позднее сочинение Зелинского и Мочульского — «На верхуску», забавный текст которого был еще и выдержан в духе стилизованного гуральского диалекта, что у «Скальдов» случалось нечасто:

*Близко неба стоять Татры,
дощик льется, дуют вятры...
Ля, ля, ля...
Не в охоту мне работа
Хоть с утра, хоть вецерком —
эй, залезу на верхуску,
буду я нацяльником, эй, нацяльником.
Напису я прямо в волость
да красивые бумаги:
эй, взгляну только на звезды,
остальное само станет, само станет.
Стоб путю не пересли мне,
не месали так стоять, —
эй, куплю сябе я сляпу,
буду вом поклоны класть, вом поклоны класть...*

Отсылки к гуральской музыке «не напрямую» встречаются у «Скальдов» чаще — так, например, в песне «Нарисованный дым» Зелинский обращается к мелодиям Подгалья, вдохновившись творчеством Кароля Шимановского.

Квинтэссенцией гуральского духа в музыке «Скальдов» и, может быть, самым значительным произведением за их 15-летнюю деятельность стало вокально-инструментальное сочинение «Криваню, Криваню»**. В этом 20-минутном сочинении Анджей Зелинский взял за основу старый гуральский мотив, слова к которому написал в начале XX века поэт Казимеж Пшерва-Тетмайер:

*Криваню, Криваню високий!
Мчат, плывут с-под тебя потоки
Так и слезы мои льются, как онй,
эй, слезы мои — не оплачены мне.
Криваню, Криваню, ты висока!
Мчат да плывут над тобой облака...
Так и мысль моя течет, как оне,
эй, мысли мои, изменившие мне.*

* Гуралы — название жителей горных местностей польских Татр; от соседей с равнин и предгорий их отличают обычаи, культура, облик и характерный «шепелявый» диалект; кроме того, им присуще сильное чувство территориального и группового своеобразия, а также раздробленность на более мелкие группы.

** Кривань — вершина в Высоких Татрах, в Словакии, выс. 2494 м; воспевается в народных песнях и легендах.

Схожим образом гуральская тематика попала и в молодежную музыку — благодаря синкопированному ритму и моде на «фольк». В 1960-е годы был брошен лозунг: «Польская молодежь поет польские песни», в результате чего почти все популярные молодежные коллективы запели «по-гуральски», а, к примеру, скиффл-группа* «Ну и что» Петра Янчерского сделала из подчеркнутой народности свою программу и прекрасную рекламу. На концертах, во время музыкальных фестивалей, в записях на радио и на грампластинках звучали, кроме ставших уже традиционными «гуральских подборок-попурри», еще и битовые обработки тамошних припевок «Эй, быстрая вода», «В каменном подвале», «За горами, за лесами» и т. п.

В поп-музыке мода на соединение элементов рока с гуральскими пришла в Польшу еще и вместе с модой на «этническую» музыку. Посредниками тут выступили музыканты с Балкан и Горан Брегович, который, записав в 1999 г. диск вместе с польской вокалисткой Катажиной Щот, известной под именем Кайя, стал инициатором такого течения, как польское «этно» (в частности, хит «Правый левому»). Наверняка это была полупародийная имитация, как и многие другие сочинения этого типа, но широкие круги слушателей приняли ее очень тепло.

Похожее происхождение и у творчества группы «Голец-оркестр» — ансамбля живецких гуралей, который начал свою большую карьеру в 1998 г. выступлениями, сочетающими гуральский стиль с джазом. В 1999 г. вышел в свет первый диск этой группы («Голец-оркестр 1»), а на нем — классный суперхит «Бинокль». Сочинение было веселое, остроумное, но приняли его совершенно всерьез, как, впрочем, и уже совершенно гуральские по содержанию, но попсовые по форме песенки «Люблю тебе, дивчино», «Эй, Яничек, как дела», «Скрипачи» или «На буксире». На следующем диске, который в 2000 г. вместе с ансамблем записали близнецы Павел и Лука Голец из деревни Милувка («Голец-оркестр 2»), был, в частности, хит «Стерня», ассоциировавшийся с Закопане и его олимпийскими амбициями.

В числе самых известных групп, которые пользовались популярностью среди разных поколений слушателей и соединяли поп-музыку с гуральскими мотивами, следующим стал ансамбль «Brathanki», основанный в Кракове в конце 1998 г. и черпавший идеи в значительной мере из карпатского фольклора, в т. ч. венгерского (хит «Красные кораллы»), а также гуральского. На втором диске этой группы, помимо суперхита «В Люблине в кино» (где мы тоже видим тончайшую иронию полупародии), записано, в частности, давнее сочинение Станислава Гадины «Эй, горы...» с таким рефреном:

*Эй, горы, эй, горы,
Отчего на сердце грусть,
Коль на небе все играют
По-гуральски наизусть...
Эй, горы, эй, горы,
Отчего в душе тревога,
Коль с вершин чуть-чуть поближе
До Господа Бога.*

Польский джаз открыл для себя гуральский стиль еще в конце 1950-х. Известные джазмены во главе с такими знаменитостями, как Кшиштоф Комеда, Анджей Тшасковский и Ян Пташин-Врублевский, импровизировали на подгальские темы, что давало отличные результаты, принимая во внимание выразительную ритмику гуральской музыки и часто встречающиеся там синкопы, которые приближали ее к джазу. Радио особенно активно популяризировало всякие «гуральские попурри» в исполнении ансамбля традиционного джаза «Нью-Орлеанс стомперс» (позже «Варшавские стомперсы»). Особенно остроумные среди джазовых музыкантов обрабатывали и ходовые татранские китчи, предлагая публике превосходные полупародийные подражания им, — примером здесь может послужить сборная

* Скиффл (skiffle) — разновидность поп-музыки с подчеркнутым ритмом, которая исполняется вокально-инструментальным ансамблем, иногда самодеятельным; наряду с гитарами и барабанами в качестве ударного инструмента использовалась стиральная доска (skiffle board).

солянка мелодий Генрика Варса из кинофильма «Спортсмен поневоле», которую Ян Пташин-Врублевский подготовил к торжествам по случаю 100-летия со дня рождения Виткация, которое отмечалось в Закопане в 1985 году.

Чрезвычайно интересным музыкальным экспериментом стали во второй половине 1990-х совместные концерты джазовых групп с гуральскими капеллами и даже записи ими общих дисков. Наибольшим успехом пользовались выступления ансамбля Збигнева Намысловского на пару с капеллой Яна Карпеля-Булецкого. А после того, как возобновил свою деятельность джазовый фестиваль на Калятувках*, в число традиций этого мероприятия вошло совместное музицирование джазистов с гуральями — главным образом в региональном ресторане «Сопа» на Костелиской улице в Закопане. Как бы в скобках здесь следует вспомнить, что Намысловский, будучи одним из самых известных польских джазменов, почти во всем своем творчестве продвигал гуральские мотивы, до самой смерти (+2007) давая концерты не только в Польше, но и во многих других странах. Вот названия отдельных его дисков: «Збигнев Намысловский & «Закопане хайлендерс бэнд»» (1995), «Джаз & фольк — Квартет Намысловского & гурали» (2000).

Вспомню еще только об умершем несколько лет назад Гжегоже Цеховском. По образованию он был филолог-полонист, а по профессии — музыкант, композитор, автор текстов, музыкальный продюсер. Дебютировал в конце 1970-х как флейтист в торунском рок-ансамбле «Рес-публика». Ансамбль в начале 1980-х после изменений состава поменял название на «Республика», а Гжегож Цеховский в качестве его лидера пел и играл на клавишных инструментах. Вдобавок он был автором и композитором почти всех сочинений ансамбля. Музыкальной сенсацией, награжденной сразу четырьмя премиями «Фредерик», в т.ч. в категории «музыкант корней», стал альбом «Ой, да-дана», записанный под маркой «Гжегож из Цехова». За этот диск композитор получил также премию «Паспорт» еженедельника «Политика». Диск этот показывает совсем иной облик ансамбля. Надо признать, что Цеховский был одним из немногих авторов, которые умело соединяли миры электронной и этнической музыки. У электронных вариантов польских народных песен нашлось много фанов. Композитор в довольно-таки забавном стиле выступает в команде плебейского рока, временами обращаясь к стилю «диско», который так популярен в польской деревне («Чем я тут виноватая», «Пойте, петухи, пойте», «Полька-галопка»).

Элементы музыки в стиле «фольк» можно отыскать и в произведениях ансамбля «Трубадуры» либо недавно раскрученной группы «Sixteen», а также у Марыли Родович, у Анны Марии Йопек. Наверняка еще многие музыканты изберут такой путь в искусстве. Почему? Быть может, потому, что музыка «фольк», заранее лишенная претенциозности и жеманства, делает упор на эмоциональную интенсивность звучания. И, конечно же, напоминает слушателям об изначальном, атактистическом облике человека.

* Калятувки — поляна в Зап. Татрах, в границах Татранского национального парка.

МУЗЕЙ, ПОЛНЫЙ ЗВУКОВ

Беседа с Антонием Каней — клезмером, музыкантом ансамбля «Сырбаки», создателем Музея народных инструментов в Гродзиске-Мазовецком под Варшавой, собрание которого, одно из крупнейших в Европе, насчитывает более тысячи инструментов, «пищалок» и музыкальных игрушек, старинных и созданных в наше время

Слово «фольк» у меня ассоциируется с играми, смехом и полной свободой, а на создание фольк-ансамбля уходит самое большее семь дней, не то исчезнет стихийность и возникнет обычный фольклорный ансамбль, то есть «аранжировка». «Фольк» — это простые забавные инструменты, часто создаваемые *ad hoc*. Музыка должна учитывать наше время, то есть рифмы, ритмы и строй, приемлемые для современного уха. Главную роль должны играть инструменты — упаси Боже, не струнные, а народные и создаваемые прямо сейчас. Таков был мой, Антека Кани и «Сырбаков», девиз перед первым нашим сошествием на Землю.

Интересно, что бы получилось, если б наши народные инструменты сохранились до сего дня и они, а не гитары и «кейборды» были бы главным оснащением ансамблей легкой музыки.

Антоний Кania

— Коллекция инструментов, которую вы собрали, столь же внушительна, сколь и необыкновенна.

— В этом собрании представлены, в частности, исконно польские инструменты, не открытые миром, составляющие музыкальную культуру польской деревни. Русский фольклор известен и ценим во всем мире; если будете в Париже, то обнаружите следы увлечения русским фольклором и музыкой и их влияния, польский же фольклор в мире вообще почти неизвестен.

В истории польских инструментов можно выделить самые разные влияния: одни появлялись после военных походов, другие — после путешествий. Мы так расположены, что влияние Запада и Востока переплеталось, и это видно по инструментам.

Вот это «чёртовы курпёвские скрипки», которых нет у других народов, а это «пердявки», или «перделы» — чисто польские инструменты из ивовый или ольховой коры. Кору снимают с дерева в апреле или мае и свертывают в гильзу длиной около 30 сантиметров. Эти трубы — «кривули», из цельного куска искривленной сосны, а такие сосны растут только в Мазовии. Чистый польский фольклор — это басы и скрипочки. Вот эти басы,

которые вы видите, вырезаны из одного куска дерева, а скрипочки — это скорее всего чисто польское изобретение, причем все они очень разные, вот эти, из окрестностей Билгорая, называются «сука», здесь у меня есть гуральские, а вот это познанские — «мазанки». А эти скрипки делали сельские плотники интуитивно, не зная принципов акустики. Это польские, или иначе варшавские гармонии — они, как и русские, совершенно неповторимы.

Зато инструмент, объединяющий наши народы, польский и русский, — это колесная лира. Был такой нищий и у нас, и в России, и на Украине — лирник, который ходил сгорбившись с лирой и, играя на ней, рассказывал разные истории. Родословная у такой лиры церковная — кстати, это очень интересно: если составить что-то вроде богослужебной родословной разных инструментов, то очень многие из них пошли из Церкви или от восточноевропейских евреев. Когда в костеле не было органа, использовались лиры. Здесь вы видите на старых фотографиях, которые мне удалось раздобыть, такого сгорбленного еврея, который странствовал с колесной лирой. Богослужебная родословная и у «тубмарины», использовавшейся в монастырях, — она при-

надлежит к самым древним инструментам. Инструмент, общий для нас и украинцев, — кобза. Тут у меня пастушеская свирель, которая выглядит весьма экзотически, а сделана из черной бузины, которая растет в Словакии.

— *Колесная лира — инструмент, который переживает теперь свой ренессанс.*

— Сегодня ребята из фольк-ансамблей буквально «зажигают» на лирах. Я организовал фестиваль фольк-музыки здесь, в костеле, где я арендую часть помещений для галереи; все места были заполнены.

В моем собрании есть инструменты с разных концов света, из Греции, Индии, Непала, эти трубы — из Баварии. Мои младшие коллеги, играющие фольк, делают большую ошибку, играя на заграничных инструментах: турецких, арабских — вместо восточноевропейских.

Инструментов в наше время уже, собственно, никто не делает; в Варшаве, правда, есть мастера смычковых, но что касается исконно народных инструментов, то я знаю, что под Саноким живет один такой дед, который делает колесные лиры польского образца, они ведь были разные — польские, немецкие.

Я не хотел умножать то, что предлагают другие музеи, у меня инструменты не пылятся в витринах — их можно потрогать, поиграть на них.

— *Это собрание с чего-то начиналось — как возникла идея собирать народные инструменты?*

— Я был музыкантом, клезмером, ездил за границу. Играя и путешествуя с ансамблем «Сырбаки», я обратил внимание на то, что в Баварии ли, в Югославии — везде люди заботятся о местном фольклоре, культуре, о том, что бесследно уходит. Я стал заглядывать на базары и барахолки и тратить заработанные деньги на экспонаты. Собрание возникло неполных десять лет назад, некоторые экспонаты я покупал, некоторые мне приносили, зная, что я собираю.

Второе мое собрание — «сувениры» ПНР. Когда я стал собирать инструменты, то в мои руки попадали и другие вещи, часто люди сами привозили мне какие-нибудь странные предметы, даже канистры с надписью «Вермахт». У меня есть портреты всех наших вождей — такие, что когда-то висели в школах: Берута, Рокоссовского, Циранкевича, Дзержинского, бюсты Ленина, журналы, фотографии, пропагандистские плакаты, костюмы,

медали — но меня бесит, что мне негде все это выставить. Кроме этих двух коллекций, есть еще «Ландшафт-галерея» — собрание картин, некоторые из них — ужасный китч, но они как нельзя более созвучны атмосфере народных инструментов, с одной стороны, и соцреалистическим вещам — с другой. Я мечтаю, чтобы эти коллекции могли функционировать вместе, но сейчас это невозможно: в той части помещений, которые я арендую у костела для галереи, все так не поместить, чтобы показывать экспонаты посетителям.

Музей в настоящее время практически содержится на пенсию моей жены, каждый месяц мы что-нибудь добавляем. Дочь, которая некоторое время работала в домах культуры, основала здесь клуб для детей. Это не детский сад, сюда приезжают пятнадцать детей на занятия художественного, главным образом музыкального профиля. Когда я веду уроки ритмики, то дети играют на деревянных «чёртовых скрипках», сделанных вручную, а не купленных в магазине, на настоящих больших барабанах, ибо очень важна подлинность общения с подлинными, исконными инструментами, которых потом они, быть может, больше не встретят, — а тут что-то им останется. Один из мальчишек дразнил подружку и крикнул ей: «Эй ты, колесная лира!»

— *Самую необычную часть коллекции составляют инструменты, сделанные из вещей, ничего общего с музыкой не имеющих, например испорченный велосипедный насос или диск от дисковой пилы.*

— Это идеи, чтобы спровоцировать музицирование. Это же придуманные игрушки, с которыми играют дети: раз к нам идут экскурсии, то я хотел детишек заинтересовать. А дети лучше всего реагируют, когда их чем-то поразишь, покажешь что-то новое. Тут у меня пластинка, где вы видите фотографию Гродиска-Мазовецкого конца XIX века; я издал шесть песен о Гродзиске — эту пластинку люди вывозят или посылают за границу как сувенир, она уникальна. Звуковой материал записан мною, а звучат инструменты, которых нигде не встретить: «Электродуга Антек», «Карманный рожок из телескопической удочки», «футбол-труба», то есть мундштук от саксофона, остальное — по вкусу и возможностям. «Трубы-трубы-трубы», то есть «пердявки» из польского бамбука, с раструбами, сделанными из сосновых дощечек. Есть и подлинная «фольк-стопа» — только в Мазовии

могли изобрести стопу за сто лет до джазменов; есть флейта из бамбука и тростника, которую во Франции называют «луковой» — она забита с одной стороны луковой шелухой, а звук ее напоминает звук рожка или саксофона; набор автомобильных и велосипедных клаксонов; «кривули», трембиты, «лигавы», «чёртики», «подваршавская лошадка», «рев волов»; «колокола из дисковой пилы» — комплект разной величины дисков для дисковой пилы; «рожок Фрая» — конструкция, основанная на шланге от стиральной машины «Фрая»; ручной патефон «Антонио» — лист бумаги, свернутый вкосу воронкой и прошитый портновской иглой. Это граммофонное устройство следует умело потирать об острую граммофонную пластинку, и оно дает нам слуховые впечатления, никогда и нигде не встречавшиеся. «Колендбас», то есть кузнечные цимбалы, я придумал в 1971 г., купив конские подковы в сельском магазине «Крестьянской самопомощи», я подбирал их на слух; плюс к этому одна липовая ложка, вещь, совершенно необходимая в жизни, — лучше всего, если она вырезана из польской костельской липы; а еще один скрипичный колокол, одна струна ми или ля и «свистовалик» из скалки для теста.

— *Вернемся к «Сырбакам». Пластинки, которые вы выпустили, уникальны, это соединение клезмерской музыки с фольком.*

— Кто-то нарисовал такую схему еврейской легкой музыки, которую по-научному называют клезмерской: клезмерский ансамбль — это кларнет, аккордеон и т.п. Неправда, это только один из вариантов... Эта музыка была очень разнообразной. Достаточно взглянуть на старые картинки, фотографии. Преобладали скрипки, а потом были цимбалы, гармонигеликонки, басы, мандолины, пилы — на востоке еще добавлялась балалайка, бандура. А я даже слышал, что в львовском ансамбле были укулеле, банджолеле, гавайская гитара... Когда в 60-е годы я играл в варшавских ночных ресторанах, мне повезло: я познакомился с настоящими довоенными клезмерами, которые выступали на трансатлантических лайнерах, в эксклюзивных ресторанах: в «Адрии», «Морском оке». Польские клезмеры — это был особый мир ярких личностей, индивидуальностей, с особым жаргоном, обычаями, предрассудками, со своим неподражаемым чувством юмора.

Каждый из них был превосходным исполнителем на своем инструменте. Многие из них были композиторами, авторами танго, переживших все времена. А меня бросало в жар, когда я слушал, как они играют и что играют.

Должен рассказать подлинную историю о клезмере из клезмеров — Михаиле-Иосифе Гузикове и его инструменте — соломенной гармонике. Благодаря Михаилу-Иосифу этот инструмент прославился в Европе.

Считалось даже, что это польский инструмент. Соломенная гармоника — это пихтовые, буковые или грушевые дощечки, уложенные на соломенные косички, — то есть ксилофон. Михаил Гузиков родился в 1806 г. в местечке Шклов, в имении генерала Зорича. Генерал Зорич был настоящим меценатом, в частности, содержал свой оркестр. Там Михаил Гузиков услышал еврейские цимбалы и впервые смог на них сыграть... Переехав в Варшаву, он стал уличным музыкантом и зарабатывал на жизнь, играя на своих любимых цимбалах. Одновременно он упражнялся на соломенной гармонике и усовершенствовал этот инструмент.

Слава пришла к нему неожиданно и продолжалась недолго. Он выступал с самыми знаменитыми европейскими музыкантами в самых знаменитых концертных залах Европы. И играл исключительно польскую музыку и фантазии на польские темы. Он умер от туберкулеза в Бельгии, на обратном пути на родину, в возрасте 31 года. Нашу пластинку я считаю данью памяти величайшему клезмеру, польскому еврею Михаилу-Иосифу, которому «чуть-чуть удачи» не хватило, а славу которого, возможно, затмил его великий ровесник Фредерик Шопен...

— *Чего вам пожелать?*

— Я мечтаю, чтобы эта галерея могла действовать, но не в помещениях костела, как сейчас, — это не наше место. Это должна быть хата из бревен, место, привлекающее людей, какое-нибудь старое жилье. Я хотел бы сохранить свое собрание и хотел бы, чтобы у детей была возможность общения с тем, чего они больше нигде не увидят и нигде не услышат.

Беседу вела Сильвия Кшемяновская

**Анна М.
Щепан-Войнарская**

КАЗИК ПОЕТ О ПОЛЬШЕ

Писать о Казике Сташевском — это по сути дела писать не только о феномене рок-музыки, об артистической личности, но еще и о специфически польском опыте последних 25 лет — времени великих перемен.

В 1979-1980 гг. он выступал с группой «Poland», основанной Робертом Шмидтом, с которой записал такие сочинения, как «Молодые варшавяне» и «Войны». В 1981 г. он основал группу «Novelty Poland», годом позже — «Культ», в 1991-м начал сольную карьеру, однако охотно принимает участие и в разных новых артистических предприятиях: «Казик Вживе», «El Doora», «Бульдог». Он записал также два альбома, где исполняет песни Курта Вайля («Мелодии Курта Вайля и что-то сверх того», 2001) и Тома Уэйтса («Песни Тома Уэйтса», 2003) в переводах Романа Колаковского. Его считают предтечей польской альтернативной музыки, хип-хопа и рэпа.

Казик играет роль своего рода сейсмографа польской политической сцены и общественной жизни, одновременно избегая схематизма публицистического комментария и уклоняясь от роли дежурного по стране сатирика. Его тексты, всегда ангажированные, всегда берущие за живое, почти всегда иконоборческие, обретают популярность, потому что улавливают эмоции, носящиеся в воздухе, а силу свою сохраняют благодаря тому, что не удовлетворяются временным, преходящим, стремясь вписаться в исторический дискурс о самосознании и ценностях в стране на берегах Вислы.

Несомненно, на такую форму его художественного высказывания повлияла история семьи; особенно сильный отпечаток наложила на него судьба отца — Станислава Сташевского. Юноша из бедной шляхетской семьи, во время войны боец АК, в Варшавском восстании он воевал на правом берегу Вислы, в Праге. Потом записался в Вермахт, дезертировал, был схвачен и отправлен в Маутхаузен, в лагерь военнопленных. Тяжело больной, он был брошен в марте 1945-го — еще живым — на гору трупов, предназначенных к сожжению. Спас его случай. Чудом выжив, в ПНР Станислав Сташевский поверил в новую идеологию, хотел жить и строить. Он закончил архитектурный факультет Варшавского политехнического института, работал в Плоцке, одновременно занимался искусством, собирая вокруг себя молодую интеллигенцию. Со временем его художественная деятельность, его песни — всё было признано идеологически подозрительным, вредным, наконец враждебным, и в 1967 г. это заставило Станислава Сташевского эмигрировать. Он уехал в Париж и в 1973 г. умер там от сердечного приступа. Казимежу Петру Сташевскому — Казiku, — родившемуся 12 марта 1963 г., не было и четырех лет, когда отец эмигрировал.

Быть может, поэтому история Польши, ее состояние и политические дискуссии составляют для Казика живую материю повседневности: он сам испытал, как эти факторы могут повлиять на судьбу отдельной личности, как они неустранимы и чреваты последствиями для рядовых людей. Сташевский не пишет текстов, претендующих на роль национальных манифестов, однако они расходятся в виде широко употребляемых в повседневном языке цитат. Он не отождествляет себя ни с какой политиче-

ской партией, критикует всех: то левых, то правых, то Церковь и своих коллег по искусству. Не строит он из себя и лидера, не претендует на роль всеведущего ментора, хотя питается спором с действительностью. Тот факт, что объектом его критики может стать любой, парадоксально способствует его популярности — всегда найдется группа слушателей, готовая отождествляться с Казиком.

На последнем диске с «Бульдогом» он поет, имея в виду последнюю волну польской трудовой эмиграции:

*Чего это все уехали, кто им сменил добро на зло?
Чего это они тут не остались, пустым оставили каждый дом?
Чего это все уехали, как это случилось, что себя тут
Они больше не видели? Скажи, я превращаюсь в слух.
(Перевод стихотворных цитат здесь и далее дословный)*

Но Казик не строит из себя и защитника польской земли, да и сам не пренебрегает солнцем и прелестями других уголков мира. Он сам над собой шутит, что у него-де два садовых участка: один на трассе Варшава—Люблин, а другой — по пути на Монтевидео, то есть на Тенерифе, где у него своя квартира. То, что он остается в Польше, — выбор добровольный; польское самосознание не окружает его тюремной стеной, хотя Польша и польский дух — по-видимому, та тема, от которой Казик, скорее сознательно, избавиться не хочет. Он критикует не только системы и организации, но и любую грязь и вонь, попадающиеся ему на пути, совершенно так, как если бы и он обладал специфически польским характером. С одинаковой едкостью он отмечает как провалы политиков, так и сомнительный аромат автобуса, переполненного недомытыми, потными соотечественниками.

Казик — многократный лауреат; упомянем хотя бы «Паспорт «Политики»» за 1998 год, премию «Фредерик» 1994, 1995, 1998 и 1999 гг., премию МТВ 2000-го. Он принципиально не ходит получать свои премии, демонстрируя тем самым свою независимость и свободу пребывать хотя бы вне светского круга, вне обязанности где-то появляться, жать руки, сниматься со всеми и улыбаться журналистам... Ему важно, как продаются его диски, но неважно, насколько его творчеству уделяют место СМИ. Он верит в своих слушателей, в свой контакт с обществом, а конкуренцию с «продуктами» шоу-бизнеса, лишенными автономии и собственного мнения, считает унижительной.

Спор с польским католичеством

Вопрос мог бы показаться простым: так, мол, пристало молодому рэперу. Проблема, однако, в том, что Казик требует от института Церкви и от верующих нравственности и чистоты. Он не насмехается ни над традиционной моралью, ни над пристрастием к простонародной религиозности, зато безжалостно указывает на такие вещи, как разрыв между декларируемым милосердием и злобой верующих или фальсификация истин веры, ведущая к нетерпимости и фанатизму. Или, наконец, пустой формализм так воспринимаемой религии.

*«Да святится имя Твое» — говорят они
И имя Твое скрывают
«Отпускаем должникам нашим» —
Долгов не отпускают
«Да придет Царствие Твое» —
Вовсе его не ждут
«По делам их познаете их!»*

Даже если на переломе 80-90-х критика римско-католической Церкви у Казика в известной мере вытекала из увлечения Свидетелями Иеговы (я имею в виду такие сочинения, как «Религия великого Вавилона» с диска «Куль», 1986; «Вавилон» и «Вавилонские жрецы» с диска «Послушай это тебе», 1988; «Ментальные коммуны», 1990), то преувеличением было бы объяснять его провокационные

тексты антипатиями общего и межконфессионального порядка. Казик пел не о догматических различиях и не о богословских оттенках.

Его прежде всего интересуют люди и, что из этого следует, их грехи и трудности, их борьба с собственным лживым представлением о самих себе. В текстах Казика римское католичество опирается на неразумный бег стада баранов, начинается окроплением свяченой водой и кончается всеобщим пьянством, по пути зацепляясь за образки на шее и воскресный сбор денег в костелах. Кроме того, оно приобретает формы зависимости, почти сравнимой с партийной принадлежностью, и в этом контексте в первую очередь появляется радиостанция «Мария» и фигура «отца-директора» [свящ. Рыдыка], которого Казик называет апокалиптиком, не входя, впрочем, в конкретную полемику с ним.

О своей вере Казик высказывается в либеральном духе. Признавая, что первоначальное увлечение Свидетелями Иеговы представляло собой своеобразное противоядие от польской действительности 1980-х, побег в иное измерение, Казик позже не демонстрировал ни свою собственную веру, ни религиозные искания. Из особенно личных текстов, все-таки затрагивающих эту тематику, следовало бы отметить цитированное выше сочинение «Моя вера» (диск «Сжигайся», 1993) и «Псалом 151» (диск «Мой издатель», 1994). Довольно нетипична с этой точки зрения песня «L.O.V.E.» (диск «12 грошей», 1997):

*И вправду человек во что-то должен верить и хочет
Даже тогда, когда клянется и говорит, что нет
А факты таковы: Бог есть!
В книгу жизни не всех записывают
Будь оно иначе, было бы за...анным делом
Жить в этой психушке без надежды под утро.*

Оставляя в стороне неканонический стиль речи о религиозном опыте, в контексте творчества Казика лишь придающий ему подлинности, я хотела бы отметить, что ни один из его текстов не дает оснований судить о его личном отношении к Богу и вере. Поэтому попытки показать либо религиозность, либо атеизм артиста обречены на неудачу, ибо состояние, его характеризующее, — поиски, о чем он постоянно говорит в интервью. Вопрос веры остается для него одним из самых существенных — по личным ли причинам, или потому, что он не может избежать этой темы как автор «ангажированный», то есть пишущий о важном и вневременном; этого не определишь, ибо определить мы могли бы только тогда, когда были бы в состоянии установить, в какой степени Казик отделяет свою частную жизнь от артистической... В качестве курьеза приведу то, что он сказал левой (!) «Трибуне»:

«Для меня религия — одна из форм поисков смысла, но сегодня я агностик. Думаю, что смысл я нашел в чем-то другом, в расходовании себя, если говорить о творчестве, и в до сих пор — тьфу-тьфу! — прекрасной семейной жизни. Так или иначе, жить надо так, как если бы Бог был!»

Спор с польской политической жизнью

Пожалуй, самую большую популярность приобрела песня «Еще Польша...» — продолжение «культового» гимна «Польша». Казик представил в ней унылую польскую действительность начала 90-х, сермяжные зачатки и контрасты создававшегося тогда капитализма. Против песни официально протестовал сенатор от Христианско-национального объединения Ян Шафранец, оценив ее как оскорбляющую польский народ, отнимающую смысл у свержения коммунизма и обвиняющую поляков в антисемитизме:

*Что ж вы, сукины дети, сделали с этим краем?
Помесь католика с посткоммунистической манией
Эти молящиеся каждое утро и ходящие в костел
Охотно убили бы тебя лишь за форму твоего носа.*

Дело дошло до прокуратуры. Принеся объяснения, Казик отвечал сенатору на страницах «Газеты wyborчей», обвинив его в разбазаривании денег налогоплательщиков и требуя извинений, которых так никогда и не получил. С этой песней Казик выступал на фестивале в Сопоте в 1991 году.

Пользовался большим успехом, завоевал популярность и прочно вошел в повседневную речь текст другой песни, представленной в Сопоте, — «100 000 000» («Валенса, отдай мои сто миллионов»). Разбушевалась настоящая буря, началась общенациональная дискуссия, в которой слово взял Лех Валенса, тогда президент Польши. Всему этому шуму в СМИ Казик подвел итог, сказав, что ему никогда не хватило бы денег на такую рекламу, которую ему устроил Валенса. Трудно было, однако, ожидать, чтобы президент пропустил мимо ушей вопрос, который был на устах у миллионов разочарованных граждан.

*Обещал ты сто миллионов, я хорошо слышал
И прошло столько времени, а я ничего не получил
Жду еще три дня и ни минуты больше
Нетерпение мое возрастает, когда ожидание затягивается
Все мои приятели, они думают так же
Когда ложатся вечером и когда встают утром
Они помнят твои слова, когда слушали тебя на площади
Валенса, давай мои сто миллионов
Валенса, давай мои сто миллионов
Валенса, давай мои сто миллионов,
Сто... миллионов...
Сто миллионов...*

Феномен Казика, вероятнее всего, таится в том, что он не стеснясь высказывает то, что многие тщательно прячут под маской политкорректности или просто помалкивают, чтобы не испортить свой «имидж».

То же самое и в вопросах польской внешней политики: Казик не боится дипломатических скандалов, не заботится о реакции политиков. Так было с поездкой премьер-министра Юзефа Олексы в Москву, пришедшейся как раз на то время, когда Россия напала на Чечню. Казик тогда пел «Лысый едет в Москву» (диск «Отдаление», 1995):

*Это нормально, что ты не разговариваешь с бандитами,
Не приглашаешь их домой, не ходишь к ним в гости.
Кто с кем ведется, от того и наберется.
Это надолго в каждой голове остается.
Думаю, что несколько неприлично
Ехать в гости к тому, кто детей убивает
Во имя имперских бредней, это не лучшая идея
Этого не объяснит ни праздник, ни будний день.
Когда на горские села падают бомбы,
Их единственная вина, что они там живут.*

Артист не вдается в нюансы и в то же время не узурпирует право подсказывать какие бы то ни было решения конфликта — он констатирует факты, выражает свое неодобрение тому, что делает премьер-министр, с которым сам не отождествляется. Он не хочет, чтобы все поляки, в том числе и он сам, отождествлялись с такой позицией. Прежде всего его взволновала чеченская война — вопрос польско-российских отношений в данном случае имел значение второстепенное.

Сташевский не только комментирует текущие дела, но стремится и к пересмотру истории. Такого рода сочинением была широко известная песня «Артисты»:

*Все артисты — проститутки
В дымаках хороших трубок, в парах водки
Третья Речь Посполитая, Народная Польша
То же самое снова, то же самое снова
Третья Речь Посполитая, Народная Польша
То же самое снова, то же самое снова
Простите, могу ли я сняться с вами
Я и подружка, медведь, Закопане
Своим трудом на сцене я хочу достигнуть своей цели
Ордена Белого Орла, Строителя ПНР*

*Видишь ли ты это?
И не стыдишься?
Видишь ли ты это?
И не стыдишься?*

*А я слышу, они говорят, что делают то, что хотят
А я слышу, они говорят, что делают то, что хотят
А я слышу, они говорят, что делают уже то, что хотят
А я слышу, они говорят, что делают уже то, что хотят*

Текст клеймит лицемерие артистических кругов, готовых прислуживать власти независимо от того, какие ценности за ней стоят, кругов, поставивших себя в зависимость от жажды славы и выгод, из нее вытекающих, кругов, готовых всему аплодировать и еще себе это изящно объяснить, обосновать и одобрить, как будто бы сменить взгляды было такой же мелочью, как сменить шляпу. Такая смена, однако, всегда влечет какие-то последствия, кому-то наносит боль, оставляет неизгладимые следы, не позволяющие беззаботно гнаться за славой и званиями, узурпировать право говорить о морали с позиции авторитета. Песню сопровождал видеоклип, показывающий известных актеров в ситуациях, которые они предпочли бы навсегда забыть, — когда они аплодировали власти ПНР, идя в рядах первомайских демонстраций, и — счастливые, с радостной улыбкой! — пожимали руку партийным чинам. Дело кончилось судом.

В поисках правды и порядочности Казик рискует не только снова оказаться под судом, но и — о, ирония! — оказаться выброшенным «на свалку истории», выброшенным теми, кому хоть на минуту готов был поверить.

«Я страшно разочарован и зол на самого себя. Я хотел бы попросить прощения у своих знакомых и незнакомых, которых обидел, питая какие бы то ни было надежды, связанные с нынешней правящей системой (...). Час мятежа близок!» — говорил он в сентябре 2006 года.

Сташевский как будто осужден на спор и бунт, и стоит ему этим пренебречь, как он испытывает разочарование, в том числе и в себе самом.

Интернет-сайт о творчестве Казика: www.staszewski.art.pl

Официальный интернет-сайт Казика: www.kazik.pl

Официальный сайт группы «Культ»: www.kult.art.pl

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Одна из проблем, с которыми мы неустанно (но особенно в периоды политических или исторических переломов) вынуждены справляться, — это вопрос нашего национального самосознания. Обычно мы ищем решений или попросту ответов на вопросы, кто мы такие, откуда и куда идем, в двух планах: сиюминутного опыта и долгосрочной перспективы. Несомненно и то, что различные формулировки — иногда косвенные, иногда прямые — вопроса о польском национальном самосознании представляют собой один из главных, хотя часто как бы скрытых от широкой публики мотивов дискуссий, ведущихся в прессе (но все чаще и в научных трудах).

Последний такой пример — приложение к «**Тыжднику повшехному**» (2007, №22), названное «История в «Тыжднике»». Среди многих интересных материалов хочу обратить внимание на статью одного из самых активных исследователей современной литературы Пшемислава Чаплинского «Война за ПНР». Эта война идет, в частности, и в литературе:

«Мы рассказываем о ПНР, чтобы определить свое место в посткоммунистической Польше. Мы спорим не о картине былого мира, а о сегодняшних последствиях правового и символического порядка, вытекающих из нее. Из-за этих последствий война за ПНР стала войной за невиновность.

В начале 90-х, сразу после мнимого прощания с ПНР, в польских спорах появились два персонализированных образа прошлого. Первый, принадлежавший Юзефу Тишнеру, существовал под названием *homo sovieticus* (...), второй — благодаря Мареку Новаковскому — вошел в общественное сознание как *homo polonicus* (...). В этих двух метафорах таилось предвестие одной из самых жестоких войн, которые ведет польское общество с самим собой с самого начала нового периода. Анонс войны мы увидим, если на метафоры посмотрим как на декларации общественной социотехники, то есть как на способ брать власть над настоящим, чтобы управлять прошлым.

Термин *homo sovieticus* по замыслу определял реликты ПНР в каждом из нас. Речь шла о психологии раба, который выучил, что в обмен на послушание, пассивность и даже плохую работу или антигражданское поведение он может ждать от государства полной социальной опеки. Опека эта существовала на минимальном уровне, однако была эквивалентом столь же минимальной активности в создании общей действительности. Употребив эту метафору, Тишнер верно назвал одно из опасений раннего периода демократии. Нас беспокоило, что перед лицом изменившейся действительности часть общества пожелает сохранить старый *habitus* — социалистический по форме и польский по содержанию. Чтобы этот *habitus* исключить из жизни, надо было его назвать. И прибавить четкий призыв: раз социализм кончился, перестанем быть рабами.

У метафоры Тишнера было одно достоинство и один недостаток. Достоинство было связано со стремлением убедить, что социализм жил в нас, а не во внешних обстоятельствах. Недостаток лежал в блокировании мышления о потенциальных положительных элементах *homo sovieticus*'а. Вдобавок это определение не предполагало, что возможен союз между новым типом поведения и старыми чаяниями. Быть может, поэтому Тишнер создал метафору дисциплинирующую, унижающую, заклинающую, которая должна была помешать мутациям дурного гена личности.

Термин *homo polonicus* открывал совершенно иную перспективу. В своей повестушке Новаковский воспользовался как раз тем инструментом, которого опасался Тишнер, — выделил общественную группу, которая якобы была единственным и исключительным носителем вируса. Мы видим в рассказе, как прежние «люди ПНР» входят в новую действительность и устраиваются в ней лучше, чем остальное общество. Простота образа составляла силу текста. Писатель показывал, как бывшие слуги системы — милиционеры, а вероятно, и гзбэшники — находят свое место на должностях охранников. Некогда они были господами над чужими жизнями, теперь в социальной иерархии пали на уровень стражников чужой безопасности. Однако важно, что они переходят на службу к членам «нового класса», а класс нуворишей создают люди, которые повиновались режиму ПНР. Они-то, дает понять Новаковский, послушно участвовали в демонстрациях и митингах, они записывались в партию. В обмен на

повиновение они получали паспорта на поездки в страны народной демократии и превращали поездки по братским странам в торговый обмен. После 1989 г. они вложили заработанные до этого деньги в нелегальный бизнес с русскими, украинцами и белорусами. (...)

Метафора Тишнера должна была противостоять поискам следов ПНР в определенных социальных типах и склонять к поискам их в самих себе, но — вероятно, вопреки замыслу философа — создавала основу либерального мышления. Метафора Новаковского, наоборот, совпадала с демагогическим вариантом антикапитализма, с вариантом, в котором интеллигентско-буржуазная психология, якобы сохранявшаяся на протяжении всего существования ПНР, сталкивалась с разрушительным воздействием свободного рынка.

Исходя из метафор Тишнера и Новаковского, ставших заглавиями их книжных повествований, Чаплинский отмечает, что разговор о прошлом становится все резче и грубее, а стремление инструментализовать образ ПНР — все сильнее. В этой игре литературу, по природе стремящуюся взвешивать правоту всех сторон и передавать сложность межчеловеческих отношений, оттесняют в сторону, и господствующим нарративным жанром становится публицистика:

«Литература давно отпала в этой конкуренции. Ибо в игру перестали входить тонкие размышления о пээнэровском прошлом, прислушивание к разговорам, наблюдение за зигзагами биографий. Теперь общественное воображение приходится формировать четкими, выразительными образами, при этом лучшими образцами оказываются взятые из моралите. Почему так произошло? На мой взгляд, потому что образ ПНР превратился в инструмент построения единства общества и стал функцией представленный об основном элементе этого единства — о рядовом человеке. Чем тривиальной фантазмы о таком поляке, тем лубочнее нарратив. А поскольку рассказчик-демагог видит своего читателя или слушателя как воплощение пассивности и заурядности, как человека, который в ПНР ничего помимо дома, костела и телевидения не видел и ничего кроме работы не делал, постольку образ ПНР становится перевернутым отражением этого фантазма заурядности. Заботясь о том, чтобы этого воображаемого рядового человека не обидеть, приходится тщательно замалчивать любые формы активности, оппозиционную деятельность, интеллектуальный труд времен ПНР.

Еще в 1998 г. разгорелся спор вокруг книги Анджея Стасюка «Как я стал писателем». Эта повестушка (...) показывала, что во времена ПНР можно было выработать себе свободу не путем чтения подпольной литературы, а благодаря опыту черного рынка. На нее напали за воспевание «ливерной колбасы как формы духовной жизни». Спор, который вели мыслители, вытекал из защиты твердой позиции, согласно которой свободу в ПНР можно было построить исключительно на основе высокой культуры. Участники этого спора благородно заикливались на «вопросах духа», но в то же время, сами того не замечая, приписывали себе монополию на сопротивление режиму. Несколькими годами позже эта монополия была у них отнята, а вопрос высокой культуры покинул поле боя. Началась погоня за новинностью. (...) Окончательным, но тоже совершенно мнимым победителем в этой гонке должен был стать рядовой человек — тот, кто не сотрудничал со спецслужбами ПНР, не работал на ГБ, не вступал в партию. Если, однако, мы посмотрим не на те черты, которые в этой анкете определены как «не... не... не...», а на его собственные, то окажется, что это человек без свойств. (...) Те, кто изгнал из Третьей Речи Посполитой дифференцированные биографии времен ПНР, свели наши возможности рассказать об опыте 45 лет послевоенной Польши к одному-единственному нарративному приему ».

Все-таки стоит углубиться и в более далекое прошлое, как это сделал Николем Бонча-Томашевский, автор увлекательной книги «Истоки национальности. Возникновение и развитие польского сознания во 2-й половине XIX — начале XX века». Рецензируя ее на страницах «Европы» (2007, №22), субботнего приложения к «Дзеннику», Эва Томпсон (автор известной работы «Трубадуры империи», посвященной постколониальным мотивам в русской литературе) пишет:

«Томашевский выдвигает смелый тезис о том, что «национальное мышление сформировало картину истории, а не наоборот». Но национальное мышление невозможно без истории, так что в лучшем случае перед нами обратная связь. (...) Вполне понятно и даже хорошо, что такого рода книга написана после того, как в 1989 г. вновь была обретаена независимость. 50 лет порабощения не дали возможности произвести расчет с 60 годами после восстаний, предшествовавшими первому обретению независимости в 1918 году. Тогдашние перевороты в самосознании польской элиты важны для элиты сегодняшней».

Обращая внимание на тот факт, что «книга ставит и защищает тезис, согласно которому субъектность (осознание себя субъектом истории. — *Пер.*) стала источником польского чувства национальности», Томпсон пишет:

«А мне все-таки кажется, что заключенное в заглавии предложение придать ему звание «источника» польского самосознания в некотором смысле зауживает польские возможности. (...)

Во-первых, эта субъектность, которую поляки внутренне усвоили в XIX веке (...) легко соединяется со смутянством, т.е. с отрицательными чертами польской элиты времен, предшествовавших разделам, укрепляет его и вытесняет ее же позитивные черты: оптимизм и бодрость, чувство личного достоинства, бессознательную, но глубокую укорененность в аристотелевской эпистемологии (то есть уважение к действительности и только потом — к своему «я») и основанное на таком мировоззрении приятие других. (...)

Вторая проблема — связь субъектности с эпохой политических поражений. Чувство нанесенной обиды — общая черта в сознании некогда колонизированных народов (...) но оно не входит как составной элемент в сознание народов Западной Европы или англоязычного мира. Этот «аспект обиды» создает большие трудности, когда речь идет об образе поляков в глазах этих народов: им такой образ чужд и непонятен. Между тем понимание и приятие этими народами польского национального сознания совершенно необходимо для самого этого сознания (...).

Третья проблема — польский колониализм. (...) Чувствительные к онемечиванию и русификации, поляки были слепы и глухи к национальным движениям в бывшей Речи Посполитой и фантазировали о ее восстановлении в границах до 1772 года. Это непонимание факта, что там растут другие народы, которые несколько иначе воспринимали польское чванство на тему «многонациональной Речи Посполитой», доказывает неслышанную близорукость польских интеллигентов тех времен. К этой бесчувственности надо выработать какое-то отношение, но Томашевский этого не делает.

Остается, однако, фактом, что в описываемый период польскость утратила притягательную силу, которой обладала в XVI-XVII веках, во времена господства сарматского духа, когда целый слой грамотных людей в Литве, Белоруссии и на Украине считал себя сообществом польских гражданам, независимо от языка, на котором они говорили, а многие и вовсе стали считать себя по национальности поляками. То, что так не происходило во 2-й половине XIX века (...) наверное связано с образцами польского национального сознания тех времен (хотя обусловлено также колонизацией самой Польши). Польские «достижения национального сознания» имели место в столетия, слышущие сарматскими. Сарматская модель, основанная на любви к свободе и демократическом инстинкте («шляхтич в огороде равен воеводе»), была привлекательнейшей модели «субъектности».

Поэтому не следует забывать, что представленный Томашевским период «явления» польского национального сознания под влиянием заимствованных философских идей был одновременно периодом, когда предложение быть поляком было окончательно отвергнуто значительной частью населения бывшей Речи Посполитой. (...) Польские соседи и польские меньшинства на протяжении уже ряда поколений не принимают польское национальное самосознание в той форме, в какой оно существовало (а частично существует и теперь) в умах польской элиты.

В модели, которую предлагает Томашевский, нет места для выработки отношения к этим вопросам. Таким образом, по эпистемологическим и экзистенциальным причинам модель польскости, которая обрисована Томашевским и квинтэссенцию которой составляет польское чувство субъектности и польская любовь к свободе, сравнительно легко аннулировать «снаружи». (...)

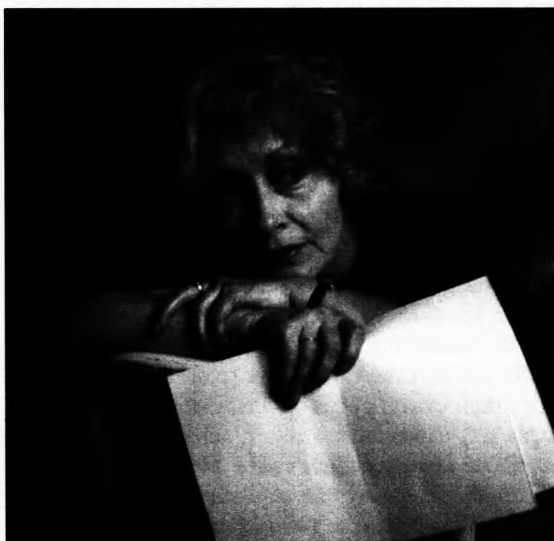
Мне кажется, что если бы польская элита сумела артикулировать неосарматское предложение, корнящееся в эпохе, когда с поляками в Европе считались и когда ими не удавалось пренебрегать так, как часто пренебрегают сегодня, его было бы труднее аннулировать».

Эва Томпсон предлагает укоренить эту сарматскую модель путем усвоения старопольских текстов, составляющих для нее точку отсчета; как пример таких поисков она называет недавно изданную антологию поэзии XVII века «Слушай меня, Савромата», которую составил поэт Кшиштоф Кёлер, связанный с так называемым поколением «бруЛьона» (по названию литературного журнала, начавшего выходить в подполье в 80-е годы. — Пер.). Одно не подлежит сомнению: дискурс, касающийся как истории глубокого прошлого, так и новейшей, следовало бы освободить от тенденций к упрощению или редуцированию. Можно также надеяться, что нынешние дискуссии, хоть и ведутся в тени идеологически-политических споров, но кладут начало пересмотру прежних стереотипов, выступающих в дискуссиях на тему польского национального сознания. Безмерно важно, чтобы эти дискуссии не оказались подчинены господствующему сегодня нарративу, присущему сторонникам т.н. исторической политики.

АКТЕР ОБЯЗАН НОСИТЬ В СЕБЕ ЧУДОВИЩЕ И АНГЕЛА

Беседа с Анной Полоны, актрисой, режиссером и педагогом

Ханя Полоны — чертовка. Идейная, чистая, упорядоченная и радикальная. Не переносит лжи. Действует как петарда. Ну и необычайно талантлива. В театре не часто встречаешь людей с таким нутром и таким талантом.

Казимеж Куц, кинорежиссер

— Сидя в зрительном зале, я нередко сопоставляю друг с другом двух равных по мастерству актеров, у одного из которых есть выразительное «эго», а у другого — нет, и в памяти остается только первый. А как считаете вы, выдающаяся актриса и педагог с многолетним стажем: является ли сильная личность непременным условием актерства?

— Если посмотреть на это с точки зрения педагога театрального училища, то, конечно, сильные личности ценны. Но я приведу вам пример. Много лет назад я смотрела спектакль двух молодых актеров. Один из них был как раз такой сильной, прямо-таки пробивной личностью, а другой — прекрасным примером технического актерства. Прошли годы, сильная личность сделала карьеру, но сегодня ни в чем не изменилась. Зато второй актер, попавший в экстремальные условия (потому что очень важно и то, что судьба его несколько потрепала), одаренный невероятным самолюбием и трудолюбием, осознал, как много времени он должен посвятить мастерству. Личность он строил сам, кирпичик по кирпичику, — и построил, но она основана на неповторимости, а не на «эго». Сегодня это один из самых выдающихся актеров в Польше.

Именно по этой причине я как педагог боюсь после первого года обучения выносить приговор о том, что кто-то не пригоден к дальнейшей учебе. И на вступительных экзаменах, и на экзаменах первокурсников я испытываю страх перед работой селекционера. Разве что у студента нет таких основополагающих способностей, как умение фиксировать, то есть запоминать. Тогда он, вне всякого сомнения, не годится для театра. Но, может быть, способен играть в кино.

Я считаю, что сильная личность нужнее в жизни, чем на сцене. А вы как зритель ожидаете не столько сильной личности, сколько мозаики. Актер обязан обладать какой-то тайной, обязан быть очень

сложным, меняться, носить в себе чудовище и ангела, способность к самопожертвованию и умение свернуть кому-то шею — выражаясь более образно. Необходимое для актера условие — способность преображения.

— *Олег Табаков неохотно принимает в актерское училище гомосексуалистов. Он утверждает, что им никогда не удастся сыграть настоящего героя-любownika. Что вы об этом думаете?*

— Я, пожалуй, с ним согласна. Сыграть-то они сыграют, и часть публики им даже поверит, но только часть. Не забудем, однако, что современный театр дает такие огромные возможности, предлагает такой широкий выбор ролей, что там найдется место для всех. Человек с иной сексуальной ориентацией вовсе не обязан играть героя-любownika. А на сцене важнее всего воображение.

— *Вы урожденная краковянка, и выбор краковского училища был для вас, можно сказать, очевидным. Но все-таки — выделяется ли чем-то это училище на фоне других?*

— Мы любим так о себе говорить, но по справедливости должна сказать, что я не уверена, действительно ли оно чем-то выделяется.

— *В таком случае я могу привести мнение Эрвина Аксера, много лет связанного с варшавскими кругами, но в свое время преподававшего в Кракове. Он считает, что здесь сохранено уважение к слову.*

— Правда. Но если бы это еще имело продолжение... Молодежь выходит из нашего училища с убеждением, что слово — один из самых существенных элементов актерского искусства, после чего молодые режиссеры успешно их от этого отучают. Сейчас господствует такая мода — невразумительно бормотать. И это не только проблема молодежи. Я слышу, как говорят наши политики. Жуть! Слышу телевизионных журналистов, ставящих ударение по-чешски, то есть на первый слог. Это ударение побудительное, имеющее целью тут же приковать внимание зрителя, подчеркнуть притягательность любой ценой, вопреки основам польского языка.

В краковском училище у нас гораздо больше, чем в других местах, занятий по чтению стихов. Особое внимание мы уделяем выговору и дикции, исходя из того, что если до зрителя не дойдет как следует произнесенный текст, то он не поймет, о чем идет речь. К сожалению, сегодня режиссеры считают, что достаточно показать зрительный образ, несколько театральных эффектов, и тогда уже вполне хватит бормотанья. А ведь слово несет мысль.

Тадеуш Кантор оперировал больше всего зрительными образами, но он был гений.

— *Почти с самого начала вы были связаны с краковским Старым театром, работая там под руководством самых видных режиссеров. Для вас важнее всех оказался Конрад Свинарский*. Почему?*

— Прежде всего у него я сыграла большинство своих ролей. Но вдобавок мы стали как бы артистическим союзом. Началось это крайне бурно: при первой встрече он предложил мне роль служанки Сусанны в пьесе Анонима «Жалостная и правдивая история господина Ардена из Февершема», а я хотела сыграть там другую роль. Когда люди ссорятся, а потом вынуждены помириться, между ними рождается нечто особое и устойчивое. Так между нами заискрило и пошло дальше. Следующей ролью был Орцио в «Небожественной комедии», из-за которого мы поссорились еще сильнее, а, начав мириться, становились все более открытыми друг к другу. Конрад — известный тем, что в вопросах исполнения ролей был непримирим, — поддавался моим внушениям насчет роли Орцио. Мое предложение частично опиралось на его представления, но частично вносило иные элементы. Результат оказался поразительно хорошим, и это уже связало нас полностью. Потом он в каждой новой постановке искал для меня роль. Иногда ему приходилось немножко комбинировать. Так было в «Воццеке» Георга Бюхнера, где он специально соединил две небольших роли в одну более значительную.

* Конрад Свинарский (1929-1975) — режиссер, сценограф, один из самых выдающихся деятелей польского театра XX века. Его главные постановки — «Марат/Сад» П.Вайсы, «Клоп» Маяковского, «Сон в летнюю ночь» и «Все хорошо, что хорошо кончается» Шекспира, «Небожественная комедия» Красинского, «Дядя» Мицкевича, «Освобождение» Выспянского. Погиб в авиакатастрофе.

— *Вы как-то сказали: «Для Свинарского я была как Галатеей для Пигмалиона».*

— Он учил меня всему, не только актерству. Учил меня миру и жизни. Свинарский был эрудит, причем умел наблюдать окружающий мир необычайно проникновенно, так же смотрел и на людей. Он учил меня «читать» людей. Показывал, что есть искусство, а что — китч, что безобразно, а что благодаря соответствующему преобразованию может стать прекрасно. Я принимала все это полными горстями, запоминала — и все-таки не до конца сознавала, какое огромное влияние окажет это на мое будущее. Конрад был харизматической личностью: в контакте с ним хотелось впитывать его в себя. И тут не сила личности была важнее всего, а ее богатство.

— *Под его влиянием вы пошли учиться режиссуре. Не была ли это амбициозная попытка превзойти учителя?*

— Ну не-е-ет... Было по-другому.

Свинарский, отчасти того не сознавая, все время учил меня режиссуре, после чего спровоцировал поставить спектакль. Правду говоря, он хотел избавиться от меня в «Освобождении» Выпянского, где я играла, но в то же время мне хотелось чего-то большего. Предчувствуя это, он подал мысль поставить «Двое на качелях» Уильяма Гибсона.

— *Удачный дебют. Были хорошие рецензии.*

— А когда «Освобождение» было готово, Конрад позвал меня: «Иди, посмотри». Позже от тогдашнего директора Старого театра я узнала, что Свинарский относился ко мне как к лакмусовой бумажке, наблюдая мою реакцию во время всего спектакля: нет ли где-то чего-то, что наводит на меня скуку, чего-то, чего я не понимаю и потому теряю терпение, и есть ли то, что меня увлекает. Но учиться режиссуре я пошла не только из-за хороших рецензий на «Двое на качелях». Еще и из страха после трагической смерти Конрада. Я была в каком-то смысле актрисой «при нем», а теперь могло оказаться, что никто не будет давать мне ролей. К счастью, через год это переменялось.

— *Об Анджее Вайде вы говорите: «Он стал для меня человеком providенциальным». Что это значит?*

— Он стал providенциальным однажды, когда заставил меня сыграть Анелю Дульскую в спектакле «С бегом лет, с бегом дней» в 1978 году. Но я ненавижу эту роль!

— *Почему?! Вся Польша помнит эту вашу фантастическую роль в кинофильме, снятом по спектаклю!*

— Да потому что я играю чудовище. Но Анджей именно тогда заставил меня осознать, что я приближаюсь к сорока годам и самое время сойти с пьедестала героинь и начать играть характерные роли. Он мне это прямо сказал, хотя и очень вежливо: «Надо сыграть. Попросту надо!» Это была измена всему, чему учил меня Конрад. Конрад назначил меня лирико-драматической героиней, а Анджей вдруг потребовал, чтобы я воплотилась в чудовище на грани комизма. И хорошо: благодаря этому я пошла вперед, расширяя поле своих возможностей.

— *Почему вы так мало играете в кино?*

— При малом росте и худобе у меня характерные черты лица. Один кинорежиссер сказал мне когда-то, что выражением лица и всей своей манерой я слишком сосредотачиваю внимание на себе, а этого в кино не любят. Правда, Марте Мессарош это не мешало, и я сыграла у нее несколько замечательных ролей. У Кеслёвского в «Декалоге VII», у Анджея Баранского в «Двух лунах» — но это уже в новом веке.

— *Зато в театре вы, муза Свинарского и Вайды, играли у таких выдающихся режиссеров, как Ежи Яроцкий, Ежи Гжегожевский, Казимеж Куц, Кристиан Люпа, и у представителей самого молодого поколения режиссеров — у Гжегожа Яжины и Агаты Дуды-Грач. Трудно ли играть у молодых?*

— Мне повезло. Может, это вопрос интуиции, благодаря которой я попадала главным образом к таким режиссерам, с которыми мне работалось хорошо, например к Яжине. Он сумел извлечь из меня такие вещи, которых я сама от себя не ожидала: соединение характерности с лиризмом и даже комизма с лиризмом.

А с Агатой мы все время спорили. Она тогда была еще на четвертом курсе и, будучи студенткой, вынуждена была выносить мои настроения с большой долей терпения. Но в конце концов мы договаривались, так как у нас схожее отношение к жизни, или, иначе говоря, схожий темперамент.

— *Вы заслуженный педагог краковского Государственного высшего театрального училища и благодаря этому находитесь в постоянном контакте с молодежью. Вероятно, и это помогает в вашей работе с молодыми режиссерами?*

— Ну конечно. Вдобавок этот постоянный контакт не позволяет человеку состариться.

— *В «Креатуре» по «Воспоминаниям» Джона Марелла [в русском переводе «Смех лангусты»] вы сыграли Сару Бернар, то есть актриса сыграла актрису.*

— Теперь мы возобновляем этот спектакль. Сара — вот это была чумовая! Ей хватало смелости делать в жизни такие вещи, какие я никогда бы не осмелилась. Она, наверное, все это могла, потому что физически была гораздо сильнее меня.

— *Насколько эта роль стала для вас конфронтацией с самой собою?*

— В большой степени. Ту появляется физическая проблема — здоровья, столь важного для актера. У Сары была ампутирована нога, а у меня во время работы над этой ролью были серьезные трудности с бедром.

— *В прошлом году, когда отмечали 45-летие вашей работы на сцене, вы сказали: «Провидение меня щедро одарило: дало мне способности, интуицию, эмоциональность — всё, что нужно актрисе. Зато природа обошлась со мной нехорошо. От нее я не получила ни роста, ни красоты, ни здоровья». Неужели как раз эта нехватка щедрости природы оказалась для вас ценным даром?*

— Пожалуй, я выразилась не очень точно. Скажем, что природа обошлась со мной не слишком милостиво. «Нехорошо» звучит чересчур резко, вызывает ассоциации с серьезными недостатками. А в моем случае речь идет прежде всего о физической слабости. Такой недостаток трудно назвать даром, хотя, разумеется, он заставлял меня бороться, то есть мобилизовал к усиленной работе над собой. Сара Бернар сказала: «Моя сестра всё получила от природы — и прекрасные волосы, и прекрасный рот, а я только прекрасные зубы». Она преувеличила, глаза у нее тоже были прекрасные, но фактически всё остальное ей приходилось себе выдумывать. Со мной было что-то похожее. Из-за малого роста я сыграла роли, которых никогда не сыграла бы, будучи высокой девушкой. Благодаря этому мне достались такие роли, как Иоас в «Судьях» Выспянского, Орцио в «Небожественной комедии» Красинского или Девушки в «Прощай, Иуда» Иредынского. Проще говоря, это была коллекция молодых девушек и детей. Но, став старше, я не могла сыграть ролей, о которых мечтала, потому что эти дефекты уже надо было скрывать искусственно. Например, Розалинду в «Как вам это понравится» Шекспира».

— *Я по-прежнему не понимаю, как недостаток может быть даром. Считаете ли вы, что благодаря этому человек становится душевно сильнее?*

— Думаю, у него тогда больше воли к борьбе. Если он актер, то становится универсальной и имеет возможность сыграть больше интересных ролей. Вот эта возможность и есть, по-моему, дар. С этим я действительно могу согласиться.

— *Мне встречались мнения о характерной для вас «внутренней эмоциональности», о том, что это ваш важнейший актерский козырь.*

— Но что это, собственно, такое: «внутренняя эмоциональность»? Такая, что не обнаруживается? Эмоции рождаются внутри человека, их там можно подавлять, накапливать, но я-то свои как раз вывожу наружу. Иногда они вырываются даже чересчур бурно. Бывает, что я ими не владею и сознаю это. Но это вопрос эмоций в жизни, потому что на сцене у меня уже такая техника, что всё находится под контролем. Когда-то, признаюсь, и на сцене бывало по-всякому. Мое актерство считали слишком стихийным, а во времена моей молодости такой экспрессивности не любили. Ее оценил только Конрад Свинарский. Разумеется, он умел так ею управлять, что потом я сама поняла, на чем основан контроль над собой. Следовало пустить эмоции в нужном направлении, по нужному пути, чтобы на сцене они дали задуманный результат, а не хаос.

— *Говорят, актеры переносят театр в реальный мир, играют всегда, инстинктивно. Согласны ли вы с таким мнением?*

— Вы, пожалуй, видите, что на протяжении всего нашего разговора я играю. Но это вопрос экспрессивности: я вообще так говорю с любым человеком, независимо от того, где это происходит — на сцене или за столиком в кафе. Самое главное, что возникают отношения между людьми. С той разницей, что за столиком я могу и переиграть с экспрессией: жестикулирую, строю рожи, модулирую голос или валяю дурака. А на сцене я всё контролирую. На репетициях ищу надлежащей выразительности, но после того, как мы с режиссером уже все определим, я обязана пустить свою экспрессивность в нужном направлении, потому что роль должна быть точно действующей структурой.

— *А как у вас дела с мандражом? Можно ли его за многие годы преодолеть?*

— У меня всегда перед спектаклем мандраж. Это состояние определенной напряженности. С одной стороны, страх за внутреннюю сосредоточенность, power, которую надо из себя высечь, но еще и чисто технический вопрос: страх забыть текст или выпасть из роли.

— *А контакт с большими массами людей?*

— Тут, в свою очередь, вступает в игру необходимость обнажиться, показать, что у тебя внутри, а человек носит в себе естественную склонность к интимности. Когда мы даем интервью, тоже приходится обнажаться. Вы, задавая вопросы, разоблачаете себя передо мной, а я, отвечая, разоблачаюсь перед вами.

— *Наш разговор — тоже двойная игра...*

— Поэтому я сознательно оперирую у вас на глазах своей экспрессивностью, а заодно приходится следить, чтобы не выпалить чего-то ненужного. Обе мы друг перед другом примериваем какие-то маски.

— *Становится ли постоянная борьба с мандражом таким сильным стрессом, что он отражается и на повседневной жизни?*

— И еще как! Актеры — очень нервный народ.

— *Был ли у вас случай играть перед русскими зрителями?*

— В 1969 г., во время «Дней польской культуры», наш Старый театр гастролитировал в Москве. Мы показали в Театре им. Вахтангова четыре спектакля: «Фантазий» Словацкого, «Судьи» и «Проклятие» Выспянского, «Мою доченьку» Ружевича и «Укрощение строптивой» Шекспира. Эти гастроли моно было считать обзором польской драмы плюс для красоты Шекспир. Принимали нас восторженно, реакция публики была чудесной. А вдобавок — контакты с тамошними актерами, приемы, вечеринки, прогулки по городу. Одним словом, мы испытали настоящее художественное удовлетворение. А когда вернулись, нам прислали многочисленные рецензии. Это было что-то совершенно невероятное: самые прекрасные слова, комплименты, определения нашего мастерства, возможностей и личностей, какие только я в жизни получала от журналистов. В Москве я собственными глазами могла убедиться, что для русских искусство — как воздух, как свободное дыхание.

Беседу вела Сильвия Фролов

Анна Полонь (г.р. 1939, Краков) — театральная и киноактриса, режиссер, педагог театрального училища. Принадлежит к самым выдающимся польским актрисам, десятилетиями связана с краковской сценой, получила прозвище «первой дамы Старого театра».

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Стихи Йонаша Кофты

Мемориал: «Тридцать Седьмой»

Беседа с Анджеем Рознером

А. Поморский о книгах В. Британишского

В. Блинков: спорная Роспуда

О. Закиров: из воспоминаний

Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой

Б. Поцей о Ванде Ландовской

К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский,

А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.

Беседы Сильвии Фролов с Е. Аксером, Л. Турским

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберга и др.,**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczość@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczość

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiążki@wp.pl

DIALOG

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

dwutygodnik ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.

тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.

тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.nowpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли.

Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent literatura i sztuka • kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли.

Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.

тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail: teatr@bn.org.pl

Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

Cena 14 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

07